

В. В. Алексеев

**НА
ПЕРЕПУТЬЕ
ЭПОХ**

**ВОСПОМИНАНИЯ
СОВРЕМЕННОКА
И РАЗМЫШЛЕНИЯ
ИСТОРИКА**

Екатеринбург

2013

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)6
А47

**Издание подготовлено при поддержке медиа-холдинга
«Уральский рабочий»**

Алексеев, В. В.

А47 На перепутье эпох : воспоминания современника и размышления историка / В. В. Алексеев. – Екатеринбург : Издательство АМБ, 2013. – 280 с. : ил.

ISBN 978-5-8057-0869-6

Перепутье политических эпох в российской истории XX века осложнилось многочисленными катаклизмами, которые получили противоречивое толкование в науке. Попытке найти главную причину таких противоречий посвящена книга академика В. В. Алексеева, которая представляет собой оригинальный сплав личных наблюдений и научных изысканий на протяжении более полувека. В емком, но интересном и доступном широкому кругу читателей изложении представлены две линии – оценка сталинской, постсталинской, горбачевско-ельцинской эпох, их ключевых событий и творческий путь ученого в эти годы, его усилия по продвижению своих взглядов. Книга хорошо иллюстрирована, легко читается.

**УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)6**

ISBN 978-5-8057-0869-6

© Алексеев В. В., 2013
© ООО «Медиа-холдинг «Уральский рабочий», 2013
© Оформление. Издательство АМБ, 2013

*Памяти моих родителей
Василия Дмитриевича
и Евдокии Ульяновны Алексеевых
посвящаю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель! В твоих руках необычная книга, в которой сочетаются наблюдения современника событий XX века с их анализом профессиональным историком. Это предоставляет возможность облегчить понимание противоречивости сложнейшего века в человеческой истории, взвесить цену побед и поражений нашего Отечества в нем. Сущность столетия рассматривается с точки зрения мировых глубинных социально-экономических закономерностей. В ней две сюжетные линии. Первая – стержневые проблемы эпох от сталинской до горбачевско-ельцинской. Вторая – творческий путь автора и результаты его исследования вышеуказанных проблем.

Первая линия, основанная на обширном круге разнообразных источников, исходит из того, что в России XX века под лозунгом строительства социализма осуществлялся крутой поворот от традиционного аграрного общества к современному индустриальному со всеми вытекающими отсюда позитивными и негативными последствиями. Она вошла в мировую индустриальную цивилизацию, а не осталась на ее обочине. Сохранившиеся изъяны модернизационного перехода сдерживают ее нынешнее развитие. Их всестороннее изучение – насущная задача обществоведения.

Вторая линия отражает усилия автора по разработке основополагающих проблем России в калейдоскопе мировой истории: цивилизационное своеобразие российских модернизаций; трансформация Российской цивилизации в ходе советских преобразований и после распада СССР; дискуссионные вопросы национальной идеи; региональные конфликты; промышленное развитие и индустриальное наследие; исторический опыт и его внедрение в социальную практику; спорные проблемы гибели царской семьи и многие другие. Интересна практика научно-организационной деятельности автора в Сибирском и Уральском отделениях РАН: организация гуманитарных исследований в программе «Сибирь»; основание Института истории и археологии; создание Уральской академической школы историков; участие в многочисленных научных форумах в России и за рубежом; перевод его книг на иностранные языки.

Книга В. В. Алексеева представляет значительный интерес как для ученых, так и для широкой общественности. Она написана емко, но читается легко. Рекомендую ее тем, кто желает расширить свои познания о нашей стране.

18.04.2013

*Г. А. Месяц, академик,
вице-президент РАН*

ВВЕДЕНИЕ

История – это процесс развития человечества. Его результаты изучает историческая наука по эпохам, цивилизациям, континентам, странам, этносам, политическим и социально-экономическим структурам, объясняя людям их прошлое, для того чтобы лучше понять настоящее.

История – наука социальная не только потому, что она исследует прошлые общества, но и потому, что отвечает на запросы настоящего, фактически каждого нового поколения в той мере полноты, в какой сохранились для этого источники. Поэтому историк обладает лишь относительной истиной. Всей правды истории не знает никто. Однако для человечества важно понять хотя бы основные ее движущие силы, для того чтобы заглянуть в свое будущее, которое основывается на сплаве прошлого и настоящего. В этом огромная значимость общественного потенциала истории.

История как область человеческого знания является синтезом науки и искусства. Науки – потому что она требует выявления и глубокого осмысления огромного количества фактов, приведения их в систему, установления причинно-следственных связей в развитии общества, выявления влияния на него исторических личностей и титанических усилий народных масс по обеспечению своего существования в различных природно-климатических и социальных условиях. Научность истории нередко отрицается на том основании, что она состоит из множества случайностей и непредвиденных обстоятельств. На это мой друг, британский профессор Пол Дьюкс, отвечает: «Вулканы представляют аналогичные трудности, но никто не будет отрицать, что вулканология – наука». Причастность исторической науки к искусству объясняется тем, что история по природе своей отражает героизм и трагизм человеческой личности и, в отличие от других наук, требует живого образного восприятия и эмоционального воздействия на людей с целью подвигнуть их на те или иные свершения.

Историков нередко упрекают в том, что они переписывают свои труды. Если история – наука, то она должна развиваться как другие отрасли знания, а потому совершенствоваться и уточняться по мере поступления дополнительной информации, возникновения новых запросов общества и продуцирования свежих идей. К сожалению, историю иногда переписывают в угоду политической конъюнктуре, что ничего общего с наукой не имеет и рано или поздно отторгается. Поэтому историк должен слушать не власти, а истине.

По мере ускорения исторического процесса и совершенствования научного познания возрастает роль исторического знания, необходимость использования его в современной социальной практике. Чтобы сохраниться и занять достойное место в новом обществе, исторической науке предстоит перестроиться от описательности к аналитичности. Наряду с воспитательной

и идеологической функциями ей предстоит развить прогностическую, обеспечивающую повышение обоснованности решения проблем современности на основе исторического опыта. В этом отношении уже сделаны первые шаги на базе факторного анализа, математического моделирования и изучения исторического опыта.

Для перестройки историческая наука имеет богатейшую базу – общественный потенциал исторического процесса, который пока еще слабо используется человечеством, предпочитающим идти вперед без оглядки на свое прошлое, таящее массу грозных предупреждений для настоящего и будущего. Отсюда бесконечное повторение трагедий – новых по форме, но фактически старых по содержанию. Это прежде всего относится к войнам, социальным потрясениям, экологическим катастрофам.

Все это Россия с лихвой испытала в двадцатом столетии. Весь век она находилась *на перепутье* (*на пути к чему-то* – по В. Далю) от одной политической эпохи к другой, не успевая адаптироваться к ним. Основные жизненные циклы поколений, в том числе и мои, почти полностью совпадали с этим перепутьем.

В фокусе внимания автора книги – смена политических эпох в России со второй половины 20-х годов до конца XX века сквозь призму его личного восприятия и интерпретации с позиций теории модернизации. В последнее время предлагаются иные методологические подходы, но они не объясняют всей глубины цивилизационной значимости того, что произошло с Россией в XX веке. В соответствии с обозначенной задачей изложение в книге ведется по трем эпохам: сталинской, постсталинской, горбачевско-ельцинской, поскольку каждая из них имеет свою специфику, которая формулируется в кратких предисловиях к разделам. Отсюда две переплетающиеся сюжетные линии в книге. С одной стороны, научная стезя автора и его участие в разработке крупных исторических проблем XX века, а с другой стороны, его оценка развития страны того времени. Это не систематическое изложение российской истории XX века, а интерпретация ее ключевых позиций, не автобиография, а попытка человека, пережившего названные эпохи, передать свои впечатления от них и постараться осмыслить их теоретически. Исходя из замысла книги (воспоминания и размышления), при написании использовались два стиля – мемуарный и научный. Чтобы не затруднять восприятие текста, сноски даются только в самых необходимых случаях.

Выражаю благодарность за отчетные материалы Л. Коряковой, И. Побережникову, Е. Созиной, А. Шорину, Е. Ивановой и Г. Шумкину за подготовку рукописи к печати; медиа-холдингу «Уральский рабочий» за предоставление ценных оцифрованных архивных материалов газеты и помощь в публикации книги. Надеюсь, что она послужит актуализации общественного потенциала истории, привлечет внимание к совершенствованию исторической науки, ее повороту к нуждам социальной практики.

ЭПОХА
Сталина

Вторая половина двадцатых – начало пятидесятых годов XX века вошли в российскую историю как эпоха Сталина. Она характеризуется великими победами и крупными поражениями, возрождением Российской империи после разгрома в Первой мировой войне, стремительным переходом от традиционного аграрного к индустриальному обществу, победой над фашизмом во Второй мировой войне, невиданным героизмом и тяжкими страданиями народа. Ее крайне противоречиво оценивают политики и ученые. Как современник и исследователь той эпохи попытаюсь высказать свою точку зрения о ней.

«ЗОЛОТОЕ ДНО»

В России широко известна народная песня «Бродяга», которая начинается словами:

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащилась с сумой на плечах.*

Это про мой родной край с суровыми природно-климатическими условиями, где температурный максимум колеблется летом от +38 °С до –60 °С зимой. Большая его часть покрыта лесами, в которых водятся соболь, белка, горностай, бурый медведь, рысь, лось, косуля и другие звери, а в реках – ценные породы рыб: осетр, омуль, таймень, хариус. Недра богаты разнообразными полезными ископаемыми – от золота до бурого угля.

Столетиями Забайкалье играло пограничную роль с восточными соседями Российской империи. Его границы охраняло казачество – наиболее зажиточная часть местного населения. Оно представляло собой традиционное общество с опорой на земледелие и скотоводство, которые более активно развивались в степных районах Даурии. Подавляющая часть населения проживала в сельской местности, оторванной от центров городской культуры, чем закреплялась патриархальность деревни и ее почти поголовная неграмотность. Зачатки промышленности были связаны с добычей серебра (с XVII века), а затем золота (с XIX века), где использовался труд приписных крестьян, каторжан, а потом вольнонаемных рабочих. Чрезвычайно важное значение для развития Забайкалья имело строительство в конце XIX – начале XX веков Транссибирской железнодорожной магистрали, по обе стороны которой появлялись городские поселения, формировался рынок товаров и труда, рос образовательный уровень населения, что свидетельствовало о начале модернизации края.

Однако она была заторможена революцией и гражданской войной. Политическая нестабильность и экономическая разруха

Родное Забайкалье

*Транссибирская
железнодорожная
магистраль.
Фото 1896 года*

парализовали жизнь забайкальцев. Атаман Забайкальского казачьего войска Г. М. Семенов пытался создать под своим протекторатом Государство Великой Монголии, куда должно было войти Забайкалье, но этим планам не суждено было осуществиться. Возникла буферная Дальневосточная Республика. Финансовые спекуляции в ней вели к обвалу национальной валюты. В ход пошли японские иены, на которые равнялись другие денежные знаки, причем нередко те, которые в Центральной России уже вышли из употребления.

После окончания гражданской войны и восстановления народного хозяйства Забайкалье вернулось к модернизации, начался ее принципиально новый этап. Интенсивное развитие получила горнодобывающая промышленность: железная, вольфрамовая, молибденовая и др. По добыче золота Читинская область вышла на второе место в СССР. В сельском хозяйстве преимущественное значение имело животноводство, особенно овцеводство. К середине 50-х годов насчитывалось несколько сот колхозов. Выросли новые города: Балей, Хилок, Шилка и др. Население области достигло 1 млн человек. Имелось свыше 700 начальных и около 150 средних школ, функционировало два вуза – педагогический и медицинский институты. Все это вместе взятое демонстрировало движение по пути модернизации, хотя и менее активно, чем в центральных регионах страны.

В хребтах водораздела между Тихим и Ледовитым океанами затерялся забайкальский поселок Могоча – «золотое дно» в переводе с эвенкийского. Кавычки здесь не только грамматические, но и смысловые. На это «дно» с окрестных гор стекались сотни крестьян, завербованных на тяжелые работы по строительству Амурской железной дороги. Они и основали в 1908 году этот поселок, а потом сюда двинулись новые партии русского люда от страха перед коллективизацией и ужаса от сталинских репрессий. Подняться же с этого «дна» до жизненных высот поспешило немногим.

К началу 1911 года на Западно-Амурской железной дороге были закончены подготовительные работы, а в октябре 1913-го по ней пошли поезда, в декабре началось сквозное железно-

дорожное сообщение от берегов Амура до Невы. В 1914 году открылась станция Могоча (в 700 км к востоку от Читы), превратившись со временем в важный железнодорожный узел. Его обслуживали транспортники разных специальностей, сменившие строителей. Население формировалось за счет семей железнодорожников и золотоискателей. Долгие годы под окнами домов можно было видеть золотопромывальные бутары, а позднее драги на реках Амазар и Могоча. Вскоре Могоча превратилась в центр золотодобывающего района, который входил то в состав Забайкальской области, то Дальневосточного края, а с 1937 года в Читинскую область. Могоча не сыграла особой роли в российской истории, не породила выдающихся государственных деятелей, ученых или представителей искусства...

Мои предки по матери – крестьяне Амелины Ульян Николаевич и Прасковья Ивановна, выходцы из Орловской губернии. В поисках лучшей доли их родители в 1907 году уехали в Сибирь, в село Вершина Рыбная Енисейской губернии, а потом еще дальше на Восток – в Могочу. Родители отца Алексеевы Дмитрий Григорьевич и Евдокия Даниловна – сибиряки. Приехали в Могочу из деревни Козино Томской губернии во время коллективизации, когда у них забрали в колхоз последнюю корову и даже сено с крыши. Обе

Забайкальские казаки Размахнины (род основан в 1630 году)

Город Могоча

*Родители Василий
Дмитриевич
и Евдокия Улья-
новна Алексеевы*

т. Даже ночью, вернувшись с работы, за тарелкой щей или чашкой чая углублялся в чтение. Нередко ставил меня – студента, в тупик вопросами по истории. Исповедуя православную веру и будучи большим патриотом Отечества, папа резко критиковал фарисейство священников и партийных бюрократов. Особенно доставалось парторгу могочинского депо Зубковскому. Мама была грамотнее отца на один класс той же школы. Добрая и отзывчивая, она полностью посвятила жизнь воспитанию шестерых детей, которые, получив разные уровни образования, везде считались хорошими работниками.

Поселок Могоча находится в тайге, преимущественно лиственничной. Отдельные деревья – почти в два обхвата. Из них строились дома, настилались полы в разных учреждениях. На могочинском железнодорожном вокзале, построенном во времена прокладки Транссиба, ширина половых досок достигала 40 и более сантиметров. Они не боятся сырости, не гниют. Был удивлен, когда в далекой Венеции увидел сваи из сибирской лиственницы, простоявшие в морской воде несколько веков. Климат в Могоче очень суровый. Снега выпадает мало, господствует вечная мерзлота. Условия работы и жизни невероятно трудные. Недаром возникла поговорка: «Бог создал Сочи, а черт Могочу».

Несмотря на крайне неблагоприятные природные условия, могочинцы занимались огородничеством, содержали домашний скот. Наша семья имела большой огород, накапывала до 100 мешков картошки, часть продавали и покупали на вырученные деньги мясо для пропитания суровой зимой. Постоян-

бабушки прожили долгую жизнь – более 80 лет, дедушки – поменьше.

Отец Василий Дмитриевич Алексеев и мать Евдокия Ульяновна Амелина встретились и поженились в Могоче. 3 июля 1934 года у них родился автор этой книги. Отец тогда работал помощником паровозного машиниста. Он окончил один класс церковно-приходской школы, но от природы был умным и волевым человеком. Всю жизнь проработал машинистом в паровозном депо станции Могоча. Неизменно был в числе передовиков производства. Несмотря на трудную и ответственную работу водителя тяжеловесных составов и пассажирских поездов, постоянную занятость домашним хозяйством и большой семьей, много чита-

но держали дойную корову, а некоторое время даже две, да еще и лошадь. До сих пор страшно вспомнить, как молодой конь, застоявшись в стойле, скакал по двору и норовил перепрыгнуть через ворота. Мы с ужасом наблюдали эту скачку из окна. Сестренка Зина плакала, а я восхищался его энергией и неистребимым стремлением вырваться на свободу.

Эта лошадь и картошка воскрешают в моей памяти суровое военное детство. Весна 1942 года стояла сумрачная и холодная. Каждый уходящий день напоминал о том, что сроки посадки картошки кончаются, а весенний день, как говорит русская пословица, «год кормит», тем более военный. Отец решил распахать новый огород на побережье реки Амазар, неподалеку от нашего дома. Вставал в 4–5 часов утра, будил меня – восьмилетнего школьника, и мы ехали на берег. Садил верхом на лошадь, впрягал ее в плуг и наказывал держать ее за поводья так, чтобы она шла не по борозде, как обычно, а по ее кромке, поскольку самодельный плуг иначе не пахал. Лошадь все время норовила спуститься в борозду, а плуг в этом время вырывался из рук пахаря. Отец нервничал и наказывал меня. Ежась от холода и засыпая в седле, я пытался удерживать лошадь, но это не всегда удавалось. Мучение кончалось, когда подходило время отцу идти на работу, а мне в школу.

Домашней работы хватало всем: пахать, садить и убирать огород, косить сено и кормить скот, возить на санках или на тележке воду для себя и скота, убирать за ним, заготавливать дрова в лесу, возить домой, пилить и колоть, топить печку и выгружать золу. Для детей это не было удовольствием, но закаляло здоровье, характер, привычку к постоянному труду, а с другой стороны, сдерживало культурное развитие. Даже для чтения книг времени оставалось крайне мало. Приспособился читать

*Семья
Алексеевых*

Первые годы жизни

лиганы по большей части превратились в халтурщиков и пьяниц, ничего не давших ни своим семьям, ни обществу.

В немногие свободные от школьных занятий и домашней работы часы удавалось встретиться с друзьями. Со своими одноклассниками Анатолием Охременко и Рением Вакуновым зимой ходили на лыжах, катались с гор. Особенно привлекала гора Трясогузка, поросшая лесом с многочисленными ухабами, на которых лыжника трясло так, что трудно было маневрировать между могучими лиственницами и березами, в любой момент могли, что называется, сломать шею. Такой слалом не встретишь на нынешних модных спортивных базах. А весной, направляясь в походы, когда реки еще не полностью освободились ото льда, переходили их вброд, рискуя надолго простудиться, но все как-то обходилось. Молодой организм надежно выдерживал подобные испытания.

Беседа отца с сыном

с фонариком, когда выключали свет и все уже спали, но отец вскоре прекратил такое отклонение от режима.

Скучный домашний труд детей не вдохновлял. Мы с завистью смотрели на соседских ребяташек, которые целыми днями, а то и до глубокой ночи играли и хулиганили на улице от нечего делать. Много времени спустя, в студенческие годы, и особенно позднее, когда появились свои дети, я осознал правильность линии отца, который был убежденным противником разболтанности и безответственности. Время показало, что те могочинские бездельники и ху-

В летнюю пору многочисленные выходы за ягодами и грибами служили хорошим подспорьем для семейных бюджетов. В урожайные годы набрать пару ведер брусники было не так уж трудно, но вынести ее из тайги в корзине за спиной, когда сок тек и разъедал поясницу, оказывалось далеко не просто. Немного легче доставались грибы, особенно грузди, которые росли полянами и весили меньше, чем ягоды. Теперь такие экологически чистые грибочки встретишь нечасто, разве что в дорогих ресторанах.

Взрослые мужчины охотились на лосей, изюбрей, лис, зайцев, иногда на медведя и других обитателей тайги, что также пополняло семейный бюджет. Однажды забрел даже уссурийский тигр, который стал охотничьим трофеем. Мясо дичи, постное, но деликатесное, считалось лучшим лакомством. Особо ценились панты изюбра, из которых кустарным способом делали пантокрин, чрезвычайно ценный для ослабленных людей, прежде всего мужчин.

Случались опасные испытания. Однажды летом на покосе разразилась гроза: молнии разбивали в щепу толстые деревья, обломки разлетались, втыкаясь в землю. Мне под проливным дождем пришлось лавировать между огненными стрелами, которые метало небо, а дедушку Дмитрия в шалаше перебросило с одной стороны на другую, что сказалось на его здоровье. В другой раз, на зимних каникулах, мы с братом Анатолием в тридцатиградусный мороз перевозили через скованную льдом речку дрова. В одну из таких поездок мотоцикл заглох. Брат долго пытался завести наш «Иж-350», но не получалось. Вокруг стояла беспросветная тьма. Вдруг мой взгляд привлекли мерцающие зеленые огоньки. Собиралась волчья стая, а мы были далеко от поселка. В отчаянии толкнули изо всех сил мотоцикл, и он, покотившись вниз по склону дороги, к нашему счастью завелся. Я схватился за руль, а брат вскочил на прицеп с дровами. Скорость развили большую, кое-как ушли от погони. Как-то попали в таежный пожар: языки пламени охватывали деревья, взлетали на стога сена, которые взрывались, словно бомбы. Огненная лава с гулом катилась по земле, втягивая многочисленные жертвы.

Отчий дом

Рабочий поселок Могоча в мои молодые годы насчитывал около пяти тысяч человек. Это были железнодорожники, золотодобытчики, лесорубы, охотники, работники коммунального хозяйства. Наиболее интеллектуальную часть населения представляли учителя нескольких школ, работники библиотек, врачи, инженерный корпус железнодорожных и горнодобывающих предприятий. Никаких культовых учреждений не существовало, хотя удельный вес верующих, главным образом православной конфессии, среди лиц старших возрастов был значительный.

В комнате моей бабушки висели православные иконы. Она пред ними молилась, соблюдала посты и религиозные праздники. Как-то сильно забеспокоилась – у нее окончился расчет дня Пасхи на очередной год. Вызвался помочь. Она с удивлением посмотрела на меня и сильно засомневалась. Взяв соответствующий том «Большой советской энциклопедии», прочитав о Пасхе и усвоив методику ее расчетов, представил бабушке пасхалию на ближайшие годы. С замиранием сердца ждал результата. Он совпал с церковным календарем, привезенным родственниками. С тех пор и до конца жизни бабушка с особым вниманием относилась ко мне.

Руководящими органами были поселковый, а потом районный Совет депутатов трудящихся и районный комитет ВКП(б). Поселок располагался по обе стороны железной дороги и состоял из нескольких сотен в основном частных деревянных домов с печным отоплением, отсутствием централизованного водоснабжения и канализации, улиц со щебеночным покрытием, невыносимо грязных в сырую погоду.

Суровым испытанием для могочинцев, как и для всей страны, стала Отечественная война, хотя они жили на задворках советской империи, очень далеко от линии фронта. В армию ушли братья моей мамы Николай, Петр и Василий. К счастью, они вернулись живыми. Уже в первые месяцы начались трудности с продовольствием. Ребятишки с нетерпением ждали, когда что-нибудь вырастет в огороде. С жадностью съедали каждый корешок редиски, еще больше разжигавшей аппетит. Продовольственная ситуация начала чуть-чуть облегчаться только к следующей осени, когда созрел урожай картофеля, посаженный уже военной весной. За годы войны износилась одежда. Ходил в школу в перешитой отцовской железнодорожной шинели и перекроенных дедушкиных сапогах. Единственное исключение составляли добротные американские солдатские ботинки, выданные отцу за хорошую работу. С ними произошел казус через много лет.

Выступая в Вашингтоне на научной конференции «Россия и США во Второй мировой войне», попытался вопреки официальной советской позиции дать объективную оценку роли американского «лендлиза», привел в пример американские паровозы в Сибири и эти ботинки, в которых до тех пор ходил в туристические походы. После заседания обступила толпа журналистов с недоуменными и восхищенными вопросами: неужели в самом деле, спустя почти полвека после войны, русские ходят в американских ботинках?!

Работа машиниста была очень трудной, нередко целыми сутками без сна, с полной мерой ответственности за военные грузы или людские эшелоны, идущие из сибирской глубинки на фронт. Частенько, имея несколько часов для отдыха, отец, не раздеваясь, в пропитанной мазутом одежде, ложился спать прямо на полу около входных дверей.

После войны жизнь постепенно входила в накатанную колею далекой окраины страны. Здесь по-прежнему не гремели всесоюзные стройки, не было ни заводов, ни фабрик. Правда, неподалеку в Давенде велась добыча молибдена, функционировало специальное рудоуправление. Началось изучение Удоканского медного месторождения мировой значимости. Из Могочи на север по Тушикскому тракту отправлялись большие партии грузовых автомашин, доставленных по железной дороге в наш поселок.

Сельское хозяйство фактически отсутствовало. Существовал только один колхоз в селе Покровка, недалеко от стрелки, где начинается Амур. Он влачил жалкое существование. Мне довелось наблюдать мрачную картину: чтобы удерживать на ногах исхудалых от бескормицы коров, их подвешивали на ремнях между

двух жердей. А единоличники – владельцы личных подсобных хозяйств, типичными методами традиционного общества добились эффективности своих домохозяйств. Трудоемкие работы: сенокос, уборка урожая, строительство – выполнялись коллективными усилиями нескольких родственных семей.

С отменой карточной системы в магазинах стали появляться продукты и промтовары, но за ними тянулись длинные очереди. Мне как старшему среди детей вместе с мамой приходилось долгими часами стоять в этих очередях, чтобы что-то купить для семьи. Основными источниками продовольствия были госторговля и личные подсобные хозяйства. Магазины поставляли хлебные изделия, сливочное масло, сахар, рыбу. Личные подсобные хозяйства давали в основном картофель, другие овощи и молоко, в небольшом количестве мясо и яйца. Постепенно происходила замена преимущественно картофельно-хлебного рациона мясным и молочным, восстанавливался довоенный уровень питания, обеспечивающий физиологические потребности населения.

Непродовольственные товары в первые послевоенные годы большей частью приобретались на рынке, где преобладали трофейные изделия, привезенные демобилизованными воинами из европейских и азиатских стран. Припоминаю, как мы – школьники, были увлечены китайскими и японскими авторучками, но в школе ими писать не разрешалось. К концу 1950-х годов основную потребность в непродовольственных товарах стала удовлетворять государственная торговая сеть. Там покупали одежду, обувь, хозяйственные товары, но все это было невысокого качества.

Расширялось приобретение товаров культурно-бытового назначения. В продаже появились радиоприемники, мотоциклы, фотоаппараты, стиральные машины, холодильники. Особенно запомнилось появление к нашей семье радиоприемника и мотоцикла. Наряду с советским радиовещанием иногда сквозь глушение прорывался «Голос Америки», что открывало новые горизонты в понимании происходящего в мире. Мотоцикл служил не только легковым транспортным средством, но и грузовым. На нем возили воду, картошку с огорода, копны сена на покосе и так далее. Водить мотоцикл и ремонтировать его меня учил замечательный мастер автомобильного дела, волевой, но очень добрый человек Виктор Васильевич Шишмарев, которого вспоминаю с чувством глубокой благодарности. Замена лошади в хозяйстве мотоциклом, появление радиоприемника как средства массовой коммуникации было реальным и конкретным шагом движения от традиционного к современному обществу.

Радио и печатное слово несли в народ официальную информацию, политические и культурные знания. По своей осведомленности о событиях в мире и стране он далеко продвинулся вперед по сравнению с эпохой традиционности. Важное значе-

ние имели неуклонный рост образования, появление новых профессий и частые выезды за пределы региона, особенно железнодорожников, имевших специальные льготы для этого.

Люди начали подписываться на произведения классиков художественной литературы, и чтение стало основным занятием в свободное от работы время, проводились читательские конференции. Народ на глазах менял свой культурный облик. Мой отец подписался на «Большую советскую энциклопедию». С нее начались мои виртуальные посещения экзотических стран и университетов. Все это свидетельствовало об ускорившемся модернизационном переходе – он происходил на моих глазах и стал для меня первой вехой на перепутье исторических эпох.

Несмотря на то, что значительная часть могочинцев была связана с передовым по тому времени железнодорожным транспортом, а в быт проникали новые достижения техники и информации, менталитет населения во многом оставался традиционным. Старшее поколение испытывало ностальгию по деревенской жизни и скептически относилось к советским преобразованиям, что подкреплялось необходимостью вести свое подсобное хозяйство. Отец под большим секретом рассказывал мне, как до революции дедушка Дмитрий Григорьевич ездил из деревни в город и даже за границу с партиями знаменитого сибирского сливочного масла. А дедушка по матери Ульян Николаевич Амелин, наоборот, рассказывал об участии в партизанском движении на стороне «красных».

Разница во взглядах на «белых» и «красных» накладывала отпечаток на стиль жизни двух семей, порождала отчаянные споры, а самое главное – различное отношение к жизненным ценностям. Мой дедушка Дмитрий и отец были приверженцами традиционных устоев: трудолюбия, строгих порядков, почитания старших, уважения к собственности и традициям предков, строгой этики, духовного совершенства, настороженного отношения к нововведениям. Дедушка Ульян и его семья исповедовали модернистско-советские ценности: возлагали надежды на государство, советскую власть, позволяли вольности детям, не требовали от них ответственного отношения к труду, учебе, поведению в быту, не прививали высоких духовных запросов. Видимо поэтому его сыновья ограничились школьным образованием, все трое пошли в партийные функционеры. Наша мама в определенной степени разделяла взгляды той

*Юный
мотоциклист*

семьи, что порождало напряжение между ней и отцом, создавало трудности для детей.

Мнения единодушно сходились в одном – осуждении сталинских репрессий, которые коснулись некоторых семей из нашей родни. Всем было понятно, что нелепо обвинять в политическом уклонизме путевого обходчика или слесаря по ремонту паровозов. Мой отец чудом остался на свободе, несмотря на свою прямолинейность и критику советских порядков. Эта проблема давала о себе знать и после довоенных репрессий, когда в 1947–1953 годах в нашем поселке расположилось управление Ключевлага. По улицам проводили оборванных и голодных заключенных. Женщины, подчас рискуя своей свободой, бросали им куски хлеба и теплую одежду.

Неожиданно пришло известие о смерти Сталина. 5 марта 1953 года вся наша школа была выстроена на траурную линейку. Заплаканные учителя объясняли невосполнимую потерю для страны, мира, для нас. Девочки плакали навзрыд. Некоторые парни тоже прослезились. И только несколько десятиклассников, в том числе и я, стояли понуриив головы, понимая чрезвычайную важность события, но не разумея, почему надо плакать по чужому дяде.

В обществе произошел – пока неявный – раскол на сторонников и противников вождя. Партийные органы придумывали разные траурные мероприятия, рядовые производственники занимались своим делом. Папа сначала отказался гудеть, проезжая мимо огромного портрета Сталина, вырубленного в скале каким-то бедолагой из заключенных, за что, как говорили, тот получил освобождение. Потом последовало распоряжение останавливать состав перед портретом, но его почти невозможно было сдвинуть

на подъем. Отец снова отказался, апеллируя возможностью аварии. Были большие неприятности, но он скоро от них отделался, не будучи коммунистом. Траурные мероприятия постепенно сошли на нет.

Позднее мне довелось увидеть Сталина, в тот короткий период, когда он лежал рядом с Лениным в мавзолее. Его невысокий рост, старческая полнота, низкий лоб и голова с редкими толстыми волосами не создавали

*Похороны Сталина,
1953 год*

впечатления величия, только застывшее лицо выражало волю и решительность. Тогда подумал, что такой человек не мог не оставить заметный след в истории, который будет по-разному оцениваться его потомками. Так оно и случилось. Шли бесконечные споры о наследии вождя. Преподаватели робко цитировали ленинское письмо к съезду с оценкой личности Сталина, не подозревая, какие страсти закипят о нем в дальнейшем, а историки окажутся на самом крутом переломе эпох – сталинской и постсталинской.

На Сталине много крови, о чем, осмелев, неустанно твердят более полувека спустя после его смерти, справедливо реабилитируют невинно пострадавших. Однако нельзя самим представлять свое Отечество империей зла, что никогда не делало ни одно государство, недопустимо глумиться над памятью нескольких поколений людей сталинской эпохи, вытащивших страну из трясины вековой российской отсталости и поставивших ее в ряд держав индустриальной цивилизации. Самое страшное, что от критики Сталина, или вместе с ней, произошло обрушение всех ценностей России, весь XX век великой страны залит грязью.

Во время Великой французской революции с не меньшим ожесточением рубили головы сторонникам старого режима, а Наполеон Бонапарт залил кровью многие страны Европы. Тем не менее его прах в саркофаге из карельского порфира возвышается в Соборе Инвалидов в центре Парижа. Франция не стала в глазах мирового сообщества исчадием ада, подобно России. Рано или поздно нынешняя вакханалия самоуничтожения кончится и наше Отечество обретет свою Площадь Согласия, как в Париже.

Синхронно с завершением сталинской эпохи окончились мои школьные годы и жизнь в отчем доме. Наступала университетская пора и приобщение к науке, что совпало с постсталинской эпохой. Заканчивая десятый класс, твердо решил поступить в университет на исторический факультет. Это было предрешиено. Однажды в холодный зимний вечер отец вернулся из поездки и попросил маму постелить на полу шубу, а для укрытия приложить собачью доху. Умывшись и поужинав, он предложил мне прилечь с ним. Я забрался под теплую доху и радовался теплу. Отец начал расспрашивать, как идут дела в школе (учился в восьмом классе). Постепенно разговор перешел на будущее. Поскольку в семье было шестеро детей, то ясно, что выучить всех ему было не под силу. Доверительно обращаясь ко мне, он сказал, что дедушка Дмитрий перед смертью просил найти возможность отправить меня в университет. Отец свято обещал исполнить его просьбу. А мне строго наказал быть готовым к поступлению. Так на самом «нижнем уровне», то есть на полу, было принято решение о моем университетском образовании. Это решение можно назвать «креативным», как принято говорить теперь, потому что могочинская молодежь, хотя и в небольшом

*Среди
одноклассников
(В. Алексеев
стоит в центре
во втором ряду)*

количестве, выезжала учиться или в технические вузы, или педагогические институты, но не в университеты – уровень подготовки не гарантировал поступление туда.

Однако судьба распорядилась так, что мне сначала пришлось идти на работу – в редакцию газеты «Могочинский рабочий». Поскольку редактор М. Н. Никонов часто отсутствовал по разным причинам, то мне нередко приходилось брать на себя ответственность за выпуск очередного номера, что в то время при неусыпном контроле райкома партии было не так просто для 18-летнего парня, еще не имеющего жизненного опыта. Правда все обошлось без существенных эксцессов и способствовало выработке ответственности за порученное дело.

Тогда же впервые столкнулся с решением конкретной исторической задачи. Мне было поручено написать статью о гибели крейсера «Варяг» во время Русско-японской войны. Школьных знаний для решения проблемы явно не хватало. Обнаружить нужную литературу в нашем поселке не удалось. Выручили воспоминания дедушки Дмитрия, который прошел всю Русско-японскую войну и не понаслышке знал о ней. Отличить главное, исторически значимое от второстепенного в его солдатском рассказе было непросто. Конечно, остались ошибки и неточности, но был получен собственный материал, который в сочетании с отрывками из попавшихся публикаций позволил составить своеобразную картину событий.

Статья удалась и с интересом читалась земляками. Редактор поздравил, но также отчитал за отсутствие партийной оценки событий. Зачем это было нужно и как реально выполнить, я по-

нения не имел. Впоследствии, став профессиональным историком, так и не извлек уроков из «ошибки» молодости, за что нередко «перепадало» до самой смены эпох в конце XX века. Из той же статьи сделал и другой, более позитивный вывод – стараться писать так, чтобы читателю всегда было интересно. В противном случае твой «товар» не будет востребован на гуманитарном рынке.

Через год представилась возможность поступать в университет. Тогда страна набирала темпы технического прогресса. Даже в нашей далекой Могоче – и в школе, и в семьях – постоянно шел разговор о необходимости высшего образования. Чувствовался подъем, стремление к более высоким жизненным целям. Конкурсы в вузах росли стремительно, сеть университетов и институтов не поспевала за ними. К тому же наша школа не блистала уровнем подготовки учеников. Мальчику с «золотого дна» нелегко было конкурировать с выпускниками элитных городских школ, хотя бесконечно благодарен тем учителям, от которых зависело мое гуманитарное образование: преподавателю истории Зое Ниловне Вагиной, литературы – Валентине Семеновне Ищутиной, классному руководителю Вере Филипповне Ивановой.

К сожалению, в школе не было преподавателя иностранного языка. При отправке документов в Иркутский университет, мне трудно было заполнить графу, какой иностранный язык буду сдавать? Пришел запрос. Ответил, что английский, поскольку он у нас преподавался в последние полгода в десятом классе. Все лето зубрил учебник грамматики английского языка. Других пособий и учителей не было. Настало время отправляться на экзамены. В Иркутске сошел с поезда, а куда двигаться дальше, не имел представления. На трамвайной остановке стояли две женщины. Одна сказала, что надо ехать налево, другая – направо. Послушал вторую, приехал в университет.

Все экзамены сдал на отлично. Остался последний – английский. Думал, конец, но тут помогло замешательство группы ребят с бурятского отделения. Они долго препирались, кто должен отвечать первым. Экзаменатор предложила идти мне. Я заметил, что впереди меня шестеро человек, есть время для подготовки, а экзаменатор, в свою очередь, дала понять, что сделает мне скидку. Ничего не оставалось, как идти совершенно неподготовленным.

Нарушая порядок, начал не с чтения английского текста, а с разбора грамматических предложений. Экзаменатор была очень довольна и предложила завершить экзамен чтением маленького английского текста. Тут-то и выяснилось, что незадачливый абитуриент не может правильно произнести ни одного английского слова. Наступила тягостная пауза. Вдруг экзаменатор улыбнулась и сказала: «Если ты в состоянии выучить наизусть целый учебник, то толк из тебя будет. Ставлю «хорошо»,

но не попадайся мне на студенческой сессии». В университет поступил, но на первом же занятии попал в группу к тому самому экзаменатору. Она, к счастью, оказалась человеком незлобным и дала возможность мне подтянуться. Так остался в университете. А английский до сих пор повергает меня в растерянность, но люблюсь, как мои дети – Алексей и Елена, а также внучка Алина свободно и красиво говорят по-английски и по-французски.

Поступив в 1954 году в университет, лишь изредка приезжал в Могочу, которая с 1950 года стала городом, но еще долго сохраняла промежуточное положение между традиционным и индустриальным обществом. Современный по тому времени железнодорожный транспорт и некоторые отрасли добывающей промышленности, а также формальный городской статус олицетворяли индустриальное общество, а образ жизни и в значительной степени менталитет по-прежнему оставались традиционными.

СОЦИАЛИЗМ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ?

Много лет спустя мне, выходящу из традиционного общества, знающего его изнутри, пришлось анализировать переход от него к индустриальному обществу в сталинскую эпоху. Об этом написано немало, но как современник той эпохи и ее исследователь я сформулировал свою точку зрения, которая существенно отличается от воззрений моих коллег.

По официальной версии историческая миссия И. Сталина заключалась в построении социализма в СССР. Одни утверждают, что он был построен, другие отрицают это и сводят всю деятельность вождя к диктатуре, гибели десятков миллионов людей. Возникает вопрос: что же на самом деле произошло с Россией в XX веке? Диктатура действительно была, как и во многих других странах межвоенного периода (1918–1938 гг.), не говоря уже о Второй мировой войне. Там люди также гибли, но как и почему это происходило в России? Ответы диаметрально противоположны в зависимости от идеологических пристрастий. Если от них абстрагироваться и руководствоваться строго научным подходом, то окажется, что революция 1917 года в России состоялась на перепутье между традиционным и индустриальным обществом, то есть носила цивилизационный характер. Конечно, на подходе к ней в стране существовали элементы индустриализма, а после ее свершения сохранялись рецидивы традиционности, но в итоге именно она открыла широкий фронт модернизации и вывела державу в мировую индустриальную цивилизацию.

Россия вступила в XX век преимущественно аграрной страной, когда многие передовые державы уже заканчивали переход от традиционного аграрного к современному по тому времени индустриальному обществу, то есть завершали свою модернизацию. Тысячелетнее российское аграрное общество переживало глубокий кризис. Несмотря на важные реформы второй половины XIX века, оно оставалось в основе своей традиционным, не отвечающим требованиям нового времени. Самодержавная форма государственного правления, помещичье землевладение, крестьянская община, значительный удельный вес натурального хозяйства, общинно-патриархальный уклад жизни препятствовали модернизации, но с другой стороны, сверхвысокие темпы капитализации отдельных секторов экономики усиливали социальное напряжение, питали революционные настроения.

Выбор оптимального пути развития в этих условиях был осложнен старыми разногласиями о перспективах развития России, что наиболее ярко проявилось в спорах западников и славянофилов. Их дискуссии сводились преимущественно к вопросу о путях общественно-политического

*Семья на току,
Рязанская губерния,
Касимовский уезд,
1914 год*

*Женщины-бурлаки
на реке Суре,
1900-е годы*

промышленности в России. Позднее, критикуя западную практику первоначального накопления капитала и форсированной индустриализации, они высказывались за так называемую самоиндустриализацию, основанную не на массовом разорении крестьянства, а улучшении его жизненных условий. Их противники – социал-демократы, признавали значимость индустрии, но рассматривали ее прежде всего сквозь призму формирования рабочего класса и его классовой борьбы на пути к социализму.

Официальная самодержавная власть не препятствовала развитию промышленности, но и не стремилась поставить ее в основу экономики страны. Существующее положение кардинально не изменили реформы С. Витте, тем более П. Столыпина. В итоге Россия вступила в двадцатое столетие не только со слаборазвитой индустрией, но и без определенных перспектив ее

С. Витте (слева)

П. Столыпин

переустройства страны и ее культуры. Они почти не касались технологических новаций, в связи с чем Василий Ключевский заметил, что трудности России заключались в отставании от зарождающейся буржуазной индустриализации¹. Продолжатели этого спора – народники, исповедовавшие теорию аграрного (крестьянского) социализма, не видели особых перспектив для крупной

будущего, что обрекало страну на дальнейшее отставание от цивилизованного мира, твердо ставшего на позиции индустриализации со всеми вытекающими отсюда модернизационными последствиями.

Тупиковое положение России со всей убедительностью проде-

¹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 357.

монстрировали поражение в Первой мировой войне и революция начала XX века, которая прежде всего преследовала цель устранения главных атрибутов традиционного общества – самодержавия, помещичьего землевладения, крестьянской общины и др. Однако она четко не ставила задач классической модернизации – создания индустриально-городской цивилизации; формирования гражданского общества; дифференциации культурных систем и ценностных ориентаций; массового распространения грамотности; в целом коренных преобразований цивилизационной значимости. Поэтому задачей первостепенной важности является выяснение взаимодействия между модернизацией и революцией, прежде всего ее большевистским этапом. Только ответив на этот вопрос, можно будет понять, двигалась ли Россия в колее мирового прогресса или прозябала на обочине.

Большевики, на первых порах занятые гражданской войной, а потом восстановлением народного хозяйства, ожидая мировую революцию, не относили модернизацию к первоочередным задачам. После краха идеи мировой пролетарской революции, смерти В. Ленина фанатичным сторонником такой революции оставался Л. Троцкий со своими единомышленниками. Между тем зрела опасность новой мировой войны. В этих условиях обострилось противостояние Троцкого и Сталина, который выдвинул идею построения социализма в одной отдельно взятой стране. В ходе острейшей внутрипартийной борьбы троцкизм был разгромлен, а Сталин взял курс на индустриализацию страны, что и стало началом советской модернизации, хотя в то время никто не оперировал такими понятиями.

Судить о победе социализма в СССР довольно трудно, поскольку изначально не были четко определены его параметры. В 1918 году В. Ленин говорил: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, – мы этого не знаем...»¹. На XI съезде РКП(б) в 1922 году он в несколько иной форме повторил ту же мысль². Видимо, с такой точки зрения необходимо рассматривать и последние работы вождя, названные позднее ленинским планом построения социализма в СССР. В них ставились вопросы индустриального развития, переустройства крестьянской жизни, культурных преобразований, но ведь эти же проблемы, начиная с XVI века, решала

«Военный коммунизм»: продразверстка

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 65.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 75–76.

И. Сталин

трудно хотя бы потому, что еще в том же 1918 году В. Ленин в книге «Очередные задачи советской власти» писал, что выдвигается «коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, в связи с этим (и для этого) его высшая организация»¹, чего не удалось достигнуть до сих пор. Между тем тогда шел активный процесс модернизации – перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному. На этом поприще были достигнуты впечатляющие результаты.

А начинать пришлось с очень низкого уровня развития страны. В 1913 году промышленность давала только 20% национального дохода, в то время как в Великобритании и Германии на долю промышленности приходилось соответственно 43 и 44,7%. К 1914 году лишь 14,6% населения Российской империи составляли горожане, только 22% были заняты вне аграрного сектора, тогда как в развитых странах Западной Европы удельный вес работающих вне сельского и лесного хозяйства превышал половину всего самодостаточного населения, а в Великобритании – 90%. После окончания «военного коммунизма», который ориентировался на прямое введение социализма, положение стало более катастрофичным. С 1917 по 1920 годы резко сократилось сельскохозяйственное производство. Оно потеряло не менее 1/3 посевных площадей и 1/3 поголовья скота. Промышленное производство уменьшилось в 7 раз, резко упала производительность труда. Общий итог народнохозяйственных потерь к 1922 году составил 1/3 национального богатства страны.

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 187.

Провал «военного коммунизма» привел в 1921 году к новой экономической политике (НЭПу). До сих пор в научной литературе и среди политиков не утихают споры о его сущности и эффективности использования капиталистических методов в развитии экономики. Нас интересует другое – способствовал ли он модернизации или нет? В определенной степени да, поскольку улучшилось общее экономическое положение страны. Благодаря развитию частного предпринимательства, товарно-денежных отношений, рынка накопились некоторые средства для вложения в промышленность, но сама она пока развивалась слабо. НЭП, способствуя росту производительности труда, все-таки не совершил прорыв в этой области. Выяснилось, что он не в состоянии развернуть широкомасштабную модернизацию. В целом Россия в условиях НЭПа по-прежнему оставалась традиционным обществом. К концу 1920-х годов НЭП исчерпал себя, потому что время требовало ускорения модернизации, а для нее были нужны новые идеи, новые структуры, новые общественные отношения, более ускоренный переход к индустриальному обществу в связи с угрозой иноземного вторжения со стороны западных держав, прошедших стадию модернизации. Поэтому современное «оплакивание кончины» НЭПа либеральными публицистами, с нашей точки зрения, не имеет под собой оснований.

Партия большевиков объявила «великий перелом», началом которого стал 1929 год. Его суть заключалась в отказе от НЭПа и переходе к развернутому строительству социализма, к началу полномасштабной модернизации страны, которая продолжалась практически до конца века. В отличие от капиталистической, советская модернизация шла под знаменем социального равенства, светлого будущего, именуемого социализмом. Революция, социализм и модернизация сливались в единое целое. Советская власть, с одной стороны, пошла дальше царского правительства в заимствовании западных идей модернизации – взяла на вооружение европейские принципы социализма и сделала их основополагающими в жизни России, а с другой стороны, отвергла порожденный тем же Западом капитализм. В результате она отказалась от наработанного веками опыта капиталистической модернизации и сосредоточилась на неизведанных никем основах социализма.

«Великий перелом» в представлениях той эпохи ориентировался

Л. Троцкий

на построение социализма в одной отдельно взятой стране, что рассматривалось как теоретический прорыв в будущее. Фактически же это была переориентация с аграрного на индустриальное развитие государства, то есть переход от аграрного к индустриальному обществу – модернизации, что отвечало интересам державы и соответствовало основополагающей тенденции века. Такой подход являлся реалистичным. Время подтвердило его необходимость и результативность. Революция открыла дорогу для решения кардинальной проблемы российской истории, и это было сделано под популярным лозунгом социализма, хотя для его реализации в тогдашней России не было условий. В итоге модернизация двинулась вперед с большим ускорением и достигла финиша, а социализм задержался на старте.

Эта ситуация получила неоднозначные оценки в научных и политических кругах. Из многочисленных точек зрения выделим тройку доминирующих. Одна – советская, исходила из того, что это было начало форсированного строительства социализма в СССР. Другая – в большей степени западная, сводила вопрос к формированию советского тоталитаризма, сталинской диктатуре. Третья оценивала российскую модернизацию с позиций ее неадекватности западному образцу. А что же было на самом деле? Попытка построить социализм действительно имела место, и на этом поприще были успехи, но окончательной победы он не достиг. Объяснить все тоталитаризмом и сталинской диктатурой невозможно. Это лишь политические штампы. Реальность же такова, что те по сути своей революционные решения открыли путь превращения России из страны аграрной в индустриальную державу.

Тоталитаризмом нынче нарекают всю российскую историю, особенно советскую, но это понятие нелепо звучит применительно к догоняющей модернизации, поскольку давно известно, что ее главным актором во всех странах является государство (total – всеобщий, общегосударственный). В таком случае из всех догоняющих модернизаций только российская почему-то оказалась тоталитарной. Вопрос о сталинской диктатуре сложен и противоречив. По нему высказано множество научных и политических точек зрения. Не вдаваясь в детали, коснемся его в плане советской модернизации, без чего нельзя понять ее ход и результаты. Беда в том, что к личности И. Сталина чаще всего подходят вне исторического контекста, точнее ограничиваясь его деяниями на поприще строительства социализма. Но ведь он в принципе решил за беспрецедентно сжатые сроки задачу многовековой исторической важности – переход России от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. А на этом пути и в других странах происходили не менее трагические события, о которых нынче предпочитают не вспоминать. Однако об этом приходится напоминать не для

того, чтобы оправдать Сталина, а для того, чтобы объяснить суть происшедшего.

Путь Сталина к власти и способы распоряжения ею объясняются не только чертами его характера, но и менталитетом российского традиционного общества той эпохи, порожденным вопиющей безграмотностью населения и его стремлением поделить собственность имущих классов на пути к социальному равенству, которое декларировал Сталин. Поэтому миллионы людей почитали «отца народов», своего рода «верховного жреца» или мессию. На смену царистским иллюзиям тогда пришли пролетарские, замешанные на мифе о счастливом будущем – коммунизме.

Заслуга Сталина в том, что он один из немногих лидеров большевиков своевременно понял нереальность мировой пролетарской революции и обосновал необходимость в этих условиях крепить могущество своей страны перед лицом внешней опасности. Не прошло и десятка лет, как всем здравомыслящим людям стало ясно, что большая война на пороге. Тем самым вовремя был дан мощный импульс модернизационному процессу, который при всех его издержках сыграл спасительную роль для России. Другой альтернативы не было.

Сталин одним махом сокрушил тысячелетнее традиционное общество в России. Это исторический факт, который бессмысленно отрицать даже при самом негативном отношении к его личности. Он открыл путь к современному индустриальному обществу под лозунгом социалистической перспективы. Судить о Сталине надо не с позиции «кодекса чести либерального менеджмента» или санкций Устава КПСС по отношению к проштрафившемуся партийному функционеру, а как о личности цивилизационного масштаба со всеми ее плюсами и минусами, цена которых непомерно велика. Дело не только в личности, а в исторической ситуации, которую тогда переживала Россия. Преодоление многовековой отсталости требовало или длительного времени, или множества жертв, а в конечном счете, и того и другого. «Великие задачи, – утверждал далекий от коммунизма имперский реформатор С. Ю. Витте, – требуют великих жертв».

В. Ленин

Принято считать, что сталинские репрессии являлись следствием внутрипартийной борьбы и особых черт его личного характера. В какой-то степени это так, но на данный вопрос необходимо смотреть глубже. Очевидно, шла борьба не просто за социалистические преобразования в их различных толкованиях, а за неклассическую скоропалительную советскую модернизацию, которая и породила скрытую форму гражданской войны. Крестьянство и частично рабочие (выходцы из села) преследовались и тысячами уничтожались за отстаивание деревенского образа жизни. Интеллигенция, духовенство, часть военнослужащих карались за сопротивление варварским методам модернизации, разрушающей многовековой уклад русской жизни, а представители новой бюрократии – за недостаточное, а иногда и излишнее рвение по осуществлению карательных мер. Это была кро-

вавая драма борьбы аграрной и индустриальной цивилизаций.

Рассмотрение позиции других лидеров большевизма не входит в нашу задачу. Коснемся только вопроса о современных попытках приписать некоторым из них, в частности Е. Преображенскому и Н. Бухарину, авторство либеральной альтернативы сталинской модернизации. Кое-какие фрагменты можно найти, но серьезной альтернативы не существовало, поскольку после Октябрьской революции и гражданской войны в стране не оставалось ее реальных акторов, кроме государства. Более того, для либеральной модели модернизации в то время не существовало ни политических, ни экономических ресурсов.

Безусловно, что сталинская модель модернизации стала тяжелейшим испытанием для страны, но могла ли она еще сотню лет эволюционировать в сторону индустриального общества, когда ее основные конкуренты уже давно были там? Преодолеть вековую отсталость в короткий срок без революционной ломки институциональных устоев и менталитета архаического общества было невозможно. Революционные меры не могли не вызвать ответную негативную реакцию, которая безжалостно подавлялась. Это и породило почти столетнюю революцию

в России¹. Она то затихала, то вспыхивала с новой силой, хотя и не носила формы открытой вооруженной борьбы. Последний ее всплеск, как ни странно, произошел на рубеже XX–XXI веков, когда страна уже преодолела стадиальное отставание и включилась в мировую индустриальную цивилизацию.

Рассмотрим с этих позиций конкретный ход советской модернизации. В связи с невозможностью проследить все ее аспекты остановимся на главном – взаимодействии революции и модернизации в области индустриализации, переустройстве деревни и культуры, что должно было обеспечить превращение страны из аграрной в индустриальную, независимую в технологическом отношении от зарубежных держав. Предстояла коренная техническая реконструкция народного хозяйства на базе электрификации, комплексная механизация и автоматизация производства, подготовка индустриальных кадров высокой квалификации на основе ликвидации малограмотности, организация широкой сети учебных заведений высшего и средне-специального образования, а также – научно-исследовательских институтов, которые обеспечили взрывное развитие науки, массовая урбанизация, рост трудовой и политической активности населения, повышение его благосостояния. Это был принципиально иной, революционный характер модернизации по сравнению с имперским эволюционным этапом.

Основой советской модернизации была мобилизационная экономика, которая, в отличие от классической, опиралась не на рыночные механизмы, а на административные директивы, высоко централизованную систему управления, жесткое подчинение экономических задач политическим целям, чрезвычайные меры для достижения этих целей, сочетание благородных идеалов с грубым принуждением, наличие специальных компенсаторов экономического и социального плана, крайнюю идеологизированность проводимых мероприятий. Последнее обстоятельство в советской модернизации играло особую роль, поскольку ускоренный переход от аграрного общества к индустриальному в условиях социально-экономической отсталости государства требовал мобилизации всех, не только экономических,

Е. Преображенский (слева),

Н. Бухарин

¹ См. подробнее: Алексеев В. В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 35–48. (Эта и другие мои публикации в первоначальном варианте имеют все подстрочные примечания.)

*Плотина
ДнепроГЭСа*

но и духовных сил общества. Он, в отличие от капиталистической модернизации, проводился под знаменем социального равенства, великого будущего. При этом особое значение имело обобществление производства. Если капиталистическая модернизация в подавляющем большинстве осуществлялась на основе частной собственности, то советская – на базе государственной, что проистекало из социалистической доктрины и необходимости централизации скудных ресурсов на наиболее важных участках производства.

Стержнем модернизации стала индустриализация. Курс на нее провозгласил в 1925 году XIV съезд ВКП(б), который выдвинул директиву обеспечить СССР экономическую самостоятельность, оберегающую его от превращения в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего

держат курс на индустриализацию страны, развитие средств производства и образование резервов для экономического маневрирования. Этой директивы советское руководство придерживалось до середины 1980-х годов. Более того, директивное планирование, освещаемое решениями съездов, стало основой социально-политического развития всей России. Конечно, большевики не руководствовались теорией модернизации, ее тогда еще не существовало. Они преследовали цели спасения от капиталистического окружения и реализации своей социалистической доктрины, но это в конечном счете работало на ускоренную модернизацию.

Для индустриализации потребовались гигантские капитальные вложения. Не имея возможности получить иностранные кредиты, СССР вынужден был проводить ее только за счет внутренних ресурсов, прежде всего перекачивания средств из сельского хозяйства и ограничения непроизводительного потребления. В канун развертывания индустриализации около

50% национального дохода страны создавалось в сельском хозяйстве. Следовательно, деревня оказалась основой «первоначального накопления» для создания индустрии, гарантированного обеспечения быстрорастущего городского населения и армии продуктами питания.

Индустриализация началась с создания базовых отраслей тяжелой промышленности. С 1929 по середину 1941 года было построено 9 тысяч крупных промышленных предприятий, которые представляли почти все отрасли индустрии той поры, что позволило обеспечить экономику необходимой промышленной продукцией и сократить до минимума ее закупки за рубежом. В 1936 году они составляли менее 1%.

Принципиальное значение в данной связи имела электрификация страны, массовый перевод ее экономики с паровых двигателей на электрический привод, что являлось основой технической реконструкции народного хозяйства, своевременным выходом на уровень мировых достижений того времени. Примечательно, что позднее горбачевские и ельцинские реформы не ставили аналогичной задачи – перехода на электронику постсоветской державы, а свелись преимущественно к политической трескотне и безответственности. Широкое применение электронной техники началось с большим опозданием, причем преимущественно зарубежных образцов, что не решало в полной мере проблем гражданских и военных отраслей. Страна выпала из мирового технического прогресса современности.

Темпы российской индустриализации были невиданно высокими. Ежегодный прирост объема промышленного производства в течение 1928–1937 годов составлял 18,1%, тогда как в бурно развивающейся Японии всего 8,9%, в западных державах и того меньше. Правда, в конце 1930-х годов такие темпы заметно снизились, и тем не менее, по мнению либерального критика российской модернизации А. Вишневого, «30-е годы были временем промышленного рывка, который невозможно отрицать и который создал основу для превращения СССР в могучую индустриальную державу».

В результате первых двух пятилеток (1929–1937 гг.) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 года был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему

*На строительстве
Магнитогорского
металлургического
комбината*

*Раскулаченные,
1930-е годы*

родского и сельского населения. Если в 1926 году в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 года горожанами стали 30%. Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных достижениях модернизации России, важных шагах от традиционного аграрного к индустриальному обществу. Индустриализация в целом обеспечила переход от доиндустриального типа производства к развитому индустриальному, хотя некоторые секторы экономики продолжали оставаться на доиндустриальной стадии, прежде всего в сфере обслуживания населения.

Индустриализация сыграла решающую роль в укреплении обороноспособности страны, что имело принципиальное значение накануне и в годы Второй мировой войны. В 1937–1940 годах темпы роста военной продукции втрое превышали общепромышленную динамику. В то время как производство боеприпасов для наземных систем вооружений и авиации в Германии в период Второй мировой войны в 2,6 раза превышало тот же показатель во время Первой мировой войны, объем советского военного производства в 1941–1945 годах был в 24,5 раза выше, чем в Российской империи в годы Первой мировой войны. Советские танки и самолеты превосходили лучшие германские образцы, играли решающую роль в крупнейших сражениях Второй мировой войны.

Принципиальное значение имело своевременное создание второй угольно-металлургической базы вдали от театра военных действий – на Урале и в Сибири. В 1942–1944 годах один Магнитогорский металлургический комбинат давал стране 33% чугуна, 25% стали и проката, 50% железной руды и 30% кокса. А на долю Урала в годы войны приходилось 40% всей продукции

валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала 5-е место в мире, то СССР к концу второй пятилетки вышел на 1-е место в Европе и 2-е место в мире. Его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 году на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции. Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939-м – уже 50,2%. Индустриализация кардинально изменила соотношение

военной промышленности государства. Индустриальные центры восточных районов страны приняли и обустроили тысячи эвакуированных промышленных предприятий и миллионы советских людей, что перечеркнуло надежды на немецкий blitzkrieg, которому предстояло уничтожить все это на оккупированных территориях СССР. В итоге можно смело утверждать: модернизация спасла Россию от фашистского рабства, что сыграло решающую роль в ее судьбе. История показала, что она осуществлялась не столько для строительства социализма, сколько для обеспечения независимости страны.

Рассмотрев индустриальную составляющую модернизации, перейдем к аграрной, связанной с коллективизацией, которая решила две главные задачи – обеспечила индустриализацию необходимыми ей ресурсами, а города – продовольствием. Коллективизация привела к принципиальной смене форм собственности и новому раскладу политических сил в стране, обеспечила города и армию продовольствием, открыла для трех четвертей населения страны путь в современность. Вместе с тем ее проведение сопровождалось многочисленными перегибами, большими страданиями и тысячами невинных жертв, как впрочем и в других странах, вставших на путь модернизации. В Англии, например, в ходе аналогичного процесса в начале XVI века были повешены 72 тысячи нищих и бродяг – тех, кто потерял свои земельные наделы, а в Голландии, тогда же, в ходе модернизации и обнищания крестьянства число нищих и бродяг достигло 41% всего населения страны. Заметьте – не сосланы куда-нибудь вроде нашей Сибири, а повешены.

Урал – фронту

Позитивная и негативная оценка коллективизации содержится в огромном количестве российских и зарубежных публикаций. В нашу задачу не входит обращение к ним. Заметим только, что она была одной из трагических составляющих столетней революции в России. Коллективизация даже в «Кратком курсе истории ВКП(б)» объявлялась революционным переворотом, «равнозначным по своим последствиям революционному перевороту в Октябре 1917 года». Она сыграла решающую роль в модернизации страны, но в конечном счете погубила русскую деревню. Получив большое количество техники, колхозники не смогли ею по-хозяйски распорядиться. Архаические устои деревни и тактика выкачивания из нее ресурсов для индустриализации не привели к прогрессу сельского хозяйства. Там воцарился социальный застой, который не смогли поколебать многочисленные решения партии и правительства по аграрным вопросам. Тем не менее необходимо четко разделять сущность трех взаимосвязанных понятий: необходимость, возможность, эффективность. Первые две категории, безусловно, были налицо. Их оспаривать не имеет смысла, а вот с третьей сложнее. Способствуя решению важнейших социально-политических задач, она в итоге не оправдалась.

В советской модернизации материально-технический прогресс превращался в самоцель. Человек, условия его существования, социального и культурного развития отодвигались на второй план. Миллионы людей, оторванные от традиционного уклада жизни, сосредоточенные в соцгородах и агропоселениях, представляли собой безликую массу, которая, с одной стороны, грозила непредсказуемостью, а с другой стороны, легко поддавалась политическому манипулированию, чем и воспользовалась

Имба-читальня

советская власть, вколачивая в головы людей идеалы «светлого будущего», ради которого необходимо было поступиться личным благом. В определенной мере это удалось. «Простой советский человек» вынес на своих плечах невзгоды коллективизации и индустриализации, а затем ценой своей жизни защитил их результаты в годы Великой Отечественной войны.

Сталинская модернизация, как и петровская, сопровождалась глубинной культурной революцией.

Если первая несла европейскую культуру лишь высшим слоям общества, а простой народ оставался безграмотным, что привело к вековому расколу общества на два противоположных лагеря, то вторая ликвидировала безграмотность, активно способствовала развитию науки и общенародной культуры, но при этом оказалась оторванной от европейских ценностей и излишне идеологизированной. В Советском Союзе существовало свыше сотни определений культурной революции и в несколько раз больше публикаций о ней. Не вдаваясь в детали этого дискурса, попытаемся определить суть культурной революции и ее значение для модернизации.

Перед культурной революцией стояла труднейшая задача переделки человека традиционного крестьянского общества в творца индустриального, которое требовало более развитого интеллекта, повышенной грамотности, хорошей квалификации, высокой социальной мобильности, иного мировосприятия, отношения к труду, собственности, культурным запросам. Запад решал эту задачу несколько сотен лет. Советы располагали всего несколькими десятилетиями. Самым трудным было первое десятилетие «великого перелома», когда началась форсированная индустриализация, и миллионы неграмотных крестьян пришли из деревни в город, трудно к нему адаптировались, еще труднее привыкали к заводскому ритму. Последующие поколения вчерашних крестьян, пришедших в годы первых пятилеток на заводы, стали со временем высокочеловеческими специалистами, которые ковали оружие Победы, строили космические корабли, осваивали бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока.

Одним из едва ли не самых спорных вопросов советской культурной революции является судьба интеллигенции. «Советская «культурная революция», — по утверждению А. Вишневого, — сопровождалась антиинтеллигентским террором, массовым физическим истреблением носителей европеизированной русской культуры, интеллектуальной и художественной элиты, просто широко образованных людей, подавлением свободы индивидуального научного и художественного творчества, нарастанием мертвящего консервативного догматизма». Все это было, но нельзя не замечать и другое — выдающийся вклад советской

*Детские ясли
в колхозной деревне*

*501-я стройка
ГУЛАГа:
дорога Чум –
Салехард –
Игарка*

Наиболее выпукло демократическая перспектива была представлена в сталинской конституции 1936 года, которая называлась самой демократической в мире. В самом деле, она впервые в мировой истории провозгласила право на труд, а в России всеобщее прямое тайное избирательное право, равноправие граждан независимо от пола, национальности и расы, а также другие демократические ценности, что, в отличие от традиционного общества, открыло широкий простор для трудовой и творческой инициативы масс в модернизационном процессе. Советская власть сполна использовала все это, но не прошло и года после принятия конституции, как в стране начался «большой террор», который свел на нет демократические посулы. Маховик чудовищных репрессий захлестнул не только классово чуждые элементы, но и широкие трудящиеся массы.

До сих пор ведутся отчаянные споры о количестве погибших и виновниках трагедии. Виноваты вожди, допустившие это в ходе политических междоусобиц. Виноваты полуграмотные исполнители преступных приказов, виновато общество, возбужденное революционными потрясениями и накопившее огромный потенциал ненависти. Очевидно, что борьба шла не только за социалистические преобразования и их различные толкования, но и за неклассическую скоропалительную советскую модернизацию, которая породила скрытую форму гражданской войны. Это был рецидив столетней российской революции.

Подводя итоги первого этапа советской модернизации, можно констатировать, что тогда был осуществлен революционный поворот от России традиционной, деревенской к современной,

интеллигенции в развитие модернизации, в победу над фашизмом, в противостояние в холодной войне, в освоение космоса, в художественную культуру и искусство XX века в целом. Печально, что из этих исторических свершений нынешнее поколение не черпает опыт и творческое вдохновение, а мирится со лженаукой, массовой культурой и бездуховностью.

Наряду с социально-экономической трансформацией шла политическая, особенно активно в 1917–1936 годы. Коснемся только одного ее наиболее важного вопроса – демократизации, без которой невозможна модернизация. Именно она обеспечила современному человеку возможности выбора своего социального статуса, профессии, образования, места жительства, сексуального партнера, формы досуга и, конечно же, политические свободы, чего не знало традиционное общество.

индустриальной, городской. Она мобилизовала все ресурсы традиционного общества для создания технологических основ современного и тем самым обеспечила «подушку безопасности» от ударов извне, вступила в соревнование с крупнейшими державами индустриальной эпохи. Тогда страна ушла от феодализма и капитализма, но не пришла к социализму. Народ встречал модернизационные преобразования по-разному. Одни с восторгом, другие с недоверием, но в конечном счете в основе поддерживали, несмотря на огромные трудности осуществления и недостатки. Основная масса населения, не избалованная комфортом, с удовлетворением принимала новшества, хотя еще и не утратила ностальгии по стародавним временам. Относительное социальное равенство и общинное сознание создавали атмосферу здорового коллективизма, доверчивости, взаимопомощи и оптимизма, в отличие от разочарования нынешними либеральными реформами со всей их порочностью, особенно чиновничьей безответственностью и коррумпированностью.

Конечно, постреволюционная модернизация была специфична, достигнута исключительно дорогой ценой, но не завершена. Что касается специфичности, цены, страданий народа и злоупотребления властью: категорически осуждая все это, приходится признать трагическую российскую закономерность с петровских до ельцинских времен, объясняя ее огромными масштабами страны, неразделенностью власти и собственности, низкой политической культурой народа, перманентной внешней угрозой со стороны соперничающих держав, краткостью времени для решения неотложных задач национальной безопасности, традиционной покорностью населения властям, его феноменальной терпимостью к невзгодам.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Хотя наиболее объективные из них имеют свой взгляд. Например, крупный британский историк Э. Хобсбаум в своей знаменитой трилогии отмечал, что к середине XX века стало ясно, какие страны будут относиться к первой группе высокоразвитых государств, а какие ко второй – безнадежно отставших. Он пишет: «И если бы в 1930-х годах Россия не развила промышленность для того, чтобы перепрыгнуть пропасть между отсталыми и развитыми странами, ей так и пришлось бы оставаться неподвижной, застывшей на полпути между большинством и меньшинством мирового сообщества. В истории XX века нет лучшего

Э. Хобсбаум

примера того, как отсталая страна превратилась в передовую»¹. Это действительно яркий пример революционного прорыва советской модернизации.

Другое дело, что она насаждалась сверху революционной диктатурой, была поспешной, неорганичной, трудно усваиваемой народом, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации, не создала механизм саморазвития.

Критиковать огрехи советской модернизации 1930-х годов можно и должно, но не стоит забывать о том, что условия того времени по многим позициям не позволяли поступать иначе. Решить за короткий срок все те задачи, на которые западные державы потратили века, в одночасье было невозможно. Разнобой политических и историографических оценок советских преобразований проистекает из их фактической противоречивости, поскольку ставилась задача построения социализма, а на практике совершился, в основных чертах, переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному.

Нередко рассмотрение советской модернизации завершают концом тридцатых годов. А что было дальше? Думается, что осуществлялся переход к позднеиндустриальной модернизации. При этом решались две группы проблем – внутренние и внешние. Их уровень поднялся на значительно большую высоту. Внутренние проблемы были связаны с ростом масштабов и сложностями развития страны в условиях послевоенного мира, начала научно-технической революции и с исполнением народных ожиданий лучшей жизни после индустриализации, коллективизации и кровопролитной войны. Внешние проблемы определялись нарастанием международной напряженности и развязыванием «холодной войны», которая требовала укрепления содружества социалистических государств, поиска новых союзников, создания сверхмощных вооружений. Это был новый вызов Российской цивилизации после Второй мировой войны, имеющий огромное геополитическое значение. К ответам на него можно относиться по-разному, но бесспорно одно – история снова поставила Россию в ответственное положение. По крайней мере, пришлось с гигантским напряжением форсировать новый виток модернизации, для того чтобы выполнить свою историческую миссию².

¹ Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 252.

² См. фактический материал этого параграфа подробнее со всеми подстрочными примечаниями: Алексеев В. В. Эволюция и революция в контексте модернизации // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011. С. 200–243.

В КОСМОСЕ НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ КОРАБЛЬ
вестник прогресса, мира, счастья

**вечерний
СВЕРДЛОВСКИЙ**

ПОСТ-СТАЛИНИЗМ

...ДВА ЧОЛЮСА ШПИОН
ПО Э
ТРИАЛЬНОГО УРАЛА
ВЫСОКИМИ ТЕМПАМИ
...передовиков сельского хозяйства
...Свердловские
...трофеи
...Слова районного трибунала
...Сталина, под руководством
коммунизма!

Первый

Вторая половина XX века прошла в России под знаком открытых и скрытых колебаний между самобытным и общемировым развитием, что было заложено еще в первой половине столетия. Взяв курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране, Сталин в силу исторических обстоятельств фактически вел ее по пути модернизации, начатой капитализмом в Европе еще в XVI веке. При всех жесточайших попытках отречься от него, он не смог этого сделать в силу необходимости модернизации России и обеспечения ее суверенитета. В постсталинский период тенденции мирового развития требовали продолжения модернизации, а вместе с ней и консервации противоречия, заложеного ранее.

Постсталинизм, под которым подразумевается весь период 1954–1984 годов, характеризовался, с одной стороны, продолжением сталинского курса с конвульсивными попытками подправить его то в сторону коммунизма, то постепенной сдачей позиций в сторону капитализма, а с другой стороны – то усиливающейся, то затихающей критикой сталинизма. Эта двойственность ни к чему хорошему не привела, и в конечном счете поставила великую державу на грань катастрофы.

В такой ситуации началось мое становление как ученого сначала в Иркутском университете, а затем в Сибирском отделении АН СССР, что будет показано в данном разделе вместе с попыткой охарактеризовать постсталинизм как перепутье к распаду великой России.

БАЙКАЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Многие помнят старую песню «Славное море – священный Байкал». Она была написана Д. Давыдовым еще в середине позапрошлого века, но сохранила свой смысл до наших дней. Байкал – действительно «море», которое по объему воды равно Балтике. Он – священ не только в древности, но и в наше время, потому что содержит пятую часть мирового запаса пресной воды, питает реку Ангару, вращающую турбины сверхмощных гидроэлектростанций, обеспечивает улов нескольких тысяч тонн уникальной рыбы –

омуля, служит важной рекреационной зоной для наших современников. В Байкальском регионе работают сотни промышленных предприятий, обеспечивающих ценнейшей продукцией не только Россию, но и ряд зарубежных стран.

Озеро Байкал

В 60 километрах от Байкала на Ангаре стоит старинный город Иркутск, основанный в 1661 году. Он прошел долгий путь развития от средневекового острога, купеческой столицы, крупного пункта русско-китайской торговли, золотого эльдорадо, места политической ссылки, до культурного центра Прибайкалья. Не случайно проезжавший через него в конце XIX века А. Чехов назвал его «интеллигентным городом». В начале XX столетия Иркутск стал центром революционного движения в Восточной Сибири.

А. Чехов (слева),

*Адмирал
А. Колчак*

*Иркутский
университет*

Здесь в феврале 1920 года был расстрелян и спущен под лед Ангары Верховный правитель России адмирал Колчак.

К этой эпохе относится открытие Иркутского государственного университета. Борьба за его создание продолжалась почти целый век. Еще в начале XIX века просвещенные люди и местное купечество поставили вопрос о необходимости сибирякам иметь свой университет. Ни у кого не было сомнения, что университет должен был открыться в Иркутске – столице азиатской России, где были сосредоточены крупные интеллектуальные ресурсы. В борьбу за создание университета включились известные ученые и общественные деятели: А. П. Щапов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, М. В. Загоскин. Проект был одобрен царем, но с местом расположения в Томске как более благонадежном городе.

С начала XX века вопрос об университете в Иркутске снова встал в повестку дня, но его решение затормозили Первая мировая война, свержение царского правительства, а затем гражданская война. После сложных перипетий борьбы между «красными» и «белыми» властями 27 октября 1918 года, наконец, состоялось открытие университета, в том числе историко-филологического факультета. В ходе гражданской войны сюда стеклись крупные интеллектуальные силы не только Сибири, но и многих других регионов страны, даже зарубежья. В частности, на историко-фи-

*Иркутский
краеведческий
музей*

лологическом факультете в 20-е годы работал доктор философии Кенигсбергского университета известный египтолог И. Г. Франк-Каменецкий, а позднее такие известные ученые как М. К. Азадовский, Г. С. Виноградов, Н. Н. Козьмин, Б. Г. Кубалов, Б. Э. Петри. Они заложили фундамент гуманитарных традиций университета.

В годы моей учебы в Иркутском университете (1954–1959) он располагался в том же здании бывшего Института благородных девиц, которое ему выделили при открытии. Оно было тесно из-за наплыва студентов,

но до сих пор остается ностальгия об *alma mater*, интересных лекциях, веселых студенческих вечерах, встречах с писателями и учеными. Рядом располагался богатый краеведческий музей, связанный с именами выдающихся путешественников и ученых, а также знаменитый Белый дом – бывшая резиденция губернатора, где бывали декабристы А. В. Поджио, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, крупный государственный деятель М. М. Сперанский, будущий император Николай II, известный анархист М. А. Бакунин и другие широко известные деятели. Теперь там фундаментальная библиотека университета, а за окнами – небольшой парк с выходом на берег красавицы Ангары.

Студенческая жизнь первокурсников началась не с занятий в аудиториях университета, а с поездки в колхоз. Тогда колхозный урожай убирала горожане, так как село, разоренное коллективизацией и Отечественной войной, с этим не справлялось. Нашу группу завезли в глубинку Иркутской области и «поставили» на уборку хлеба. Жили в соломенном шалаше до начала осенних заморозков. По утрам, прежде чем умыться, пробивали толстый лед в бочке с водой, а расческа была бессильна справиться с моей густой шевелюрой, из которой сыпались обломки соломы. Работа на току была нелегкая: грузили зерно в машины, мешками таскали его в сушилку. Несмотря на трудности, настроение было боевое. Мы гордились поступлением в университет, знакомились друг с другом, рисовали вдохновенные перспективы будущего. Молодость и возрастающий спрос на высококвалифицированные кадры казались порукой наших мечтаний.

Вернулись в город где-то в десятых числах октября и приступили к занятиям в университете. Историко-филологический факультет выделялся среди прочих богатыми гуманитарными традициями и своими выдающимися выпускниками, знаменитыми учеными антропологом Георгием Францевичем Дебецем, автором многочисленных восстановлений лица человека по черепу Михаилом Михайловичем Герасимовым и др.

*Белый дом,
2004 год*

*Профессор
С. Шостакович
(слева)*

*Профессор
Ф. Кудрявцев*

В наше время лекции по археологии читал П. П. Хороших, по истории древнего мира и стран зарубежного Востока – С. В. Шостакович, истории России – М. А. Гудошников и Ф. А. Кудрявцев, логике – М. В. Одинцов, специальные курсы – В. Т. Агалаков и И. И. Кузнецов. Интересные семинарские занятия вели Е. М. Даревская, С. Ф. Коваль. Преподаватели росли вместе с нами. Те, кто были ассистентами на нашем первом курсе, становились доцентами к пятому курсу, доценты перерастали в профессоров.

У многих из них – интересная творческая судьба. Профессор Федор Александрович Кудрявцев – мой научный руководитель в аспирантуре, очень популярный сибиревед. Родился в Иркутской губернии, служил в частях Красной армии Восточного фронта. В 1920 году его откомандировали на учебу в Иркутский университет. Еще студентом он приобщился к научно-исследовательской работе. Его дипломное сочинение «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 г.» было опубликовано в Польше. В дальнейшем научный интерес сосредоточивался на проблемах освободительного движения. Опубликовал серию статей о декабристах в Сибири, книги о сибирской каторге и ссылке, революциях 1905 и 1917 годов в Сибири. Высокую оценку получили труды по истории народов, в частности обобщающая монография «История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в.». Он – один из организаторов и авторов разделов фундаментального труда «История Сибири» в пяти томах, удостоенной Государственной премии. Долгие годы заведовал кафедрой истории СССР. Им создана известная школа историков Сибири, многие из его учеников стали докторами наук.

Федор Александрович был неординарным человеком, обладал удивительной памятью. Знал наизусть большое и сложное предисловие К. Маркса к «Критике политической экономии». Во время прогулок с учителем мне часто приходилось слышать в его исполнении крупные фрагменты произведений русских поэтов. Он останавливался, откидывал голову назад и увлеченно декламировал стихи или главы из поэм. А иногда предлагал мне продолжить его монолог, чем ставил меня в затруднительное положение. О его исключительной доброте и благожелательности ходили легенды.

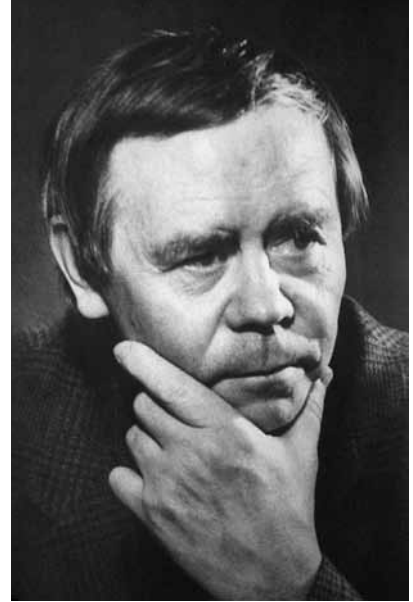
Профессор Сергей Владимирович Шостакович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории. Родился в Иркутске в семье известного геофизика, директора Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории. В числе первых выпускников Иркутского университета получил в 1925 году специальность востоко-

веда-китаиста, в 1926 году специализацию юриста по международному и хозяйственному праву. Вел научные исследования в области русско-иранских отношений в XIX веке, истории сопредельных стран Дальнего Востока, проблем античности. Большой интерес вызвала его докторская диссертация «Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова».

У нас он преподавал историю древнего мира, стран зарубежного Востока, разделы истории нового и новейшего времени. Его лекции отличались широтой постановки проблем, четкостью выводов, образным языком, эмоциональностью. Высокий, стройный, всегда элегантно одетый, он служил для нас эталоном учености и интеллигентности. Много внимания уделял молодежи, строго отбирая на свою кафедру способных юношей и девушек. Во время моей аспирантуры на кафедре истории СССР Сергей Владимирович попросил разыскать моего однокурсника Германа Медведева, который по распределению работал где-то в провинции. С его точки зрения этот человек мог стать преемником маститого профессора. Так и произошло, со временем Герман Иванович возглавил кафедру всеобщей истории.

Профессор Михаил Васильевич Одинцов, доктор богословия и философии читал блестящие лекции по логике. Это был человек очень преклонного возраста. Приходил, здоровался с аудиторией, становился рядом с кафедрой, закрывал глаза и без всяких конспектов объяснял сложнейшие силлогизмы. Не вся аудитория могла следить за сложностью его мысли и часто отвлекалась по разным пустякам. На меня же этот курс произвел неизгладимое впечатление и очень сильно пригодился в научной работе, чтении лекций, дискуссиях.

К занятиям по специальности в эпоху жесткого противостояния социалистической и капиталистической систем добавлялась военная подготовка для юношей. Один день в неделю мы находились на военной кафедре, где готовили офицеров-артиллеристов. Вместе с математиками и физиками изучали приложение теории вероятностей к расчетам траекторий полета снарядов. Историки с трудом понимали все это, а летом выезжали на лагерные сборы в знойные степи Забайкалья. Там от зари до зари маршировали, ползали по-пластунски, стреляли из гаубиц, учились командовать подразделениями войск. Особенно отличался наш однокурсник-филолог

*Валентин
Распутин –
писатель*

*Вениамин
Алексеев –
студент*

На военных сборах

трудности, на стипендию прожить было трудно. Родители помогали не всем. Приходилось подрабатывать. Питались коммуной: вскладчину покупали продукты, в основном на рынке, потому что государственные магазины были пусты, устанавливали дежурства и готовили на общежитской кухне обед. Хотя один раз в день кормили сытно. Те, кто не входил в коммуну, жили впроголодь. Мой соратник по комсомолу Василий Соловьев не получал денег из дому, питался на стипендию. Вместо обеда он сосал конфеты-подушечки, которые перебивали аппетит, и к пятому курсу вконец испортил желудок.

Одевались все очень скромно. Значительную часть студенческих лет я проходил в отцовском довоенном костюме, побитом молью, и в ботах «прощай молодость», которые внутри имели войлочную подкладку и надевались на обычные ботинки зимой. Возникали комические, но вызванные трудной жизнью ситуации. К девушке, с которой дружил, из Магадана приехала в отпуск старшая сестра с мужем. С собой они привезли перину для ночлега, так как немногочисленные гостиницы были не по карману. При всем том образование при советской власти оставалось бесплатным и доступным для всех. Иначе выходец из многодетной семьи с небольшим достатком никогда бы его не получил.

В целом Иркутский университет давал хорошее по тем временам образование, обогащал эрудицией, прививал вкус к научным исследованиям, к их объективности и доказательности. Я специализировался по истории России, но по ходу учебной программы писал курсовые работы по Аристотелю, Макиавелли, Бисмарку. Меня привлекали крупные, сложные проблемы исторического процесса, его закономерности, но, к сожалению, получить тогда достаточную подготовку в этой области не удалось. Пришлось наверстывать после университета в ходе прак-

Валентин Распутин, будущий выдающийся писатель. Он так командовал «смирно», что мурашки пробегали по коже, а кадровые офицеры сильно ему завидовали. Даже московские генералы-инспекторы восхищались его командой. Мы тоже удивлялись командирским задаткам товарища, так как знали его величайшую скромность. Когда поздним вечером он встречал у подоконников общежития влюбленные парочки, то, потупив глаза, проходил мимо, а если его окликали, то отшучивался: «А я еще нецелованный».

В материальном отношении студенты, как и все население в постсталинскую эпоху, испытывали немалые

тической работы. Мои однокурсники Владимир Свинин, Герман Медведев, Прокопий Коновалов увлекались археологией. Двое последних стали докторами исторических наук, крупными специалистами в своей области. Илья Левяш любил философию. Годы спустя защитил докторскую диссертацию, преподавал в вузах Поволжья, а затем в Иерусалимском университете.

Вхождение в студенческую среду для меня, провинциала, поначалу казалось непростым делом, но где-то на втором курсе освоился как в учебном, так и в общественном плане. В этой связи расскажу один забавный случай. В весеннюю сессию второго курса сидел в парке напротив университета и готовился к очередному экзамену. За спиной напористо и гулко катила свои волны Ангара. Она поднимала настроение, как будто бы звала в таинственную даль. Уткнувшись в учебник, я не обращал внимания на окружающих. Неожиданно с краешка моей скамейки послышался шорох. Обернулся и увидел молодую красивую цыганку. Она предложила погадать и всю «правду о прошлом и будущем рассказать». Мой ответ был краток: не верю в гадания и не имею денег на их оплату.

— А я бесплатно, ты мне нравишься, назови первую букву своего имени и убедишься, что оно будет правильно произнесено полностью.

Назвал, но правильного ответа не получил. Сконфузившись, она вызывающе бросила: «Тогда слушай, что ждет тебя в жизни». Взяла мою руку и, как-то обмякнув, начала:

— У тебя будет красивая жена, и ты останешься верен ей всю жизнь. Она станет хорошей помощницей твоих больших дел, а через свою грамоту ты увеличишь зарплату вдвое.

После этих слов она встала и побежала догонять своей небольшой таборо, бредущий по соседней аллее, а мне как-то сразу представился образ девушки, которая позднее стала моей женой. С ней — Валей, мы встретились на комсомольском собрании. Наша свадьба состоялась в июле 1960 года. Она была организована по русским традициям кафедрой, где проходил аспирантуру. В следующем году родился сын Алексей. Ныне заведующий отделом в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. В 1967 году родилась дочь Елена. Рано защитила докторскую дис-

*С женой Валей
и сыном Алексеем
на Красной Пло-
щади в Москве*

*Среди однокурсников
университета
(Алексеев слева,
Медведев
и Коновалов справа
во втором ряду)*

С первых курсов как-то незаметно для себя оказался в центре общественной жизни университета, которая тогда была представлена комсомолом. Вузовский комсомол в моем понимании тех лет был не политической организацией, а школой воспитания молодежи, ее организаторских навыков. Меня избрали в комсомольское бюро факультета, а на пятом курсе секретарем комитета комсомола университета. Именно здесь начал формироваться как руководитель. Мне выпала доля перенять эстафету у многолетнего вожака студенческой молодежи преподавателя университета Геннадия Ивановича Мельникова. Это был не простой переход. Одно дело авторитетный преподаватель, другое – свой брат студент.

Комитет комсомола решал самые разные проблемы – от обсуждения программ преподавания, проведения студенческих практик до организации праздничных мероприятий и заслушивания персональных дел проштрафившихся студентов. Все перипетии кипучей комсомольской жизни не припомнишь, да они, видимо, и не очень интересуют моего читателя. Приведу только несколько примеров. Прежде всего необходимо отметить высокую одухотворенность молодежи тех лет, тягу к знаниям и культуре. Комсомол организовывал многочисленные походы в театры и кино, встречи с писателями, диспуты, новогодние карнавалы, студенческие вечера. В общежитиях не смолкали душевные песни советских композиторов, стихи поэтов.

Эта радостная атмосфера омрачалась дискуссиями о недавнем прошлом – культе личности Сталина. На закрытых комсомольских собраниях зачитывался доклад Н. Хрущева XX съезду КПСС, а потом в общежитиях кипели страсти – одни обрушивались на Сталина, другие защищали его. Моя позиция была

сертацию по истории. Работает ведущим научным сотрудником в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН. Последняя фраза гадания сначала обескуражила меня, но на следующей неделе тоже сбылась. Получил именную стипендию, которая в два раза превышала обычную, а в дальнейшем основная зарплата дополнялась за счет ученых степеней, грантов, премий. Так неожиданный цыганский прогноз на редкость оправдался.

очень сдержанной, потому что в голове не укладывалось сочетание гигантских социальных преобразований со злодействами вождя. Не высказывался, но сверлила мысль о возможных наветах. Трудно было поверить, что ближайший соратник Сталина Хрущев мог остаться неповинным в той смертельной вакханалии. Сомнения окончательно рассеялись, когда позднее прочитал резолюцию Сталина на расстрельной квоте, запрашиваемой Хрущевым: «Уймись, дурак!».

На четвертом курсе по комсомольской путевке меня направили читать лекции на трассе вступающей в строй железной дороги Тайшет – Лена. Поезда по ней двигались очень медленно, на станциях стояли от получаса до полутора часов. Вдоль трассы расстилалось зеленое море тайги. Было много встреч с простыми людьми и офицерами исправительных лагерей, которые рассказывали о пребывании там деятелей культуры и науки, например Л. Руслановой и других знаменитостей. После смерти Сталина из-за колючей проволоки вышло много ни в чем не повинных людей, но немало еще и осталось. Вспоминается один случай во время лекции в лагере для осужденных по 58-й статье. Аудитория человек в сто слушала очень внимательно, как нигде в другом месте. После лекции посыпались вопросы. Отвечал на них как мог. Заключение короткими репликами реагировали на мои ответы, причем очень грамотно и на редкость информированно. Один из них, не соглашаясь со мной, заявил, что по данным вчерашней «Нью-Йорк Таймс» дело обстоит совсем не так, как я говорил. Откуда такая оперативная информированность, выяснить не удалось.

*Новогодний
студенческий
маскарад*

*Н. Хрущев
и Мао Цзэдун*

В 1956 году на первый курс исторического отделения поступил Леонид Бородин, который резко отрицательно отзывался о советской действительности, написал пасквиль на Первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева. Когда об этом стало известно силовым органам, в группе провели собрание с осуждением его действий и Бородина исключили из университета. Это очень сильно взволновало студентов, которые раньше не знали таких случаев. В дальнейшем Бородин стал крупным советским диссидентом, написал несколько книг, а в результате горбачевской перестройки вернулся в политическую жизнь страны, стал редактором журнала «Москва».

Позднее мне довелось встретиться с Н. С. Хрущевым лицом к лицу. Солнечным сентябрьским утром 1959 года иркутяне встречали его, возвращавшегося из поездки в Китай. Центральные улицы были полны народа. Мы с Валею стояли в самом центре города, на пересечении улиц К. Маркса и В. И. Ленина. Ожидание было долгим. Наконец из глубины ул. К. Маркса

показался правительственный кортеж и стал быстро приближаться к нашему перекрестку. Когда первая машина притормозила ход, стоявшая за нами толпа ринулась к ней. Мы оказались прижаты к ее борту, лицом к высокому гостю. Он сидел на некотором возвышении в сером костюме, хорошо загорелый со шляпой в поднятой руке. Однако настроение у него было не праздничное. Хрущев окончательно поссорился с китайским руководством и был очень раздражен, несколько раз отпускал колкие реплики по поводу людей, зажавших его машину. Наконец охрана раздвинула толпу, и машина, вырвавшись на простор, вскоре исчезла за поворотом.

Между тем в середине наших студенческих лет начали завязываться связи с зарубежными вузами. Комитет комсомола формировал группы из лучших студентов для поездки в близлежащие страны. Мне довелось участвовать в одной из таких поездок в Китай. Это был мой первый выезд за рубеж. Последующие многочисленные визиты на разные континенты никогда так не волновали, как это первое пересечение границы Родины. Мы посетили Пекин, Шанхай, Тяньцзинь. Первое, что бросалось в глаза, – это беспросветная бедность людей, несравнимая с нашей, но изобилие товаров в магазинах. Тысячи рикш заменяли современные транспортные средства. Поражала удивительная работоспособность китайцев. От восхода солнца и до наступления ночи перед окнами нашей гостиницы в Пекине сновали рикши, груженные какой-то поклажей, стучали молотки ремесленников, звучали призывные голоса торговцев, слышался напряженный ритм многомиллионного города. В Тяньцзине наблюдали отплытие кораблей с русскими эмигрантами на борту в Австралию и Канаду. Это были те люди, которые покинули Россию в годы революции и гражданской войны, а теперь уходили от социализма с китайской спецификой.

*Выпуск 1959 года.
Во втором ряду
4-й справа
В. Алексеев*

Напряженная комсомольская работа в большом коллективе университета отрывала от учебных занятий и подготовки дипломного сочинения, которое пришлось писать по ночам. К счастью, оно получилось удачным и было защищено на отлично.

Закончив университет с отличием, был рекомендован в аспирантуру по кафедре истории СССР. Однако первые годы аспирантуры прошли в той же комсомольской работе. Хуже того, после переизбрания с поста секретаря комитета комсомола университета первый секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ Александр Власов – будущий председатель Правительства РСФСР, пригласил меня на должность главного редактора областной молодежной газеты. Отказываться в то время было не принято, но сослался на семейные обстоятельства. Жена после окончания университета работала в школе. С маленьким Алексеем мне приходилось оставаться дома, поскольку аспирантский регламент позволял это. Договорились, что после устройства ребенка в ясли мы вернемся к решению поставленного вопроса, но через полгода А. Власов по партийной мобилизации уехал работать первым секретарем райкома партии какого-то сельского района. Про меня забыли. Так я остался в науке и благодарю судьбу за это.

Возникли серьезные трудности в выборе темы диссертации. Заниматься революционным движением, аграрными или национальными проблемами принципиально не хотел. Предложили историю совнархозов, которые в послесталинский период стали актуальными, но пока отнекивался, их закрыли. Переживая за тему диссертации, вспомнил комсомольский субботник на строительстве Иркутской ГЭС. Мы расчищали дно котлована под строительство здания гидроэлектростанции, первенца знаменитого Ангарского каскада.

Масштабы стройки и перспективы гидростроительства впечатляли. Не столько умом, сколько чутьем понял значимость происходящего. Энергетическое строительство и его социально-экономические последствия представлялись важной, но необычной проблемой для исторического исследования. Захотелось пойти не проторенной дорогой, сделать что-то свое, новое. Предложил кафедре тему по истории электрификации Восточной Сибири, но руководство сначала отказалось, признав ее технократичной.

*Иркутская ГЭС
на Ангаре*

За меня вступился профессор пединститута В. И. Дулов, который сотрудничал с университетом и был большим авторитетом в кругах историков, тему утвердили. Так начались мои продолжительные исследования роли энергетического фактора в истории общества.

Комсомольская работа и настойчивое стремление обнаружить следы первой электростанции на территории Сибири заняли половину срока обучения в аспирантуре. Был проработан огромный пласт исторических источников от различных публикаций до архивных дел. Выяснилось, что в Сибири, на Алтае, а затем на Ленских золотых приисках в начале 1890-х годов были построены первые в России промышленные гидроэлектростанции. Статью об открытии немедленно опубликовал московский журнал «Вопросы истории, естествознания и техники». Это была моя первая научная публикация. Теперь, когда их число перевалило далеко за 500, она для меня остается самой дорогой¹. После нее были написаны две книги для массового читателя «Галактика А-Е» и «Сто сибирских ГОЭЛРО», а в 1964 году состоялась защита кандидатской диссертации по обозначенной выше теме. Байкальский меридиан стал для меня точкой отсчета всей последующей вузовской и академической жизни. Начатые здесь исследования были продолжены в Новосибирске, куда после окончания аспирантуры меня пригласил ректор только что образованного Новосибирского университета академик И. Н. Векуа.

*Встреча
с однокурсниками.
Иркутск, 2004 год*

СИБИРСКИЕ АФИНЫ

Так называют Академгородок Сибирского отделения Российской академии наук под Новосибирском. Он основан на перепутье между сталинизмом и постсталинизмом, в 1957 году, когда вслед за началом интенсивного развития производительных сил Сибири сюда пришла большая наука. В нем были созданы десятки научно-исследовательских институтов, охватывающих почти весь спектр современной науки, и университет, ставший

¹ См.: Алексеев В. В. Библиографический указатель. Екатеринбург, 2004; Веков связующая нить. Екатеринбург, 2013; Лукьянин В. П. Вершины уральской науки. Екатеринбург, 2013.

*Академгородок
Сибирского
отделения РАН
под Новосибирском*

кузницей кадров не только для него, но и практически всей страны. Это всемирно известный научный центр, уникальная концентрация интеллектуальных, культурных и духовных сил России, распространяющая свою ауру далеко за пределы Сибири. Об этом лучшем, с моей точки зрения, месте в Советском Союзе написано столь много, что трудно еще что-нибудь добавить, но попробую высказать свои впечатления.

Интеллектуальная атмосфера Сибирских Афин чувствовалась во всем – от Президиума Сибирского отделения, институтов и университета до Дома ученых, кафе «Под интегралом», коттеджей академиков, банкетов по поводу конференций и защит диссертаций. Даже на влажном песке пляжа «Обского моря» чертили геометрические фигуры и формулы. В Доме ученых проходили международные конференции, собрания членов академии, встречи с учеными и артистами, постоянно обновлялись выставки художественной галереи. В университете на почетном месте размещались портреты академиков, читавших здесь лекции. За ним пролегла прекрасная, круглые сутки освещенная лыжня, по которой хорошо было пробежаться после рабочего дня и в выходные дни. Иногда встречались пасущиеся лоси или прыгающие через лыжню белки.

*Справа – Президиум
Сибирского
отделения АН СССР,
слева – Институт
истории, филологии
и философии*

Для академиков, членов-корреспондентов и докторов наук существовал специальный стол заказов, где присутствовал широкий ассортимент продуктов, что было очень важно в условиях вечного советского дефицита. Правда, это отражало то социальное неравенство, которое наблюдалось в «развитом социалистическом» обществе. Нередко это проявлялось и на обыденном уровне в общении между учеными и обслуживающим персоналом. В магазине около моего дома состоялась такая сцена. Продавщица нагрубилась одному из покупателей. Он смущенно заметил: «Помилуйте, я же член-корреспондент». «А по мне хоть сам редактор», – отрезала она.

Новосибирский университет

Новосибирский государственный университет, расположенный в Академгородке, открыт в 1959 году и развивается параллельно с академической наукой. Основной профессорско-преподавательский штат состоит из ученых академических институтов, где студенты проходят практику с первых курсов. Его выпускники стали золотым фондом отечественной, да и мировой науки.

Сюда в сентябре 1962 года посчастливилось попасть и мне. Буйство осенних красок в Золотой долине захватывало дух, будило «дум высокое стремление». Не боюсь этого громкого слова, поскольку именно такое настроение охватило меня с первых дней пребывания здесь. Получив на второй день по приезду прекрасную двухкомнатную квартиру, мы с женой и маленьким сыном были на вершине блаженства после крохотной комнатухи иркутского общежития.

Работа в университете началась с должности ассистента. Сначала вел семинарские занятия, а потом доцентом читал лекции на разных курсах. Студенческая аудитория была весьма требовательной, потому что сюда поступали способные юноши и девушки, а за стенами вуза гремели политические страсти хрущевской «оттепели». Кроме того, в университете преподавали многие академики Сибирского отделения, которые часто бывали за границей и, пользуясь свободомыслием Академгородка, высказывали «крамольные» мысли. Студенчество накалялось

очень сильно, работать с ним было нелегко. Случались критические ситуации.

Утро 14 октября 1964 года выдалось солнечным, ярким. Осенний лес светился стройностью и сибирской суровостью. В воздухе кружились последние листочки и печально падали к ногам прохожих. Из отдаленного репродуктора доносились отрывки последних известий, но мне не удалось ничего расслышать. Опаздывая на первую лекцию, спешил к университету. В раздевалке было уже пусто. Только у последнего открытого окна вместе с гардеробщицей что-то обсуждали две студентки. До меня долетела странная фраза: «А Хрущев-то уже не Хрущев». С такой интригующей новостью поднялся в аудиторию и начал читать лекцию. Посыпались вопросы. В общей сложности набралось свыше сотни. Пришлось прервать плановую лекцию и отвечать на них. На это ушли все полтора часа, отведенные для лекции. Вопросы были всякие: наивные и очень содержательные. В них просвечивалась вся сложная палитра «великого десятилетия». Отвечал на все прямо и определенно.

После окончания лекции отправился домой, поскольку других занятий в тот день у меня не было. Через час в телефонной трубке раздался грозный голос заведующего кафедрой профессора Б. М. Шершевского:

– Ты что там натворил?

– Где?

– На первой лекции. Кто уполномочил тебя отвечать за ЦК партии? Твоя-то песенка спета, а что будет с нашей кафедрой?

К концу занятий университет гудел, обсуждая мои ответы. Тем более что ни один преподаватель не решился на такое. Все огра-

ничились стандартным ответом: «Вот приедет с Пленума ЦК секретарь обкома и все объяснит». В томительном ожидании прошло три дня. Сотрудники кафедры сторонились меня, а студенты осыпали новыми вопросами. Наконец, в Академгородок приехал первый секретарь обкома КПСС. Собрался партийно-хозяйственный актив из академиков, директоров институтов, руководства университета. Пропускали по специальным пропускам. Удалось «просочиться» и мне. Каково же

*Новосибирский
университет*

было изумление, когда выяснилось, что на две трети студенческих вопросов я ответил примерно так, как объяснялось на Пленуме ЦК КПСС. Одна треть самых острых вопросов осталась на моей совести. Позднее многие выпускники университета, став уже членами академии, с интересом вспоминали об этой истории, а маститые преподаватели так и не простили смелость молодому доценту. Так впервые, не ведая того, я оказался на переломе политических эпох, хотя и с дальнего края.

Или другой пример партийного контроля. Моя жена Валентина (В. К. Алексеева) написала диссертацию о сибирском маслоделии, которое имело большое значение в дореволюционной России. Когда было вывешено объявление о дне и месте защиты, секретарь местного райкома КПСС Р. Г. Яновский потребовал снять защиту по той причине, что в эти дни в магазинах города исчезло масло. Только решительное вмешательство академика А. П. Окладникова спасло ситуацию.

1968 год принес назначение на должность заместителя декана гуманитарного факультета. Это была интересная, но очень хлопотливая должность, тем более что декан доцент Н. Я. Гущин форсировал защиту своей докторской диссертации, и основная работа, а также ответственность за нее ложились на меня. На факультете трудились широко известные профессора: лингвисты К. А. Тимофеев и В. Г. Одинокоев, кафедру истории возглавлял академик А. П. Окладников. Ее основу составляли, как это было принято и на других факультетах, сотрудники академического Института истории, филологии и философии профессора Н. Н. Покровский, В. Л. Соскин, А. С. Московский, Л. М. Горюшкин, молодой А. П. Деревянко, ставший со временем директором этого Института. Высококвалифицированный состав преподавателей обеспечивал хорошую подготовку выпускников, лучшие из которых шли на работу в Институт истории.

Из талантливой молодежи удалось создать группу по изучению зарубежных концепций освоения Сибири. Они читали, переводили и анализировали произведения представителей английской, немецкой, итальянской и японской историографии, практически не известные в Советском Союзе, что открывало принципиально новые горизонты для советских историков. Все это получило большое значение позднее, с началом горбачевской «перестройки», когда начался пересмотр догматических представлений отечественной историографии и открылась легальная возможность взаимодействия с зарубежными советологическими центрами.

С сыном Алейшей

К. Зубков

Участники этой группы Константин Зубков, Константин Ломакин и Петр Подалко защитили кандидатские диссертации и стали известными специалистами в своей области. К. Зубков – ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН и заведующий кафедрой регионоведения в Уральском гуманитарном университете, а П. Подалко – профессор Токийского университета «Аояма». Сам я опубликовал несколько обобщающих статей по данному вопросу, использовал полученные результаты в разработке конкретных проблем истории Сибири и в дискуссиях с зарубежными коллегами. Некоторые итоги этих исследований мы с К. Зубковым подвели в небольшой книге «Критика современной буржуазной историографии индустриального освоения Сибири». Пусть читателя не смущает одиозное сочетание «критика буржуазной историо-

графии». В то время публиковать по-другому было невозможно. Фактически же в книге дается не столько критика, сколько анализ западных концепций в их соотношении с реальной сибирской действительностью.

Моя личная научно-исследовательская работа была связана с продолжением начатого в Иркутске изучения роли энергетического фактора в истории общества. В теоретико-методологическом плане ставилась задача классификации исторических эпох по видам используемой энергии. Со школьных лет мы знаем каменный, бронзовый, железный века. Они изучались сотнями, а может и тысячами ученых, но практически никогда в широком плане не ставился вопрос о типах энергии, которая приводила в действие каменные, бронзовые и железные орудия, не говоря уже о том, что со временем не вид материалов, из которых изготавливались орудия труда, а тип энергии, приводящий их в действие, стал решающим для исторического процесса.

Поэтому была предпринята попытка оценить масштабы и характер воздействия энергетического фактора на общество, установить связь между общественно-экономической формацией и ее энергетической базой. В результате обработки большого количества исторического материала и сложных расчетов удалось установить, что каждой общественно-экономической формации соответствует своя определенная энергетическая база. Не учет этой закономерности приводит к ошибкам в истолковании исторических явлений, а политики терпят поражение в своих прогнозах на будущее. Так, Н. С. Хрущев, объявив о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при комму-

низме, не учел главного. Существовавшая тогда энергетическая база не могла обеспечить выполнение принципа «от каждого по способности, каждому по потребности», не говоря уже о других проблемах советской экономики.

В СССР мой подход не привлек особого внимания и не получил поддержки. Другая реакция за рубежом. В августе 1991 года в Брюсселе на конференции по сохранению индустриального наследия мне неожиданно предложили выступить с докладом о роли энергетического фактора в истории. Пришлось без всякой подготовки, опираясь на свои прежние исследования, формулировать довольно крупные и сложные проблемы этой темы. Для многих присутствующих сама постановка такой проблемы оказалась неожиданной, что вызвало острую дискуссию и в конце концов одобрение усилий автора по разработке нового направления в исторической науке.

В конкретно-историческом разрезе внимание было сосредоточено на изучении истории электрификации. Она стала знаменем двадцатого века. Ее творили политики и ученые, инженеры и рабочие, воспевали писатели и поэты, народный фольклор. Из-под пера В. И. Ленина за 1917–1923 годы вышло более 300 документов, в которых сформулированы принципиальные положения о месте, роли и значении электрификации в жизни общества. Он подчеркивал: «Электрификация переродит

Красноярская ГЭС

А. Бочкин

лет. Посетил Кузбасс, где особое впечатление произвел Кузнецкий металлургический комбинат, построенный в начальный период советской модернизации. Потрясли масштабы и размах строительства гидростанций Ангаро-Енисейского каскада, которые наглядно демонстрировали значимость послевоенной модернизации.

Такие поездки предоставляли возможность на практике познакомиться и с энергетическими гигантами, получить уникальную информацию об их создании и эксплуатации, которая редко попадала в архивохранилища. Приведу один конкретный пример. На строительстве Красноярской ГЭС удалось договориться о развернутом интервью с легендарным начальником стройки А. Е. Бочкиным. На самом интересном моменте наш разговор прервал телефонный звонок. Начальника срочно требовал секретарь Дивногорского горкома КПСС. Андрей Ефимович извинился, встал, достал торчащий из-за голенища сапога сверток бумаги и передал его мне со словами: «Здесь вся интересующая вас информация. Я ее вчера докладывал на заседании Совета Министров СССР. Только будьте осторожны с негативными данными, которые мне пришлось озвучить там». Значимость такого документа трудно переоценить, и уж, конечно, он бы никогда не попал в архивы.

По результатам этих исследований подготовлена и опубликована двухтомная монография «Электрификация Сибири. Историческое исследование». В первом томе рассматривается появление первых дореволюционных электростанций, советский план ГОЭЛРО и его реализация в Сибири, роль электрифика-

Россию»¹. М. Горький в связи с намечающимся строительством каскада Ангаро-Енисейских ГЭС писал, что над страной восходит «Галактика А-Е». Е. Евтушенко в поэме «Братская ГЭС» утверждал: «Мне в Братской ГЭС мерцающее раскрылся, Россия, материнский образ твой». Крестьяне в ожидании «лампочки Ильича» говорили: «Хлеба меньше поедим – электричества хотим».

Исследовал энергетическое строительство в Сибири со времени появления первой электростанции до пуска мировых энергетических гигантов – Братской, Красноярской, Саяно-Шушенской ГЭС, социально-экономических последствий их строительства и эксплуатации. Собирая материалы по теме, часто бывал на стройках и действующих электростанциях, знакомился с объектами индустриального наследия довоенных, военных и послевоенных

¹ Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 40. С. 148.

ции в технической реконструкции народного хозяйства и ее значение для победы в Великой Отечественной войне. Впервые прослежено влияние электрификации на модернизационные процессы. Во втором томе анализируется подготовка и ход уникального энергетического строительства 1950–70-х годов, его значение для экономики страны. При этом большое внимание уделяется социальным и экологическим последствиям, достижениям и просчетам в ходе этого строительства, что отражает дилемму «развитой – застойный» социализм. Двухтомник получил множество положительных оценок, в том числе и за рубежом. На его базе в 1974 году была защищена докторская диссертация.

Наряду с достижениями в области образования и науки факультет сталкивался с неожиданными проблемами. В середине 1960-х годов широкий резонанс получило «письмо 46» в знак протеста против суда над советскими диссидентами Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Его подписали несколько сотрудников гуманитарного факультета, в том числе Л. Богораз, М. Громько, И. Алексеев, С. Рожнова. К ним были предъявлены особые требования, как к гуманитариям. Партийные органы требовали сурового наказания «подписантов». Разгневанный председатель Сибирского отделения академик М. А. Лаврентьев предлагал перевести гуманитарный факультет в Саяны, в район Шушенской ссылки В. И. Ленина. Некоторые сотрудники Отделения, в частности историк-медиевист из Института истории, филологии и философии О. Н. Вилков по всякому поводу клеймил позором профессора М. М. Громько – крупного ученого, сотрудницу того же Института. В результате декан факультета, член-корреспондент В. А. Аврорин и профессор М. М. Громько вынуждены были покинуть Академгородок. Находилось и много сочувствовавших, что отражало раскол в интеллигенции тех лет по вопросу перспектив социализма в СССР. Постепенно накал страстей улегся. Факультет остался на месте.

Или другой случай. На одном из молодежных вечеров студент гумфака Александр Марголис декламировал со сцены:

*В книгах гений Соловьева,
Гете, Гейне и Золя,
А вокруг от Ивановых
Содрогается земля.*

Разбор такого вольнодумства проходил за закрытыми дверями на объединенном заседании деканата и военной кафедры университета в присутствии первого секретаря Советского райкома КПСС Р. Г. Яновского. Полковники требовали самого

*Академик
А. Александров*

серьезного наказания вплоть до «снятия с доверия» «Ивановых», то есть исключения из университета. Секретарь райкома вдруг заговорил о взвешенном отношении к буржуазным специалистам. Никто не мог понять, к чему бы это. В результате провинившийся студент остался в университете.

С самого начала работы в университете вопреки моему желанию был втянут в крупные общественные мероприятия. В первую неделю пребывания в НГУ как молодой преподаватель, имеющий опыт работы с молодежью, был избран секретарем комитета комсомола университета. Это была очень трудная работа, отвлекающая от преподавательской и научной деятельности. С одной стороны, молодежный коллектив не имел никакого опыта комсомольской работы, с другой стороны, я совершенно не ориентировался в новой ситуации.

К тому же в студенческой среде кипели страсти хрущевской «оттепели». Комсомольские собрания и диспуты затягивались до глубокой ночи, а дома ждали безработная молодая жена с маленьким сыном.

Вскоре как молодежного лидера избрали в партком Сибирского отделения, где прошел великолепную школу понимания академических проблем. Партком состоял практически из одних академиков, вопросы рассматривал очень крупные и сложные, например борьба между директором Института экономики и организации промышленного производства членом-корреспондентом АН СССР Г. А. Пруденским и молодым экономистом с математическим уклоном, кандидатом экономических наук, будущим академиком мирового масштаба А. Г. Аганбегяном. Речь шла ни много ни мало о перспективах советской экономики. В конечном счете победил А. Г. Аганбегян, став директором института и авторитетным советником руководства страны. Эта история показывает, как круто менялось положение в стране в условиях постсталинизма.

Позднее меня избрали в партком НГУ, который возглавлял академик А. Д. Александров, беспрецедентный случай в вузовской практике. Александр Данилович ранее был ректором Ленинградского университета и хорошо знал проблемы молодежи. Мы с ним часами ходили по университетским общежитиям, решая многочисленные проблемы студенческой жизни. Он читал студентам стихи, говорил комплименты девушкам, а однажды выступил с лекцией «О пользе и вреде философии», повергнув в шок партийные органы. Мне много рассказывал о нравах представителей высших советских и партийных органов, с которыми он общался в столице, спорил по острым проблемам.

Проработав два года в качестве заместителя декана, оказался в затруднительном положении. Декан Н. Я. Гуцин решил стряхнуть с себя бремя ответственности за факультет и пригласил на свое место (или ему это предложили сделать) работника парткома Сибирского отделения И. А. Молетотова, который никакого отношения к учебному процессу не имел. Тот пришел и начал под себя чистить место. Мой авторитет ему явно мешал. Пришлось уйти, хотя об этом совсем не жалел, стремясь сосредоточиться на завершении докторской диссертации, но меня до сих пор поражает бесцеремонность партийного руководства в делах науки и образования. Это была типичная практика для эпохи Брежнева. Однако нет худа без добра. Меня вскоре пригласил к себе в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР академик А. П. Окладников. В декабре 1971 года прошел по конкурсу и стал старшим научным сотрудником академического института, к чему стремился после окончания аспирантуры.

Институт истории, филологии и философии СО АН СССР

Этот институт прошел сложный путь формирования. Первоначально, когда создавалось Сибирское отделение, он не был включен в его структуру, в чем проявилось недоверие ученых естественно-научного профиля к гуманитарным наукам, которые тогда выполняли в основном идеологические функции. В памяти были свежи сталинские дискуссии по вопросам философии, экономики, языкознания, биологии. Но очевидно было и другое – новое время. Задачи Сибирского отделения по развитию производительных сил региона настоятельно требовали решения ряда гуманитарных проблем, прежде всего человека в условиях нового освоения. Кроме того, начала работать аспирантура по многим научным направлениям, что поставило задачу подготовки и сдачи экзаменов кандидатского минимума, в том числе по философии. И еще. У ряда академиков жены имели гуманитарное образование, им требовались рабочие места.

Сначала была создана комиссия по общественным наукам, в задачу которой входила координация деятельности вузовских гуманитарных структур региона. Затем в Институте экономики и организации промышленного производства возник сектор истории промышленности, вскоре преобразованный в отдел гуманитарных исследований. В 1966 году на базе этого отдела был образован Институт истории, филологии и философии. Его возглавил член-корреспондент, вскоре ставший академиком, Алексей Павлович Окладников (1908–1981 гг.).

Об этом выдающемся ученом написаны книги и множество статей. Не имея возможности здесь охарактеризовать всю его

многогранную деятельность в науке, ограничусь наиболее важными вехами его жизни, а ниже приведу примеры из десятилетнего личного общения с ним. Алексей Окладников, так же как и Михайло Ломоносов, пришел в город из далекой сибирской глубинки с зимним санным обозом. Он шел поступать в Иркутский педтехникум. За спиной у него была котомка с морожеными пельменями и мешок с археологическими находками. Крестьянское происхождение и страсть к поиску следов древнего человека на земле наложили отпечаток на всю его жизнь. По оценке знаменитого японского профессора Като Кюдзо, «он был величайшим из крестьян и первым из землепроходцев».

После окончания Иркутского пединститута работал в Иркутске и учился в аспирантуре в Ленинграде. Сделал ряд выдающихся открытий в европейской части страны, за что получил Государственную премию. Вел широкомасштабные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке, что и послужило поводом для приглашения его в Сибирское отделение для организации Института истории, филологии и философии. Здесь он стал академиком АН СССР, членом ряда зарубежных академий, Героем Социалистического Труда, Кавалером многих орденов и медалей, получил вторую Государственную премию, мировую известность. Более 40 его фундаментальных монографий и свыше 600 научных статей, 30 талантливых учеников составляют золотой фонд отечественной науки.

Мой приход в институт совпал с выходом в свет последних томов пятитомной «Истории Сибири», их обсуждением и представлением на Государственную премию, которой она была удостоена в 1973 году. Это был оглушительный успех, в который мало кто верил в начале работы над многотомником. Тогда сибирские обществоведы не имели высокого рейтинга. Теперь же

*Академик
А. Окладников*

они стали героями дня. В самом деле, удалось решить большой комплекс сложных проблем, а самое главное – представить цельную историю с глубокой древности до середины 1960-х годов, что имело принципиальное значение для набирающего темпы развития края, региональной историографии и преподавателей разного уровня, пропагандистов. Более того, на базе «Истории Сибири» сформировался академический институт

гуманитарного профиля на востоке страны. Она дала толчок развитию исторической мысли далеко от столицы, появлению здесь десятков докторов исторических наук, а затем и нескольких академиков.

Вместе с тем с позиций сегодняшнего дня к «Истории Сибири» возникают новые требования. Во-первых, неосвещенными остаются последние полвека сложной сибирской истории, когда она превратилась в важнейшего донора российской экономики, вышла на мировой рынок с большими геополитическими последствиями. Во-вторых, однозначное истолкованием проблем сибирской истории с позиций марксизма-ленинизма не отвечает сущности исторического процесса и его сегодняшнему пониманию. В-третьих, авторы не сумели сойти с идеологических позиций того времени, преувеличивая роль классово-борьбы и коммунистической партии в развитии региона, забегая вперед исторических реалий, назвали завершающий раздел пятого тома «Сибирь на новом этапе коммунистического строительства. 1959–1965 гг.». О каком «новом этапе коммунистического строительства» могла идти речь, когда реально не было ни старого, ни нового этапа. В-четвертых, апологетичность многих текстов по советскому периоду, замалчивание просчетов и провалов. Даже разоблаченный XX съездом КПСС культ личности Сталина не получил реального освещения. А. П. Окладников как-то заметил, что когда ему показали текст о Сталине в хрущевском духе, он взял линейку и аккуратно перечеркнул его весь.

Сложнее решалась судьба «Очерков русской литературы Сибири» по двум главным причинам. Первая – идеологическая. Партийный диктат не допускал свободной трактовки творчества писателей. Кроме того, литературоведы не поспевали за ростом писательских рядов. К примеру, Валентин Распутин был начинающим журналистом, когда начиналась подготовка издания, а ко времени его публикации он стал писателем с мировым именем. Вторая причина кадровая. Новосибирская школа литературоведов в те годы была не столь сильна. В разгар работы над текстом очерков умер их инициатор, талантливый литературовед Ю. С. Постнов. Ему на смену пришла относительно молодая сотрудница Л. П. Якимова, которой трудно было мобилизовать под своим руководством академических и вузовских специалистов. Как бы то ни было, в 1982 году вышло два тома. Один под редакцией В. Г. Одинокова, второй – Л. П. Якимовой. Это был серьезный вклад в литературоведение региона, хотя политическая обстановка 1970-х не очень располагала к глубокой и объективной трактовке литературного процесса.

После завершения работ по «Истории Сибири» и исчерпания задач ее редколлегий в структуре Института оформилось пять крупных отделов: археологии, досоветской, советской истории, филологии и философии. В этой книге речь пойдет об отделах истории. Досоветский отдел имел два сектора: археографии (зав.

*На защите
докторской
диссертации,
1974 год*

проф. Н. Н. Покровский); истории капитализма (зав. проф. Л. М. Горюшкин). В советском отделе пять секторов. Их названия часто менялись. Три из них так или иначе были связаны с историей промышленности и рабочего класса. Их соответственно возглавляли профессора А. С. Московский, Г. А. Догуцаев, И. И. Комогорцев. Аграрным сектором руководил профессор Н. Я. Гуштин, сектором культуры – профессор В. Л. Соскин. Работа этих секторов отражена в книге В. Л. Соскина¹.

Коснусь только сектора истории промышленности, в который был избран по конкурсу. В нем изучались проблемы индустриального развития и рабочего класса 1960–80-х годов XX века. Продолжая свои исследования о роли энергетического фактора, обратился к истории сибирской нефти, которая приобретала мировое значение. Вместе с В. А. Ламинным подготовил книгу «Прометеи сибирской нефти», вызвавшую большой интерес не только у историков, но и у геологов, нефтяников, поскольку в ней рассматривались сибирские нефтепроявления, начиная с 1684 года до обнаружения современных гигантских запасов. Познакомившись с рукописью, выдающийся геолог, открыватель нефтяных месторождений Башкирии и Сибири академик А. А. Трофимук сказал, что он за полвека работы в геологии не узнал и половины того, что написано в этой книге. Такая оценка вдохновила на исследования, интересные для хозяйственной и социальной практики.

После присвоения степени доктора исторических наук меня частенько приглашали выступать в качестве официального оппонента на защитах диссертаций. Было много интересных встреч и поучительных эпизодов. Расскажу об одной из них. Прилетев

Алма-Ата

в Алма-Ату, был восхищен ее красотой. Защита должна была начаться на следующий день в 15 часов. Молодой соискатель М. Ж. Ташенев обещал до обеда основательно познакомить с замечательным городом. Я терпеливо ждал в номере гостиницы до 14.30. В 15 часов соискатель явился и спешно повел меня на заседание ученого совета. Пожилые профессора держались солидно

¹ Соскин В. Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Новосибирск, 2008.

в ожидании начала заседания. Выступил как всегда эмоционально и призвал голосовать за присуждение ученой степени кандидата исторических наук. Результаты голосования – 100% «за». Начался банкет, где выступали по-казахски и по-русски, министры и другие государственные деятели.

А меня не покидал вопрос: «Что же произошло в первой половине дня?». Наконец не выдержал и задал этот вопрос соискателю. Тот, сославшись на прекрасную погоду, сообщил, что все члены совета находились в горах, на своих дачах, и не хотели оттуда спускаться, поссорившись с председателем совета, короче «профессорская дачная забастовка» срывала защиту. Тогда соискатель взял такси, объехал все дачи и каждому профессору сказал примерно одно и то же: «Из знаменитого Сибирского отделения АН СССР прибыл в качестве оппонента известный ученый, что подумают о нас, если защита сорвется». Мудрые профессора поняли ответственность, спустились с гор, простили обиду своему председателю и дружно проголосовали «за». Позднее он стал известным профессором, но «забастовку» членов ученого совета не может забыть до сих пор.

Оставался и второй вопрос: «Почему на банкете выступали преимущественно министры?». Оказывается, отец соискателя Жумабек Ахмедович Ташенев долгое время был Председателем Верховного Совета Казахской Республики и по положению заместителем Председателя Верховного Совета СССР (в то время К. Ворошилова). Последний был очень стар, много болел. Поэтому значительная часть государственных дел сосредоточилась в руках Жумабека Ахмедовича. Целый вечер он мне рассказывал, как это было. До сих пор ничего подобного не опубликовано, тогда как представленный тогда механизм принятия советских решений имеет огромный интерес

В 1978 году состоялся мой первый визит во Францию в составе делегации Сибирского отделения под руководством академика А. А. Трофимука на коллоквиум «Сибирь вчера, сегодня, завтра». Посетили Париж, Лион, Гренобль. Мой доклад в Париже назывался «Сибирь в панораме веков». Он вызвал большой интерес, но мне пришлось преодолеть серьезные трудности. Накануне, возвращаясь с экскурсии, я оставил в автобусе портфель

*На ступенях
Монмартра
(Париж, 1978 год)*

с докладом. Утром пришлось выступать на английском без текста, зато у единственного докладчика прозвучала живая эмоциональная речь. Большое впечатление на меня произвели встречи с русскими эмигрантами первой и второй волны. При всем показном благополучии у них в глазах читалась тоска по Родине.

Вскоре после избрания старшим научным сотрудником директор назначил меня ученым секретарем Института, а с утверждением в ученой степени доктора исторических наук – заместителем по научной работе (1976 год). Новая работа оказалась непростой. Случилось так, что самый молодой доктор стал начальником в большом многопрофильном институте над несколькими десятками профессоров, значительно старше его по возрасту. Тем более что директор-археолог с мая по октябрь находился в экспедициях, и мне полгода приходилось принимать ответственные решения самостоятельно. Коллектив всегда поддерживал, за исключением некоторых ревностно настроенных докторов.

Работать с А. П. Окладниковым было интересно, но и непросто в силу его сложного характера. Он был талантливым гуманитарием от природы, очень умным человеком с широким кругозором, оригинальным строем мысли, с яркой, образной речью и стилем. Прошел нелегкий путь к высотам науки в сталинское время. Его уважали и ценили представители естественных наук. У меня с ним установились добрые, доверительные отношения. По вечерам он частенько заходил ко мне домой вместе со своим помощником Сашей Конопацким. За чашкой бурятского чая (любимым напитком академика) обсуждались назревшие проблемы, принимались решения, которые наутро оформлялись приказами по институту. Иногда он звонил из-за границы, передавал приветы всей семье и нашей собачке Пифу, которого очень любил.

Из многочисленных вопросов, решаемых с директором, необходимо выделить проблему истории классов, которая стала в Институте доминирующей после «Истории Сибири». Ее выделение

в качестве основной, по моим представлениям, было обусловлено двумя главными обстоятельствами. С одной стороны, политико-идеологическими – провозглашение ведущей роли рабочего класса, а КПСС руководящей и направляющей силой советского общества. С другой стороны, заинтересованностью многих сотрудников института, углубляю-

*С академиком
А. Окладниковым
на Ангаре*

щих после «Истории Сибири» изучение рабочего класса и крестьянства как производителей материальных благ общества. А. П. Окладников был главным редактором «Истории рабочего класса Сибири» и «Истории крестьянства Сибири» до своей смерти в 1981 году, хотя не являлся специалистом в данных областях, не уделял им должного внимания. Конкретную работу вели соответствующие редколлегии и сектора института. В мою задачу как заместителя главного редактора входила их координация. Сам я к этим многотомникам относился без энтузиазма, понимая их политическую ангажированность и идеологизированность, что мне всегда претило. Однако как специалисту в области истории промышленности и ее кадрового потенциала мне была ближе «История рабочего класса Сибири».

Над каждой историей работали до ста человек – как институтских, так и вузовских специалистов, докторов и кандидатов наук со всей Сибири и даже из центра. Проходили многочисленные конференции, симпозиумы, дискуссии в редколлегиях и секторах, которые не нарушали политкорректности. Лишь иногда между заведующим сектором истории крестьянства Н. Я. Гуциным и преподавателем областной партийной школы Ф. С. Пестриковым случались «грозовые» стычки. Пестриков догматически отстаивал давно устаревшую трактовку крестьянства в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Гуцин пытался бравировать новым взглядом, но он не шел дальше официальной линии партии, что прояснилось в ходе кардинальной ломки идеологической платформы в 1990-е годы. По проблемам истории рабочего класса сталкивались интересы Г. А. Докучаева и И. И. Комогорцева, но это были не теоретические споры, а скорей передел сфер влияния в историческом сообществе.

Возникали серьезные проблемы, от которых зависела судьба многотомников. У нас в институте практически не было специалистов по досоветской истории рабочего класса. Они работали в Томском университете, но томичи имели претензии к А. П. Окладникову за то, что он якобы не включил их кумира профессора И. М. Разгона в список претендентов на Государственную премию за «Историю Сибири», и отказывались сотрудничать с нашим институтом. Алексей Павлович поручил мне уладить конфликт и отправил с дипломатической миссией в Томск. Переговоры шли трудно, неоднократно заходили в тупик, издание оказывалось без первого тома. Наконец в личной беседе мне удалось убедить профессора Разгона в выгоде для них нашего предприятия. Он согласился сотрудничать вместе со своей командой. На базе хорошего задела они быстро подготовили том к печати. Конфликт был исчерпан. Окладников объявил мне благодарность на ученом совете института за большой дипломатический успех. Через некоторое время по моей просьбе Разгон приехал в Академгородок и впервые за много лет сел за один стол с Окладниковым. После первой рюмки он

сказал Алексею Павловичу: «Если бы не этот парень, мы бы никогда больше с тобой не встретились».

Не успели решить эту проблему, как возникла другая – ученый совет забаллотировал Г. А. Докучаева на выборах на новый срок. Его уволили из института. Остался без редактора третий том, посвященный Отечественной войне и послевоенному периоду. Ученый совет передал мне его сектор Общих проблем и истории рабочего класса вместе с ответственностью за том. Уходя из института, Докучаев унес с собой все до последней страницы наработок по тому. Надо было начинать все с начала, когда другие тома были уже практически готовы. Потребовались огромные усилия, и том вышел из печати под моей редакцией вместе со всеми.

Однако этому предшествовала еще одна более сложная проблема. В связи с постоянными трудностями постсталинской эпохи Академия наук перестала издавать многотомные труды. Наши тома едва не стали жертвой такого решения. Я с великим трудом уговорил А. П. Окладникова срочно ехать в Москву и спасти ситуацию. Он с большой неохотой отложил свою очередную экспедицию, и мы полетели в столицу. Нас принял вице-президент академии, председатель редакционно-издательского совета академик П. Н. Федосеев и сказал, что ничего нельзя сделать – многотомники больше не издаются. Я предложил печатать не под номерами, а по названию периодов, которые в томах отражены. Выходило, что мы издаем отдельные книги, а не многотомники. Неожиданно он согласился, обойдя формальный запрет, и оформил соответствующий документ. В результате восемь томов (по четыре «Истории рабочего класса Сибири» и «Истории крестьянства Сибири») вышли в течение 1980-х годов, а девятый (пятый, крестьянский) – в 1991 году. Издание было завершено.

Сибирские истории классов стали крупным результатом работы большого коллектива исследователей, прочно вошли в российскую историографию, более того, оказались законченными в отличие от аналогичных работ общесоюзного плана. Они углубили, конкретизировали и продолжили «Историю Сибири» на четверть века, с современных научных позиций оценили многие ее принципиальные сюжеты. Однако жизнь быстрее ушла вперед, проблемы классов перешли в иную плоскость. Поэтому сибирские истории классов оказались менее востребованы, чем предполагалось ранее.

Вместе с тем надо заметить, что во время подготовки истории классов были решены некоторые теоретические проблемы, разработаны новые методики, в частности, в нашем секторе создана методика сбора и использования статистического материала по бюджетам рабочих семей для определения динамики жизненного уровня населения, осуществлены подходы к оценке исторического опыта освоения новых территорий, начала складываться научная школа, в которую вошли доктора исторических наук

С. Букин, Ю. Казанцев, Н. Гаврилова, Т. Санжиева, Н. Куксанова, кандидаты исторических наук А. Долголюк, А. Тимошенко, Л. Казанцева и некоторые молодые сотрудники, которые уехали со мной на Урал, продолжив там дело, начатое в Сибири. В дальнейшем жизнь разбросала моих учеников по разным регионам страны – от Армавира (Ю. Стецура) до Улан-Удэ (Т. Санжиева).

После характеристики основополагающих исторических работ института 1970–80-х годов

вернулся к взаимодействию с А. П. Окладниковым по более частным, но интересным вопросам. Однажды он позвонил мне в праздничный день, 8 ноября, и сообщил, что завтра улетаем в Братск, а затем в Усть-Илим снимать кальки с петроглифов, которые подтапливало разливающееся водохранилище ГЭС. При этом предложил взять с собой мою книгу по истории электрификации Сибири. Оказалось, что она была необходима для подарка директору Братской ГЭС, которому предстояло дать нам катер, стоявший на стапелях после закрытия сезона. Морозы доходили уже до 25 градусов. Директор долго колебался, а потом скрепя сердце разрешил. Утром следующего дня мы стали спускаться вниз по течению Ангары. На Долгом пороге катер бросало между валунами и бурунами, а там и сям в воронках как веретено крутились толстые бревна, готовые протаранить наше угловое суденышко. Моторист стоял у штурвала весь в поту, а мы сидели на палубе в шубах и меховых брюках, и с большим напряжением следили за происходящим. К счастью, пороги миновали удачно. Отсняли петроглифы у самой кромки воды с лодки. Вечером Алексей Павлович с мотористом пошли прогуляться по берегу, а я остался в каюте вычитывать типографские гранки своей очередной книги. Вдруг катер резко накренился. Я выскочил на палубу и стал кричать. Моторист еле успел выправить наше маленькое судно, которое в ходе перекрытия сброса воды на ГЭС оказалось на мели и перевернулось на бок, хорошо, что не вверх килем.

Другая ситуация была парадной, но очень странной. Алексею Павловичу присудили к 70-летию юбилею звание Героя Социалистического Труда. Мне сообщили об этом из наградного отдела Президиума Верховного Совета СССР. Академик в это время находился на раскопках на Сахалине. Не желая их прерывать, отказался прибыть в назначенное время в Новосибирск для получения награды. Возник парадокс. Десятки его почитателей,

*Веселая встреча
(с А. Тимошенко
и С. Букиным)*

узнав из сообщений радио о награде, приехали в Новосибирск поздравить юбиляра, привезли подарки. Мне пришлось принимать их в качестве заместителя председателя ученого совета института, а вечером устроить прием в Доме ученых. За столом в шутку и всерьез много говорили об оригинальности юбиляра, кое-кто очень остро.

А еще одна ситуация стала достойна Книги рекордов Гиннесса. В условиях острейшей полемики с якутскими учеными по национальному вопросу в нашем докторском совете состоялась защита В. А. Демидова на тему «Национальный вопрос в Сибири в 1917–1922 гг.». Накал страстей был настолько велик, что пожилой Алексей Павлович поручил вести совет мне – молодому заместителю. Он начался в 2 ч. 30 мин. пополудни, а закончился в 2 ч. 30 мин. ночи. Стенограмма обсуждения оказалась толще самой диссертации. Говорят, что в ВАКе эту защиту называли «защитой века».

Через некоторое время меня пригласили прочитать спецкурс в Якутском университете. Зная натянутые отношения Окладникова с якутами, мои коллеги не рекомендовали показывать приглашение директору – уволит сразу, но я показал. Он, не

Ленские столбы

задумываясь, бросил: «Езжай, а шуба у тебя есть?» – «Да, дубленка», – ответил я. Академик рассмеялся и сказал: «Приходи за моей, настоящей». Конечно, я постеснялся, а вечером перед отлетом раздался стук в дверь. Валя открыла. На пороге стоял Алексей Павлович с шубой и собачьими унтами в руках. Ох, как они мне пригодились во время путешествия по побережью Ледовитого океана на собачьей упряжке!

На одном из сюрпризов якутской командировки стоит остановиться. Прилетев с Крайнего Севера в Якутск, мы с доцентом местного университета Семеном Гороховым, юкагиром по национальности, были приглашены на обед к директору Института гуманитарных исследований В. Н. Иванову. Войдя в подъезд, Семен повел носом и сказал: «А Николай уже здесь». Ему было важно встретиться со своим проректором Н. А. Гоголевым. «Почему ты так думаешь?» – спросил я. Он ответил: «Я учуял». Поднявшись на третий этаж в квартиру Иванова, мы увидели, что Гоголев раздевается в прихо-

жей. Чутье не подвело, но как это произошло, Семен объяснить не смог, хотя был образованным человеком, хорошо владел английским языком. Видимо, бывалый охотник не порвал связь с природой своих предков.

С якутским академиком Василием Николаевичем Ивановым мы встречались много раз. Он приглашал меня на конференции, заседания ученого совета по защите диссертаций, членом которого по его просьбе я состоял, не только работая в Сибири, но и уехав на Урал. Мне неоднократно

приходилось проверять его Институт по заданию Президиума Сибирского отделения. Он – автор многих книг, очень эрудированный историк. А о его северном гостеприимстве и говорить не приходится, оно всегда было на высоте. Неизгладимое впечатление оставило путешествие на Ленские столбы – чудо природы, которое походит на творение рук человеческих: как бы высеченные из камня храмы и замки, причудливые балюстрады. А на берегу широченной Лены раскинута «скатерть-самобранка» с якутскими угощениями. Только мириады крупных комаров нарушали эту идиллию.

В 1976 году проходила советско-венгерская конференция по интернационализму. Она началась в Иркутске, продолжалась в Хабаровске и закончилась в Новосибирске. Находясь в Монголии, Алексей Павлович поручил мне встретить венгерскую делегацию во главе с академиком П. Ж. Пахом в Иркутске и открыть там конференцию. Я договорился с руководством Байкальской лимнологической станции прокатить гостей по Байкалу после конференции. Ранним утром мы поплыли. Увидев на красивом берегу группу рыбаков, жаривших омуля на рожне, остановились. Нас угостили великолепным деликатесом. Венгры были в полном восторге.

Спустя шесть лет в составе советской делегации приехал на Международный конгресс по экономической истории в Будапешт. После его завершения Правительство Венгрии устроило большой банкет в честь участников. В Доме приемов на берегу Дуная гостей встречали Председатель Правительства и Президент конгресса академик П. Ж. Пах. Они пожимали руку каждому входящему делегату. Когда очередь дошла до меня, Пах удивленно воскликнул: «Алексеев, Байкал, омуль!» – и заключил

*В гостях
у академика
В. Иванова*

*Будапешт.
Парламент
(Венгрия)*

*Памятная медаль
«400-летие присоеди-
нения Сибири
к России»*

меня в объятия. Премьер подумал, что это самый важный участник конгресса и тоже обнял. Руководитель нашей делегации академик И. Д. Ковальченко отвел меня в сторону и начал прорабатывать за допущенные вольности, пока не разобрался в чем дело.

Осенью 1981 года мы с Валею целый месяц провели в Юго-Восточной Азии (Япония, Филиппины, Сингапур, Малайзия, Вьетнам). По возвращении узнали, что здоровье А. П. Окладникова ухудшилось. Между тем приближалась Всесоюзная научная конференция, посвященная 400-летию присоединения Сибири к Русскому государству. Она вызвала огромный интерес. На нее приехали более сотни участников, пришли академики из институтов естественно-научного профиля Академгородка. Алексей Павлович предложил отчеканить медаль по этому поводу. Она была изготовлена в Ленинграде на Монетном дворе и отличалась оригинальностью, изяществом. Я храню ее как уникальную реликвию, поскольку с последнего заседания Алексей Павлович улетел в Москву на операцию и там вскоре умер.

Во время работы в Институте состоялось много поездок по стране: от Петропавловска-Камчатского на Востоке до Таллинна на Западе, и от Душанбе на Юге до Анадыря на Севере. Побывал почти во всех республиках Союза, много видел, встречался с разными людьми. Постсталинский Советский Союз жил не богатой, но содержательной жизнью, питая уважительное отношение к науке. Всего не вспомнишь, но о некоторых эпизодах стоит рассказать.

Работая заместителем директора, мне часто приходилось бывать в Москве по разным научным и организационным вопросам. Наблюдая за моими успехами, коллеги из Института истории СССР, в первую очередь зам. директора В. П. Дмитренко, неоднократно поднимали вопрос о переходе в их Институт. Я отшучивался, уверяя, что в Сибири лучше. В самом деле, здесь была более здоровая рабочая обстановка, да и с директором академиком А. П. Окладниковым мы хорошо сработались. Однажды меня пригласил к себе в кабинет академик-секретарь отделения истории Иван Дмитриевич Ковальченко и, подшучивая, стал говорить, что Москва зовет. Я сформулировал свою обычную позицию, добавив, что академик А. П. Окладников расценит мой шаг в сторону Москвы как карьеризм, а я дорожу его добрым расположением. «Правильно, – твердо сказал Ковальченко, – надо ценить мнение своего руководства, а в Москве и так много народа». Такие призывы раздавались и в дальнейшем, особенно в кризисные периоды Института российской истории, но на них я не реагировал.

Приземляясь ранним утром на краешек земли Российской в Петропавловске-Камчатском, восхищался беспредельной гладью океана и восходящим солнцем над ним, а потом купанием в теплых минеральных водах Паратунки под снежинками с голубого неба. На Сахалине – встреча с пограничниками, их занимательные рассказы о происшествиях на границе с Китаем и несколько больших чашек с красной икрой на столах вместо десерта. Во Владивостоке – поездка на суперзакрытый Русский остров с академиком А. И. Крушановым и его ближайшим помощником А. Т. Мандриком. Теперь трудно представить, что эта неприступная природная цитадель превращается в центр мирных международных конференций. Озеро Арахлей в родном Забайкалье, где мы проводили самую большую в этом крае научную конференцию, а гостей угощали только дарами природы: медвежатиной, лосятиной, рябчиками, куропатками, белыми грибами, кедровыми орехами и брусникой. Улан-Удэ с его уникальными восточными манускриптами – «Данжуром» и «Ганжуром», поездка в дацан к хамбаламе с коммунистом-буддистом Гармажапом Лутуповичем Санжиевым, встречи на кафедре пединститута с моим другом профессором Ефремом Егоровичем Тармахановым.

Масштабная конференция в Минске, где мы с моим официальным оппонентом, а затем другом профессором МГУ Владимиром Зиновьевичем Дробижевым за рюмкой популярной

*С женой в Токио
(Япония)*

«Беловежской» дискутировали с белорусскими коллегами о путях создания многотомной «Истории рабочего класса СССР». В Цхалтубо (Грузия) обсуждались проблемы национальных отрядов рабочего класса СССР. Проблема острая, но в то время дискуссии шли спокойно, без всяких проявлений национализма. Меня изумило грузинское гостеприимство и виртуозность местного тамады, который на протяжении пяти часов застолья ни разу не повторился, произнося до сотни остроумных тостов. Наконец, конференция в Киеве по истории городов и сел под руководством председателя оргкомитета, секретаря ЦК компартии Украины Леонида Кравчука и поездка на могилу Тараса Шевченко. Меня тогда поразили националистические комментарии высокопоставленного партийного чиновника, которые стали понятны 20 лет спустя, когда он вместе с Ельциным и Шушкевичем подписал документ о роспуске Союза Советских Социалистических Республик.

В сентябре 1986 года в составе небольшой советской делегации присутствовал на международной научной конференции в Государственном департаменте США «Россия и США во Второй мировой войне». Отношения между нашими странами тогда были не лучшие, дискуссии проходили остро. Один из наших представителей высказался резко с партийных позиций по поводу доклада одного из американцев. Тот молниеносно отреагировал в еще более оскорбительном тоне. Возникла кризисная ситуация. Наша делегация в знак протеста заявила об уходе с конференции.

Тут раздался тонкий женский голос из задних рядов. Молодой советолог Шейла Фитцпатрик просила не расходиться. Она всю ночь изучала доклад профессора Алексеева и хотела по нему высказаться. Руководитель заседания с американской стороны оперативно предложил удовлетворить просьбу женщины, выслушать Алексеева, предоставить ей слово для критики, а по-

том разойтись. Отодвинув нескольких докладчиков из программы, он предоставил слово мне для доклада «Сибирский тыл во Второй мировой войне». Вопреки официальной советской позиции по «ленд-лизу», я назвал его положительные стороны. Аудитория успокоилась. Фитцпатрик сделала несколько критических замечаний, а американский ведущий повел дальше заседание, как будто бы ничего накануне не про-

*Встреча с Шейлой
Фитцпатрик
в Екатеринбурге*

изошло. Недоразумение было ликвидировано, за что меня благодарили советский и американский руководители.

После заседания нас повезли в Белый дом на экскурсию. Находясь в Овальном кабинете Президента, мы услышали шум за окном. На зеленую лужайку приземлялся военный вертолет. Из него выпрыгнул молодой морской офицер с черным чемоданчиком, а за ним вышел Президент США Рональд Рейган. Нас разделяло только оконное стекло. Мне почему-то тут же представилась Могоча. Как далеко занесла меня судьба!

В ходе конференции руководитель Вильсоновского советологического центра, широко известный американский дипломат и ученый, специалист по России Джеймс Биллингтон пригласил меня на ужин в свой вашингтонский коттедж. За столом сидело много именитых американцев. Объявили о прибытии нового гостя – сенатора от штата Мериленд Поля Сарбанса. Его усадили рядом со мной на единственный свободный стул. Представляя меня, Джеймс многозначительно произнес:

– А это... коренной сибиряк.

Сенатор взметнул густые брови и, не скрывая удивления, воскликнул:

– Сибиряк в Вашингтоне. Впервые вижу.

В это время подали коктейли. Пока Сарбанс выбирал бокал, Биллингтон, наклонившись ко мне, шепнул:

– Спешите вложить в голову американского сенатора все, что ему нужно знать о Сибири. Надеюсь, вам хватит пяти минут.

Устанавливая жесткий регламент, профессор явно недооценил масштабы информации о Сибири и тем самым поставил меня в затруднительное положение. Преодолев замешательство, я неожиданно для себя выпалил:

– В таком случае, обойдусь одним словом.

– Какое магическое слово хочет произнести сибиряк? – спросил сенатор, потягивая виски с содовой.

– Frontier, – отчеканил я.

Американская и советская стороны были одинаково озадачены.

– Чей рубеж вы имеете в виду? – уточнил сенатор.

– Наш общий, – последовал ответ. – У России и США, несмотря на принципиальные различия в географическом положении и политических системах, существует общая задача – освоение новых территорий. Американцы долгое время шли на Запад, русские – на Восток. В конце концов они встретились в Калифорнии и... мирно разошлись. Россия в 1867 году продала свои

Дж. Биллингтон

владения в западной полушарии молодой Американской Республике. Памятниками той дальней эпохи до сих пор служат русские названия в Новом Свете: острова Андреяновские, Прибылова, бухта Павлова, форт Росс и др.

– Какое значение все это имеет в наши дни? – прервал мой монолог один из американских коллег.

– Очень важное. Во-первых, оно свидетельствует о мирном решении проблем, возникающих между великими державами. Во-вторых, дает богатейший материал для обобщения опыта освоения новых территорий, который так нужен сегодня американцам на Аляске, а русским в Сибири.

– Это ценная мысль, – поддержал сенатор. – Наш общий frontier достоин пристального внимания. Правда, русские и американцы будут его истолковывать по-разному, но наверняка найдут много общего и полезного для понимания сегодняшних проблем.

– Джеймс, – обратился он к профессору Биллингтону, – подумай об организации совместных исследований по этому интересному вопросу.

Той ночью мне не спалось. Перед глазами вставала запорошенная осенним снегом Сибирь, Забайкалье, где в отрогах Яблонового хребта затерялась маленькая железнодорожная станция Могоча – моя родина. Перебирая в памяти только что состоявшийся разговор с американским сенатором, а также страницы западных публикаций последних лет, где замысловато переплетаются были и небыли о Сибири, я лишний раз убедился, что она не вписывается в жесткий регламент. О регионе, занимающем четверть Азиатского материка, где может разместиться сорок таких государств как Великобритания, который играет все более важную роль в панораме великих событий XX века, пора говорить в полный голос, широко и весомо. Тогда и созрела мысль написать книгу, чтобы рассказать правду о далекой и таинственной Сибири, ее суровой природе и мужественных людях, достижениях и просчетах, перспективах и проблемах освоения. Вернувшись в Академгородок, я написал эту книгу. Она называлась «Сибирь в панораме XX века», издана на девяти иностранных языках, за исключением русского.

Особо следует остановиться на проблеме гуманитарных исследований в программе «Сибирь», которая была выдвинута Сибирским отделением в конце 1970-х годов. Расскажу чуть подробнее, поскольку эти исследования предполагали получение практических результатов, что было несвойственно для гуманитариев и в настоящее время представляет непростую проблему. Мне с коллегами было поручено разработать подпрограмму «Гуманитарные аспекты развития Сибири в условиях промышленного освоения» и руководить ею. Создание программы не встретило непреодолимых препятствий, но ее реализация потребовала больших усилий. Повернуть историков к практическим результатам оказалось очень трудно.

Включение обществоведческих проблем в комплексную программу освоения природных ресурсов Сибири имело объективную основу. Во-первых, современный подход к освоению новых районов требует решения широкого спектра вопросов, в том числе и гуманитарных: исторических, социологических, лингвистических. Во-вторых, сибирские гуманитарии накопили определенный опыт в создании обобщающих трудов по истории развития производительных сил и культуры региона, о чем свидетельствуют пятитомная «История Сибири», а также «История рабочего класса Сибири» и «История крестьянства Сибири».

Естественно, что в программу «Сибирь» при всей широте гуманитарных проблем могли быть включены только те, которые опирались на предшествующие фундаментальные разработки Института. Поэтому сравнительно быстро определился круг тем прикладных исследований, однако методические подходы к ним столкнулись с большими трудностями, потому что ни в Институте, ни в стране в целом не было достаточного опыта научно-практических исследований гуманитарного, в частности, исторического профиля.

С целью преодоления этих трудностей создали специальный методологический семинар, который заслушал доклады ведущих ученых об имеющемся опыте подобных исследований в СССР и за рубежом. Особое внимание уделялось выяснению возможностей прикладных исследований в области истории, поскольку здесь опыта было меньше всего. В результате оживленных дискуссий созрели подходы к программе. Ее цель обозначилась как изучение и обобщение исторического опыта социально-экономического и культурного развития Сибири, трудового и нравственного воспитания трудящихся. Главный объект исследова-

«Сибирь в панораме XX века»

ний – Человек, его созидательная деятельность и духовный рост в условиях нового освоения.

Программа имела четыре направления. Первое предусматривало обобщение исторического опыта хозяйственного и социально-культурного развития Сибири. В условиях, когда на необъятных просторах региона велось беспрецедентное по масштабам и темпам развитие производительных сил, интенсивное заселение ранее слабо обжитых территорий, большое значение приобретало изучение истории освоения края русским и аборигенным населением. Обобщение и использование этого опыта чрезвычайно ценно для развития районов с экстремальными природно-климатическими условиями не только в нашей стране, но и за рубежом.

Наряду с бесспорными достижениями в индустриальном освоении Сибири встречались трудности, нерешенные проблемы. Хозяйственная практика показывала, что реализация народно-хозяйственных проектов велась здесь иногда без должного учета уроков прошлого. В результате допускались просчеты, снижалась эффективность затрат, возникали материальные и моральные издержки. В дальнейшем в связи с расширением масштабов хозяйственного строительства пренебрежение историческим опытом могло привести к столь же масштабным отрицательным последствиям. В этой связи возникла необходимость широкого обобщения позитивного опыта индустриального освоения Сибири, его учета и пропаганды. Вместе с тем важна критическая

«Мы едем на БАМ!»

оценка допущенных промахов. Объектом исследования по программе «Сибирь» являлась история проектирования, сооружения и развития крупных предприятий, промышленных объединений и территориально-производственных комплексов, оценка их места и роли в прогрессе производительных сил региона, связь науки с производством, влияние на окружающую среду. Особого внимания требовало изучение формирования и функционирования производственных коллективов, их адаптации к экстремальным природно-климатическим условиям, рост культурно-технического уровня, трудовой и политической активности рабочих и инженерно-технических работников, форм и методов воспитательной работы среди них.

В связи с разработкой сибирской части продовольственной программы необходимо было изучение основных закономерностей развития деревни в историческом ракурсе. Роль сельского хозяйства Сибири в общегосударственном балансе производства сельскохозяйственной продукции в различные исторические периоды была неравнозначна. Наряду с этапами возрастания роли края в производстве сельскохозяйственной продукции наблюдались и периоды уменьшения его роли в общесоюзном балансе. Поэтому в программе «Сибирь» ставилась задача исследовать совокупность социально-экономических, политических и культурных факторов, определяющих эти колебания. Такой подход позволил выявить региональную специфику проявления общих закономерностей развития сельского хозяйства, определить долгосрочные и краткосрочные, позитивные и негативные факторы, влияющие на него.

Наряду с хозяйственными и социальными проблемами освоения региона важное значение в программе «Сибирь» отводилось истории культурного строительства. Внимание исследователей фокусировалось на обобщении опыта формирования и развития системы народного образования и науки в Сибири. Изучалась динамика как самих систем, так и их кадров. Исследования проводились историками культуры совместно с представителями социологии, педагогики, науковедения и практическими работниками.

Второе направление исследований гуманитарного раздела программы «Сибирь» связано с развитием коренных народов региона в условиях интенсивного промышленного освоения. Изучались вопросы адаптации коренного населения к индустриальному труду и городу, формирования однотипной социально-профессиональной структуры, новых этнических отношений, новых ориентаций в области материальной и духовной культуры, жизненных планов. В тесной связи с социальными проблемами развития коренных народов Сибири стояли вопросы их языковой жизни: многоязычие, специфика функционирования языков аборигенов в новых условиях, их взаимодействие с русским языком.

Третье направление работ охватывало охрану и освоение культурно-исторических ландшафтов, памятников культуры и истории в условиях интенсивного промышленного и транспортного строительства. История народов Сибири насыщена событиями, которые вещественно представлены памятниками различных исторических эпох. Особое значение имеют материальные остатки древнерусской культуры, в первую очередь деревянные архитектурные сооружения. Археологами, историками, архитекторами осуществлялись крупные охранные мероприятия – раскопаны богатейшие поселения, городища, могильники различных эпох, вывезены из зон интенсивного промышленно-энергетического строительства целые архитектурные комплексы. Вместе с тем мероприятия по охране памятников истории и культуры не всегда координировались с планами промышленного освоения Сибири. В проектах сибирских ТПК охрана археологических и исторических памятников, попадающих в их зону, не всегда учитывалась. Это вело к разрушению и даже уничтожению культурных ценностей. Долг ученых – сохранить памятники прошлого нашего народа. Программа работ в этом направлении в соответствии с законом «Об охране и использовании памятников истории и культуры» предполагала интенсификацию охранных археологических раскопок, проведение широких рекогносцировочных исследований в зонах сибирских новостроек, выявление памятников, их учет и классификацию, составление историко-археологических карт по отдельным регионам Сибири. Важным мероприятием в этом плане являлось также создание ландшафтных и историко-культурных заповедников, музеев под открытым небом.

Историко-культурный заповедник «Томская писаница»

Четвертое направление гуманитарного раздела программы «Сибирь» – изучение связи фундаментальных наук с развитием

производительных сил в условиях НТР. Особое значение имело исследование закономерностей формирования фундаментальных исследований. В рамках программы разрабатывался комплекс вопросов, связанных с анализом логической структуры языка науки, в особенности естественно-научных теорий, внедрения результатов фундаментальных наук в практику.

Организация исследований по гуманитарному разделу программы «Сибирь» потребовала широкой ко-

ординации академической и вузовской науки, а также сферы социального управления. С этой целью в 1979–1980 годах был проведен ряд совещаний в Новосибирске, Томске, Тюмени, Кемерово, Красноярске, Иркутске, Улан-Удэ, на которых обсуждались вопросы теории и практики прикладных гуманитарных исследований. В феврале 1982 года совместным решением Президиума СО АН СССР, СО АМН СССР, СО ВАСХНИЛ была образована и начала функционировать Региональная межведомственная комиссия по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера. В качестве ее базовой организации определен Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Руководство исследованиями по гуманитарному разделу программы «Сибирь» осуществлял Совет координаторов. Под его руководством сформировался крупный коллектив ученых, занимающийся изучением прикладных проблем обществоведения. В него входило свыше 100 человек.

Салбыкский курган, Республика Хакасия, памятник тагарской культуры

Интенсивные и эффективные исследования велись по проблемам социального развития коренных народов Сибири в условиях промышленного освоения региона. Разработаны новые оригинальные методики. Проведено несколько крупных экспедиций, опубликованы монографии «БАМ и народы Севера», «Городское население Тувинской АССР. Опыт социального исследования», «Социальная мобильность эвенков Якутской АССР». В директивные органы представлено несколько докладных записок, в которых характеризовались состояние и перспективы развития аборигенных народов Сибири в условиях интенсивного промышленного освоения, содержались практические рекомендации по совершенствованию социально-экономических и культурно-бытовых условий в районах их расселения. Изучалась языковая ситуация у коренных народов Сибири. Накоплен и осмыслен большой фактический материал, частично опубликованный в специальных сборниках и монографиях. Лингвистические исследования подготовили хорошую базу для дальнейшей работы над учебниками и пособиями для школ, вузов и других учебных заведений с национальным контингентом обучающихся.

Крупные экспедиционные и научно-исследовательские работы выполнены в связи с охраной и освоением культурно-исторических ландшафтов. Они проводились в зонах первоочередного

*Аборигены
Сибири*

промышленного и транспортного строительства с целью спасения археологических памятников и освобождения земельных площадей для строительных площадок. Проведены раскопки в зоне строительства БАМа, ряда крупных гидроэлектростанций и оросительных систем. Они дали богатый материал по истории народов, ранее заселявших эти территории. По заданию Совета Министров РСФСР представлена докладная записка «О состоянии и мерах улучшения охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Сибири», которая получила высокую оценку при обсуждении в Правительстве. Значительная работа проведена по паспортизации древних археологических памятников в Тувинской АССР и Новосибирской области.

Важным шагом на пути разработки гуманитарных аспектов программы «Сибирь» явилась Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторический опыт хозяйственного и социально-культурного развития Сибири» (апрель 1981 г.). В работе конференции приняли активное участие ученые научно-исследовательских учреждений СО АН СССР, сибирских вузов, ведущих академических институтов гуманитарного профиля Москвы и Ленинграда, а также представители местных партийных и советских органов Сибири.

Практика показала, что задачи, поставленные в программе «Сибирь», трудно решать традиционными методами исторического анализа. Нужна организационная и методологическая перестройка. К исследованиям историков следует шире привлекать практических работников соответствующих отраслей народного хозяйства и сферы социального управления, для того чтобы острее ставить назревшие проблемы и решать их в тесной связи с нуждами той или иной отрасли, того или иного социального феномена. При этом надо иметь в виду, что историческое знание нелегко применяется на практике. Конкретные разработки, выполненные с учетом возможно большей ретроспекции, могут служить базой для подготовки фундаментальных трудов

по истории заселения и хозяйственно-культурного освоения, которые могут иметь не только общероссийское, но и международное значение, поскольку интерес к освоению экстремальных районов мира в настоящее время как никогда велик.

Постановка исторических исследований, носящих прикладной характер, требует совершенствования их методики. Наряду с традиционными способами необходимо шире применять инструментарий смежных наук: программно-целевой подход, ретроспективный и количественный анализы, социологические методы и т. д. Ретроспективный анализ, все более широко применяемый в экономической науке, близок историкам и находится на стыке между историко-экономическим и историко-метрическим подходами. Он представляет возможность оценивать сквозь призму прошлого опыта настоящее и прогнозировать будущее. Количественный анализ, активно проникающий в историческую науку из экономики, социологии и других сфер научного знания, открывает широкие горизонты для повышения результативности и точности выводов историков, что имеет принципиальное значение для прикладных гуманитарных исследований. Особый интерес в этом плане приобретают различного рода бюджетные обследования, содержащие целевую многофакторную информацию по широкому спектру социально-экономических проблем.

Успех прикладных гуманитарных исследований немислим без системного анализа. Элементы вышеназванного комплекса вопросов тесно связаны между собой и должны рассматриваться на основе системных принципов. Сочетание системности и историзма позволяет, с одной стороны, выявить закономерности соответствующих процессов, их взаимосвязь, с другой – рассмотреть специфичность выявления этих закономерностей в конкретных условиях места и времени. Практика показала, что реализация принципов системного метода наиболее приемлема в рамках программно-целевого подхода, который дает возможность интегрировать цели, ресурсы, сроки, управление и исполнение программ. Наиболее широко этот метод использовался при осуществлении крупных научно-технических проектов и планов развития производительных сил. Применим он и в гуманитарных исследованиях. Работа по программе «Сибирь» явилась важным звеном в совершенствовании как фундаментальных, так и прикладных исторических исследований.

Опираясь на опыт работы по программе «Сибирь» и в связи с приближением завершения исследований по истории классов предложил коллегам новую целевую программу «Исторический опыт освоения Сибири». Тогда руководством страны была поставлена задача в максимальной степени извлечь уроки из прошлого с тем, чтобы решения на будущее были предельно точными и ответственными, а конкретные действия – целеустремленными и эффективными.

Необходимость изучения исторического опыта освоения Сибири была продиктована ее перспективами. Еще в ходе колонизации края был накоплен большой опыт адаптации человека к суровым природно-климатическим условиям. Он был использован в советскую эпоху, но не всегда удачно. Между тем уяснение исторического опыта освоения районов с экстремальными природно-климатическими условиям представляет большой интерес не только для России, но и других северных стран. Обобщение исторического опыта освоения Сибири вызывалось интенсивным развитием производительных сил, возрастанием ее роли в едином народно-хозяйственном комплексе страны, наличием как позитивных, так и негативных сторон в освоении огромной территории, усилением внимания мировой общественности к проблемам Сибири.

В данной программе под освоением Сибири понималась история формирования и использования социального потенциала региона. Он представляет собой систему связанных между собой частных потенциалов: экономического, духовного, политического, социально-демографического. Основанием для выделения в составе социального потенциала региона отдельных компонентов является членение общественного производства на три важнейшие сферы: производство материальных благ; духовных благ, решение демографических проблем.

Социальный потенциал понятия «историческое» в каждый отдельный период имел свои характерные черты и особенности. Поэтому предметом исследования в данной программе являлись факторы, тенденции и этапы формирования развития и использования социального потенциала Сибири. Выделенный предмет исследования описывался посредством следующих характеристик: потребности развития общественного

*В. Суриков.
«Покорение
Сибири Ермаком»*

производства; деятельность, направления на развитие общественного потенциала; тенденции и этапы развития народонаселения, людских материально-технических и иных ресурсов материального и духовного производства; степень удовлетворения социальных потребностей. Были тщательно разработаны этапы, информационное и организационное обеспечение программы. В числе авторов программы значилось много людей, но наиболее существенную помощь мне оказали Е. Т. Артемов, А. А. Долголюк и В. А. Ламин.

Выдвигая программу, руководствовался двумя главными обстоятельствами. Во-первых, тем, что после завершения работы над «Историей Сибири» и историей классов коллективу была необходима новая общая масштабная тема. Во-вторых, отходили в прошлое старые теоретико-методологические установки, назревала новая, пока еще не совсем ясная перспектива, к ней требовался оригинальный подход. Мне представлялось, что вместо идеологической функции, описательного характера творчества историков им надлежит больше заниматься аналитикой, ориентировать свои исследования на нужды социальной практики.

В связи с идеологическим застоём историки нередко повторяли ошибки прошлого, сдабривая их критическими нотками в угоду наступающей «перестройке», не подозревая, как далеко она пойдёт. Стареющие руководители секторов, да и рядовые сотрудники крепко держались за свои темы, которые дали им степени и звания. Для того чтобы институт не пробуксовывал на месте, ему необходимо было свежее дыхание, движение в сторону назревших проблем страны. К этому времени все науки, даже география, перешли от описательности к аналитичности и прогностичности. Новая программа предполагала взбодрить коллектив, заставить его дерзать навстречу грядущим переменам. Мне удалось это в определенной степени сделать уже с другим коллективом – Институтом истории и археологии на Урале. А тогда в Сибири моя программа встретила глухую оппозицию с двух сторон. Первую составляли те, кто не хотел ничего менять. Вторые, которые испытывали ревность по отношению к молодому администратору. Вскоре представился случай остановить его рвение – забаллотировать на выборах в члены-корреспонденты. Знамя новации перехватил профессор Л. М. Горюшкин, но не сумел его водрузить на своем олимпе. Институт истории Сибирского отделения впал в глубокий кризис.

В этой связи, видимо, необходимо конкретизировать то роковое голосование. Вскоре после присуждения степени доктора наук академик

В. Ламин

А. П. Окладников предпринял шаги по выдвижению моей кандидатуры в члены-корреспонденты Академии наук. Это было, безусловно, рано и вызывало ревность коллег. Однако уже первые выборы показали неплохие результаты. После смерти академика об этом как-то уже и подзабыли. А с начала 1987 года компания возобновилась. Объединенным советом по гуманитарным наукам Сибирского отделения АН СССР был составлен список потенциальных кандидатов на выборы. Моя фамилия стояла первой, но с осени по мере приближения голосования началось шельмование. Профессора Л. М. Горюшкин, Н. М. Гущин, В. И. Бойко, И. И. Комогорцев и вместе с ними В. С. Познанский повели активную кампанию против. Это была грязная игра, не имеющая под собой никаких научных оснований, но она шла при явном попустительстве дирекции.

Накануне голосования я только что вернулся из Японии в простуженном состоянии. Дирекция все-таки настояла, чтобы с температурой 40° лично присутствовал на Ученом совете. Голова шла кругом, не понимал, что происходит. Никаких критических замечаний не последовало, но моя кандидатура была провалена. Познанский и Комогорцев добились раздела моей трехкомнатной квартиры в свою пользу. Напрашивалась прямая аналогия со сталинским 1937 годом, а в реальности это было сведение личных счетов в рамках горбачевской кадровой революции.

Под ее разлагающим влиянием начались столкновения в научных коллективах. Бывшие партийные ортодоксы становились отчаянными критиками советской системы. Секретарь партийного бюро Отдела истории советского общества Ирина Павлова на глазах всего коллектива превратилась из строгого партийного функционера в яркого оппозиционера. Позднее досталось и мне. Не разобравшись в сущности моей концепции сталинской догоняющей модернизации, она опубликовала разгромную статью, в которой заявила, что В. В. Алексеев «звет нас назад – к Сталину». Такое заявление мог сделать только человек, ничего не понимающий в современной историографии. Впрочем, удивляться не приходится, госпожа Павлова, переехав в Соединенные Штаты Америки, пишет там о России не лучшее. Все это навевало тяжелые раздумья о пройденной половине жизненного пути, четвертьвековой работе в Сибирском академгородке, вопиющей несправедливости наступающей «перестройки» в стране. Вспомнился Данте: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины».

Между тем наступал рассвет. Первый луч света прорезался для меня не с Востока, как обычно, а с Запада. Позвонила Наталья Борисовна Гаврилова, референт академика Геннадия Андреевича Месяца, создававшего Уральское отделение АН СССР, и предложила с ним встретиться. Я считал себя ветераном Си-

бирского отделения и поначалу не реагировал на предложение. В январе 1988 года последовало приглашение от самого Г. А. Месяца срочно приехать в Свердловск.

Прибыв и войдя в его кабинет, заметил на столе стопку своих книг. Состоялся предельно краткий разговор. Из него мне запомнилась одна фраза: «Чего Вы раздумываете, мало кому выпадала счастливая возможность быть основателем академического института, соглашайтесь». Не успел одуматься, как он позвонил секретарю обкома КПСС и сообщил, что вопрос о назначении директора-организатора Института истории и археологии решен. Вскоре был единогласно избран на эту должность.

А новосибирские интриганы плохо кончили. И. И. Комогорцев был уволен из Института, Л. М. Горюшин и Н. М. Познанский тоже покинули его. Позднее В. И. Бойко с грустью в голосе говорил мне: «Нехорошо тогда получилось. Я тоже жертва подобной ситуации, всего один день был академиком». Действительно, Отделение философии и права избрало его, а Общее собрание РАН забаллотировало.

Много лет спустя, прочитав книгу проф. В. Л. Соскина «Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории», осознал всю глубину и трагичность расхождений с коллегами середины 1980-х годов. Я исходил из того, что историческая наука XXI века наряду с получением исторических знаний должна разрабатывать инструментарий извлечения практических уроков исторического опыта, что не одно и то же. Он же пишет о том, что тогда стояла задача пересмотра устаревших позиций в интерпретации советского прошлого. Это было очевидно для всех. Полностью соглашаясь с ним, я шел дальше, стремясь сделать историческую науку более полезной современному обществу. Такая задача в широком плане до сих пор не решена, но мне со своими сторонниками на другой, уральской базе, удалось кое-чего достигнуть на этом поприще, что помогло новому молодому коллективу историков не только внести свой вклад в совершенствование методов исторических исследований, но и обеспечить условия для выживаемости нашего коллектива в труднейшей ситуации 1990-х годов.

*Г. Месяц,
Председатель
Уральского отде-
ления АН СССР*

*В. Алексеев, заме-
ститель директо-
ра по научной ра-
боте института
истории, филоло-
гии и философии
СО АН СССР*

РАЗВИТОЙ ИЛИ ЗАСТОЙНЫЙ СОЦИАЛИЗМ?

Работая по программе «Сибирь», приходилось неоднократно сталкиваться с трудными вопросами, на которые тогда не было ответа. Понимание пришло позднее с теоретическим осмыслением постсталинской эпохи и получением доступа к необходимым документам, прежде всего, к материалам Архива Президента РФ о советском атомном проекте, которые касались более широких аспектов, чем сам проект. К тому же ушли в прошлое догматические оценки советской действительности, но возникли новые проблемы, в частности с социализмом: развитой он или застойный? Попытаемся в этом разобраться, используя опять-таки концепцию модернизации.

Постсталинская эпоха была в значительной мере продолжением глубинных основ сталинской политики – строительства социализма, теперь уже не в отдельно взятой стране, а в группе стран. Фактически же это было продолжение модернизации, диктовавшейся обострением конкуренции со стороны англосаксонского блока. В итоге постсталинизм оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, были многочисленные попытки отойти от его жесткой системы, а с другой стороны, ее основы все-таки оставались, и страна в определенной степени жила по нему. Никакие попытки объявить ускоренное продвижение к коммунизму, а после его провала – к развитому социализму не меняли сути дела, хотя атмосфера в государстве продвигалась в сторону смягчения, а затем деградации советского режима. Такая последовательность не привела ни к современной демократии, ни к социализму, а снизила их притягательность, способствовала застою, снижению темпов модернизации, новому этапу отставания от передовых держав.

Г. Маленков

Относительно быстрое послевоенное восстановление экономики страны открывало возможность поступательного движения к новому этапу модернизации, связанному с научно-технической революцией, но начавшаяся холодная война и атомное противостояние социалистического и капиталистического блоков сводили модернизацию преимущественно к созданию военно-промышленного комплекса. Перелистывая документы второй половины 50-х годов с грифом «совершенно секретно» в комиссии по рассекретиванию Советского атомного проекта, без конца наткнулся на ужасающие трудности в его создании. Даже отпуск строительных материалов, питания, одежды, предметов быта и гигиены,

в том числе кирзовых сапог и мыла для атомных объектов, подписывал лично Сталин. Только познакомившись с материалами такого рода можно до конца понять, в каком положении тогда находилась страна. Донесения дипломатов и разведчиков показывали, какие страшные удары готовились нанести Советскому Союзу его противники.

Задачи нового этапа модернизации и экстенсивный характер экономики требовали огромных средств, что вынуждало продолжать перекачку ресурсов из деревни в город. Налоги на крестьянство росли, материальное положение населения сел и городов ухудшалось. В острейшую проблему превратилась нехватка жилья. Фактический возврат к модели 30-х годов вызвал значительные экономические потрясения и напряженность в обществе.

Видимо, это обстоятельство вскоре после смерти Сталина заставило его преемника Г. М. Маленкова предложить новый курс – развитие легкой промышленности, производства товаров народного потребления, сокращение производства средств производства, что вызвало в массовом сознании населения высокую оценку политики нового премьера. Мне вспоминается, как горячо обсуждался этот курс у нас в Могоче, какие радостные ожидания он вызвал. Однако Маленков был обвинен в «дешевой популярности» среди народа и в феврале 1955 года смещен со своего поста, хотя официально это объяснялось его личной просьбой.

В дальнейшем курс на преимущественное развитие средств производства был возобновлен. На их долю к концу 50-х годов приходилось три четверти общего объема промышленной продукции страны. Это имело как положительные, так и отрицательные последствия. Более того, Хрущев, заняв место Маленкова, объявил гигантский скачок к коммунизму. В 1959 году в докладе на внеочередном XXI съезде КПСС он заявил: «Социализм одержал в нашей стране полную и окончательную победу. Советский Союз вступил в период развернутого строительства коммунистического общества»¹.

О каком коммунизме могла идти речь, когда страна пребывала в жесточайшем противостоянии с капиталистическим миром, и основные ее ресурсы были направлены на поддержку суверенитета. Она не могла на том этапе создать для коммунизма достаточной материально-технической базы, хотя бы потому что не завершила свою модернизацию, а производительность труда в ней катастрофически отставала от передовых держав капиталистического мира. Уровень благосостояния населения не соответствовал удовлетворению коммунистического принципа «от каждого по способности, каждому по потребности», не

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 7. С. 373, 387.

Передовица газеты «Уральский рабочий» о выступлении Н. Хрущева в Свердловске 2 марта 1961 года

говоря уже о том, что он был значительно ниже, чем в основных капиталистических державах того времени. Остается только удивляться, как люди верили тогда в коммунистическую «мечту», по крайней мере широко не протестовали против нее. Это было крайнее проявление идеологизированной политики и произвола правящей личности, что в иных формах проявлялось и дальше.

На следующий 1960 год в заявлении Международного совещания коммунистических и рабочих партий появилось понятие «развитого социалистического общества»¹, но не было указано, к какой стране оно относится. В 1967 году в докладе на юбилейном заседании в честь 50-летия Октября Л. И. Брежнев применил его к СССР, сказав, что в нашей стране построено развитое социалистическое общество². XXIV (1971 год) и XXV (1976 год) съезды КПСС разработали цельную концепцию развитого социализма. Она оставалась основной в политике КПСС вплоть до ее роспуска и распада СССР. Возникает вопрос: почему почти через десяток лет после объявления партийным съездом полной и окончательной победы социализма в СССР и переходе к развернутому строительству коммунизма произошел возврат к социализму в новом исполнении? Видимо потому, что стала очевидна невозможность построения коммунизма к 1980 году, как было объявлено раньше.

Развитому социализму посвящена огромная литература историков, экономистов, социологов, политологов, которые пи-

¹ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961. С. 46.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1970. Т. 2. С. 92.

шут о его выдающихся достижениях. Появилась даже специальная серия литературы «Реальный социализм»¹. Выходит, предшествующий социализм был нереальным? Через 10 лет вдруг выясняется, что это не развитой, а застойный социализм². В чем тут дело? На мой взгляд, проходило идеологическое забегание вперед реальных дел, переоценка достижений социализма и недооценка других, более общих теорий социального развития. Попробуем посмотреть на эту проблему сквозь призму концепции модернизации. Из нее следует, что модернизация – процесс всеобъемлющий и длительный. В нашем случае речь должна пойти о постсталинском периоде, когда в политике, экономике, социальном и культурном развитии государства происходили определенные изменения, которые в принципе не меняли основных констант модернизационного процесса и позволяли сравнивать его прохождение в разных обществах.

Решать крупные задачи нового этапа советской модернизации было так же тяжело, как и преодолевать экономическую отсталость в ходе довоенной модернизации, тем более в рамках прежней мобилизационной модели и уменьшения ресурсов доверия к существующему режиму. Пришлось корректировать соотношение между накоплением и потреблением, между городом и деревней, переходить от трудоемких к трудосберегающим технологиям. При этом в условиях острого дефицита финансовых ресурсов надо было совместить несовместимое – огромные затраты на оборону и подъем жизненного уровня населения.

Экономический рост, хотя и замедлился по сравнению с довоенными годами, оставался устойчивым и динамичным. Его темпы в 1950–60-х годах составляли 7–10% за год, заметно превышая соответствующие показатели большинства развитых стран Запада. По утверждению Г. Ханина, автора нашумевшей в свое время статьи «Лукавая цифра», в 1950-е годы советская экономика переживала подлинный расцвет. За счет роста производительности труда обеспечивалось 80% прироста ВВП, что было значительно выше, чем в Великобритании и США. По потреблению основных продуктов питания и продолжительности

*Л. Брежнев
с пионерами
в Артеке*

¹ См.: подробнее: Актуальные проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1984.

² На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990; Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991.

*Ю. Гагарин –
первый космонавт*

жизни населения СССР достиг уровня развитых стран мира. Расходы бюджета на просвещение и здравоохранение за эти годы выросли вдвое. В военном, научном и экономическом отношении СССР стал супердержавой, уступавшей только США¹.

Послевоенная модернизация сохранила культ тяжелой промышленности, в структуре которой преобладали добывающие отрасли. Вместе с тем эти годы отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Беспрецедентные мировые достижения были получены в области атомной энергии, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. СССР стал одной из двух стран мира (наряду с США),

способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадияльное отставание России от передовых индустриально развитых стран. В 1960 году доля СССР в мировом промышленном производстве достигала 20%. Он входил в число мировых индустриальных гигантов, занимая передовые места по многим показателям. Если в 50–70 годах СССР догнал наиболее развитые страны Запада по объему выпуска промышленной продукции и отставал по ее производству на душу населения, то к началу 80-х годов среднедушевые показатели по многим видам продукции достигли уровня Англии, США, Японии, Франции, а некоторые и превзошли².

Такие успехи объясняются довоенным импульсом «большого скачка» в индустриальном развитии, новыми задачами, вставшими перед страной в условиях послевоенного мира, накопленным опытом промышленного строительства, возросшим уровнем развития науки и техники, энтузиазмом народа, победившего в кровавой схватке с фашизмом. Все это имело судьбоносное значение на поприще холодной войны, обеспечения безопасности Отечества и перехода державы к завершению позднеиндустриальной модернизации.

Вместе с тем страна трудно вписывалась в тогдашние реалии мирового развития. Западные государства вступили в новый этап модернизации, связанный с научно-технической революцией. Они подняли роль государства в модернизационном про-

¹ Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль XXI в. 2002. № 5. С. 74–78.

² Народное хозяйство СССР. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1982. С. 100–103.

цессе, что роднило их с СССР, но там, как и ранее, важнейшее значение играла модернизация «снизу» – свободная конкуренция многочисленных фирм и индивидуумов, которая в новых условиях сильно катализировала технический прогресс, связанный с достижениями отдельных ученых, инженеров, менеджеров.

Вместо возрастающей потребности в индивидуализации труда Н. Хрущев поставил во главу угла коммунистическую общинность и заявил, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Началось движение за коммунистическое отношение к труду и быту вместо переключения внимания на судьбоносную значимость НТР для отечественной модернизации.

Последующие советские руководители пытались преодолеть подобные отклонения, перейти к повышению заинтересованности предприятий и их коллективов в совершенствовании производственных процессов и результативности своего труда, но не решились далеко пойти в этом вопросе, опасаясь за стабильность своего положения. Они не вставали на путь расширения взаимодействия с Западом по использованию его опыта. В результате к началу 80-х в промышленности автоматизированными и комплексно механизированными считались только 10–15% предприятий. Трудом научно-индустриального

Братская ГЭС

типа занималось менее 10–15% промышленных рабочих. Тогда же 35–40% рабочих промышленности, 55–60% в строительстве, 70–75% в сельском хозяйстве работали вручную¹. Особенно катастрофичным было отставание по использованию электронно-вычислительной техники, что грозило новым стадийным отставанием.

Если на попроще индустриального развития имелись успехи, то совсем плохо выглядела вторая сторона модернизации – аграрная. После окончания Отечественной войны и до середины 50-х годов урожай зерна был ниже уровня 1913 года, производство мяса едва превышало дореволюционные показатели, тогда как численность населения в городах выросла на 40 миллионов человек. На уровне 1958 года 53% прироста мяса, 35–38% картофеля, овощей, молока, 87% яиц в стране обеспечивали личные подсобные хозяйства². Это свидетельствует о том, что в аграрном отношении страна недалеко ушла от традиционного общества. В 80-х годах доля занятых в сельском хозяйстве СССР достигала 20%, тогда как в США только 3%. Между тем удельный вес сельского хозяйства в валовом национальном продукте СССР составлял 2%, а в США – 17%. Такая ситуация была порождена разорением российской деревни индустриализацией и опустошением коллективизацией. Село неуклонно деградировало, что практически на нет сводило успехи модернизационного перехода.

Апогей наступил в середине 80-х годов, когда закупки хлеба внутри страны составили лишь 56 млн т, тогда как его поставка из-за рубежа достигла 44 млн т³. О какой продовольственной безопасности в таком случае могла идти речь? Опасаясь хлебных бунтов, советское правительство установило фиксированные цены на хлеб и тратило огромные валютные ресурсы на обеспечение бесперебойного снабжения

продуктами питания городского населения. За 1974–1984 годы только нефти и нефтепродуктов было отправлено за границу на 176 млрд долларов. Кроме того, ежегодно продавалось не менее 200 т золота. После

*Атомный ледокол
«Ленин»*

¹ Гордон Л. А., Назимова А. К. Рабочий класс СССР. Тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985. С. 124, 199–210.

² Судьба реформ и реформаторов в России. М., 1999. С. 298–299.

³ Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 693.

того как администрация Рейгана добилась резкого понижения мировых цен на нефть и золото, Советский Союз оказался в очень тяжелом положении. Пришлось брать хлеб в кредит. В результате страна попала не только в должники, но и в заложники западного капитала. Вследствие растущей финансовой зависимости руководство страны вынуждено было идти на

постоянные политические уступки Западу, что в конце концов привело к гибели Советского Союза. Конечно, здесь были и другие причины, но эта стала одной из главных.

Под влиянием модернизации происходили значительные изменения в социально-демографической сфере. В 1960 году произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР. К концу века по сравнению с его началом доля населения занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%. Произошел скачок в качестве жизни. За 1950–60-е годы среднедушевое потребление товаров возросло почти в три раза и достигло уровня, сопоставимого со стандартами среднеразвитых стран мира. Принципиально изменился рацион питания.

Если в ходе довоенной модернизации при четырехкратном росте объемов промышленной продукции на душу населения производство мяса и молока снизилось соответственно на 24% и на 14%, а калорийность питания оказалась ниже уровня 1913 года, не обеспечивая медицинских норм, то за 1950–60-е годы душевое потребление качественных видов продовольствия (мясо, молоко, рыба) возросло почти вдвое, достигнув устойчивого обеспечения физиологических потребностей человека.

Развертывание массового жилищного строительства позволило снизить критическую остроту жилищной проблемы. Городское население в основном переместилось из подвалов и бараков в индивидуальные квартиры. Число людей, получивших новое жилье в 1951–1960-е годы, составило 84,6 млн чел. (41%) населения, в 1966–1970-е годы. – 109,5 млн чел. (46%)¹.

Улучшение питания, жилищных условий, медицинского обслуживания привело к резкому повышению продолжительности жизни. В 1950-е годы она увеличивалась в среднем на один год за год и к началу 1960-х достигла 70 лет, что

¹ Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия. XXI век. 2000. № 2. С. 30–31.

Массовая жилая застройка, 1960-е годы («хрущевки»)

соответствовало уровню высокоразвитых стран, тогда как в начале века составляла 32 года. Советская модель благосостояния в эти годы ориентировалась на обеспечение первичных потребностей населения при невысоком уровне потребления, относительно низкую дифференциацию доходов и высокую степень охвата населения социальными услугами преимущественно за счет государства. По советским меркам это были хорошие показатели, но они сильно уступали ведущим западным странам, которые завершили свою модернизацию значительно раньше.

Однако обольщаться этими безусловно впечатляющими результатами не приходится. Оставалось множество нерешенных проблем народного благосостояния. Хотя по сравнению с 30-ми годами уровню жизни населения уделялось все больше внимания, он все-таки оставался невысоким. В СССР только 6–8% производственных фондов работало на «товары народного потребления», отсюда всеохватывающий товарный дефицит. По оценке А. Г. Вишневого, в послевоенный период среднегодовые темпы роста реальных доходов населения неуклонно падали: 6,5% – пятидесятые годы, 4,7% – в шестидесятые, 3,4% – во второй половине семидесятых, 1,85% – в первой половине восьмидесятых¹. С этими показателями трудно спорить, но видимо необходимо учитывать большую разницу между абсолютными цифрами 50-х и 80-х годов, в контексте неизмеримо выросшего ВВП страны и конкретного наполнения этих процентов.

Постепенно, начиная со второй половины 1950-х годов, в экономике СССР стали нарастать трудности, связанные с демонстрацией командной системы и непомерным ростом военных расходов, что трансформировало советскую модель модернизации.

¹ Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 69.

Более того, в мире начинался переход к постиндустриальному обществу, а советские лидеры не учли этого, сохранили старую структуру экономики. С начала 70-х годов отмечалось падение ее основных показателей. Темпы прироста национального дохода за три последние советские пятилетки снизились более чем вдвое. Если прирост продукции промышленности в восьмой пятилетке достигал 8,5%, то в одиннадцатой только 3,7%. Среднегодовые темпы роста производительности труда снизились более чем вдвое¹. В 1983 году производительность труда в СССР составила 38% от американской. Качество выпускаемой продукции перестало соответствовать мировому уровню.

Упали темпы технического прогресса. Современные машины и оборудование пришлось покупать за рубежом. С 1970 по 1985 годы их стоимость в импорте СССР выросла в 7 раз, а доля импорта в товарообороте поднялась с 9,1 до 15%. На уровне 1985 года главными статьями экспорта были топливно-энергетические ресурсы, руды, металлы, химические удобрения, лесоматериалы. Тогда в обмен на машины и хлеб уходило 20% добытых в стране нефти и газа, 14% железной и хромовой руды, 31% калийных удобрений.

Катастрофически ухудшалась экологическая ситуация в стране. На Урале накопленные в отвалах отходы горного и металлургического производства превысили 6 млрд тонн. Пораженные газодымными выбросами территории достигли около полумиллиона гектаров. Снизились запасы пресной воды. В 80-х годах 30% протяженности уральских рек были практически безжизненны. Из 18 414 рек и речек Свердловской области чистыми остались только две. В связи с бесконтрольным использованием воды Аральского моря оно почти полностью высохло.

Советский метод модернизации наряду с результативностью имел отрицательные последствия, связанные со сверхвысокими темпами, которые вели к снижению качества выполняемых работ, социальному иждивенчеству значительной части населения, бюрократизации управленческих решений. Более того, он тормозил развитие гражданского общества, вел к стагнации самого модернизационного

*Кладбище
кораблей на дне
высохшего
Аральского моря*

¹ Судьбы реформ и реформаторов в России. С. 331–332.

*Термоядерная
авиационная
бомба, 1961 год*

процесса. Негативным следствием модернизации и нарастающих трудностей СССР стал структурный перекос в сторону развития промышленности, что было обусловлено в значительной степени внешней угрозой. Во второй половине XX века она в первую очередь ассоциировалась с США и их союзниками. Историческое противостояние двух сверхдержав породило горы оружия, производство которого базировалось на достижениях модернизации и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений. Военно-промышленный комплекс (ВПК) СССР, стержнем которого было ядерное оружие и средства его доставки, в 1980-е годы использовал 20–25% валового национального продукта. Третья часть занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды. Расходы на оборону выросли с 16,2 млрд руб. в 1950 году до 51,3 млрд руб. в 1970 году (в сопоставимых ценах). Численность занятых в ВПК увеличилась с 1135 тыс. человек в 1946-м до 2850 тыс. человек в 1965 году.¹

В результате такого напряжения сил СССР удалось добиться стратегического паритета с США. Если в 1945 году США имели 6 атомных боезарядов, а СССР ни одного, то в 1978-м у СССР было 25 393, а у США 24 424 боезарядов с соответствующими средствами доставки². Паритет принципиально важен, но нужен ли он на таком высоком уровне? По всей вероятности, той и другой стороне достаточно было применить хотя бы десятую часть своих боеголовок, чтобы уничтожить все живое на планете. Гонка за лидером привела Россию к разорению.

Попытка преодоления трудностей СССР была предпринята в середине 80-х годов. Тогда стратегия перестройки предполагала ускорение социально-экономического развития страны, что требовало завершения модернизации и преодоления ускорявшегося отставания от западного мира. Программа перестройки первоначально строилась по принципу: больше социализма, больше демократии, но вскоре от социализма отказались и сосредоточились на демократии. Хуже того, политика отодвинула на задний план экономику. Между тем, по нашему глубокому убеждению, не «революции локомотивы истории» определяют прогресс общества, а своевременная смена технологического способа производства. В то время как передовые страны осваивали шестой технико-экономический уклад, СССР «застрял» на

¹ Белоусов А. Указ .соч. С. 49.

² Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.

четвертом-пятом. Советская индустрия не выдерживала западной конкуренции, преобладали отрасли сырьевой ориентации. Страна сидела на «нефтегазовой игле»¹.

Кризис Российской цивилизации на этапе позднеиндустриальной модернизации связан с общим кризисом индустриализма. Если западные державы сделали из этого своевременные выводы, то советская элита, как и предшествующая ей имперская и последующая постсоветская, преследуя свои интересы, заикливались: одни – на монархизме, другие – на социализме как антиподе капитализма, а третьи – на либерализме, не реагируя на то, что постиндустриализм есть отрицание как социализма, так и капитализма. Попытка «нового мышления» М. С. Горбачева не исправила ситуацию, а наоборот, привела к коллапсу Российской цивилизации.

Подводя итог постсталинского развития, приходится констатировать абсолютную теоретическую несостоятельность правящего режима, его непоследовательность и поспешность в оценке политической и экономической ситуации в стране. Вывод XXI съезда КПСС о полной и окончательной победе социализма в СССР оказался преждевременным. Он был демонтирован в 90-е годы XX века. Курс на развернутое строительство коммунизма не имел под собой никаких реальных оснований. Его вынуждены были заменить развитым социализмом, который позднее объявили застойным, хотя нет оснований выделять ни тот ни другой. Существовал один – постсталинский, а точнее завершающий, но не заверченный этап модернизации России.

Она перешла от имперской традиционности к советской современности. Чего в ней было больше к концу XX века, трудно сказать: традиционного, современного, советского? По всей видимости, не стоит преувеличивать ни то, ни другое, ни третье. Трагедия России в том, что она не завершила модернизацию, остановилась на перепутье эпох – традиционной и современной.

Из многовековой драмы российской модернизации необходимо извлечь два главных урока. Один объективного,

Факел Самотлора

¹ См. фактический материал этого параграфа подробнее: Алексеев В. В. Эволюция и революция в контексте российских модернизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственной-временной аспект. Екатеринбург, 2011. С. 200–243.

другой субъективного плана. Первый обуславливался неблагоприятными по сравнению с Западной Европой природно-климатическими условиями существования жителей России, затрудняющими получение необходимых накоплений для перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, а также постоянной мобилизационной готовностью для отражения иноземных вторжений при ограниченности естественных пограничных рубежей. Второй происходил от неограниченной эгоистичности правящей элиты, которая при хроническом недостатке капиталов стремилась максимально извлекать прибыль за счет трудового народа.

Дворянство пыталось возможно дольше сохранять крепостничество для получения средств, вкладываемых в новомодные прихоти личного потребления, а не в прогресс производительных сил. Молодая русская буржуазия после отмены крепостного права сконцентрировала внимание на личном обогащении путем двойного гнета производителя материальных благ, еще полностью не освободившегося от крепостнических пережитков, что привело к невиданной трагедии российской революции начала XX века. Коммунисты, пришедшие к руководству в стране в ходе этой революции, вместо преодоления тяжелого имперского наследия сосредоточились на удержании власти и распространении своей доктрины на мировое сообщество, что привело к трехчетвертьвековой конфронтации с этим сообществом и в конечном счете погубило великую державу.

Значение модернизации не стоит ни преувеличивать, ни преуменьшать. Это исторически закономерный процесс перехода к современному обществу. Он имеет как позитивные, так и негативные стороны, которые в разных странах проявляются по-разному. Итоговый баланс оценок сводится к тому, что государство, не осуществившее модернизацию, обречено на аутсайдерское существование со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ЭПОХА

**Горбачева –
Ельцина**

С середины 80-х годов XX века Россия вступила в эпоху Горбачева – Ельцина, которая характеризуется разрушением Советского Союза. Оба лидера на первый взгляд конкурировали друг с другом, но по существу делали одно общее дело. Горбачевская перестройка провалилась, приведя экономику страны к катастрофе, а Советский Союз к распаду. В его «остатках» под руководством Б. Н. Ельцина с начала 1992 года приступили к либеральным реформам. Они предусматривали переход на свободные (рыночные) цены и тарифы, отмену ограничений на заработную плату, разрешение всем предприятиям осуществлять внешнеэкономическую деятельность, приватизацию государственной собственности, привлечение в российскую экономику иностранных инвестиций. Это привело к неконтролируемому росту цен, резкому снижению уровня жизни населения и другим потрясениям. Наиболее негативно рыночные реформы сказались на индустрии, обороноспособности страны, науке, здравоохранении, всей социальной сфере. Шла бесконечная трансформация политического пространства, но это не компенсировало нерешенность неотложных проблем страны. Модернизация «снизу», как предлагал новый лидер, не состоялась и не могла состояться в условиях России, поскольку нельзя было вернуться на 500 лет назад, когда такой процесс начинался в западном мире.

Непоправимый удар либеральные реформы нанесли по обрабатывающей промышленности, техническому прогрессу, взаимодействию города и деревни, особенно малых городов и деревень, демографическим процессам, когда умирало ежегодно по миллиону человек, резко сократилась продолжительность жизни – меньше 60 лет у мужчин и немного больше у женщин. Тем самым была утрачена большая часть достижений модернизации XX века. Она фактически остановилась. Конечно, среди потерь были экономически неэффективные предприятия с устаревшей техникой, исчерпавшие себя социальные завоевания, иждивенчество государственных структур и частных граждан, другие отжившие элементы начального этапа модернизации, но эта цена оказалась неоправданно высокой и не способствующей завершению модернизационного перехода.

Особенно тяжелое положение сложилось в аграрном секторе экономики. Либеральные реформы делали ставку на фермерство, которое должно было ре-

шить проблемы сельского хозяйства, но его состояние, наоборот, ухудшилось. Валовой сбор зерна за 1993–1996 годы сократился почти в два раза, а поголовье крупного рогатого скота – в полтора раза. Ограниченность государственных инвестиций в сочетании с высокой ценой нефтепродуктов, удобрений, сельскохозяйственных машин, высокие темпы инфляции и другие беды новой экономики окончательно разорили село.

Спустя полвека в постсоветской России вспомнили призыв одного из лидеров правой оппозиции в эпоху Сталина Николая Бухарина: «Обогащайтесь». Он был воплощен в жизнь. В стране появился новый класс собственников, в руках которого оказались громадные ресурсы, созданные трудом предшествующих поколений. Львиная доля особо ценных активов досталась олигархам в их бесконтрольное, а то и паразитическое пользование, что привело к высокой напряженности в обществе. Такое положение никак не способствовало завершению модернизации, наоборот, отбросило страну далеко назад.

Триумф и трагедия модернизационной динамики России вылились в фарс после распада Советского Союза и перехода к либеральным реформам. Возобладал поспешный курс на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала страны. Ее удельный вес в мировом промышленном производстве упал с 9,1% в 1900 году до 4,4% в 2000 году.¹ Теперь трудно понять, где она находится – в доиндустриальном или постиндустриальном мире.

Эта эпоха явилась следствием эрозии советской власти в постсталинский период, когда мир ушел далеко вперед по сравнению с модернизацией первой половины XX века. Новые лидеры «топтались» на старом багаже, критиковали Сталина, а фактически шли тем же путем, не учитывая новых реалий. Требовалась перестройка, но не такая суетливая и непоследовательная, как у Горбачева. Она привела страну к крутому повороту в ее истории, поставила на грань катастрофы. Ельцинская «шоковая терапия» загнала болезнь внутрь, перевела ее в хроническую стадию, конвульсивные попытки вывести Россию из системного кризиса не увенчались успехом. Она постепенно деградировала политически, экономически, социально, культурно, ментально. Жить и работать в этих условиях стало невыносимо. Особенно трудная ситуация сложилась в науке, о чем написано немало. Не повторяясь, остановлюсь на одной курьезной детали, которая выражает суть событий. В мае 2005 года на общем собрании Российской академии наук с разгромной речью выступил министр образования и науки А. Фурсенко. Ее прервал впервые за всю историю Академии свист в зале. Свистел известный математик,

¹ Кузык Б. Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008. С. 273.

член-корреспондент Владимир Арлазаров. Что это значило: озорство или крик души ученого? Разумеется, последнее.

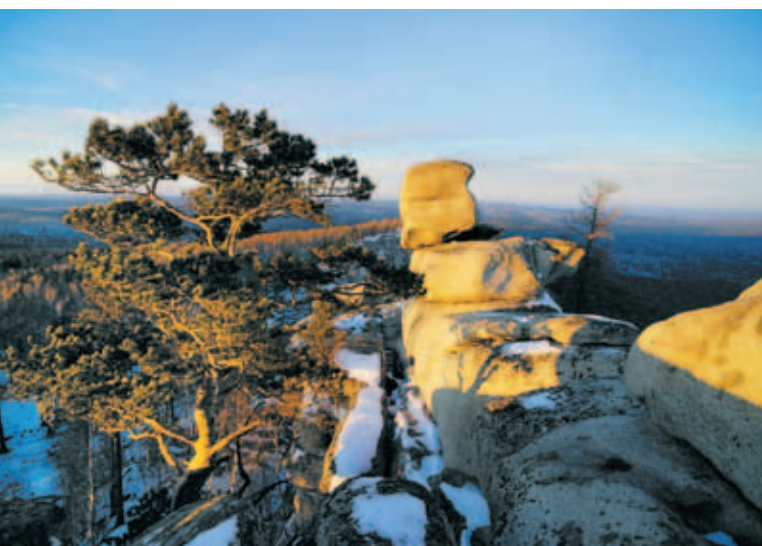
Пагубность ельцинских реформ – не только в либерализме как таковом, а в вульгарном его толковании и практическом применении в России. По крайней мере, не стоило бы сжигать мосты в ее собственное прошлое. Новая же идеология настойчиво отрицала и охаивала все достижения предшествующей эпохи. Она вычеркивала из истории весь XX век России. В данной связи в памяти невольно всплывают строки из стихотворения Анны Ахматовой:

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.*

УРАЛЬСКИЕ ВЕРШИНЫ

В это время судьба забросила меня на Урал – опорный край державы, где со времен Петра Великого ковалось оружие русской Победы. Широкое развитие получили металлургия и другие отрасли промышленности, а вместе с ними и технические знания, но вплоть до конца 80-х годов прошлого столетия отсутствовали академические институты гуманитарного профиля, хотя еще в 1944 году Свердловский обком обращался в ЦК ВКП(б) с предложением об открытии Института истории, а с 1980 года в Институте экономики существовал отдел истории. Лишь с созданием Уральского отделения АН СССР по инициативе его Председателя академика Г. А. Месяца Постановлением Президиума от 1 февраля 1988 года был учрежден Институт истории и археологии.

*Гора
Малый Шихан,
Южный Урал*

Тем же Постановлением меня назначали его директором-организатором, а вскоре единогласно избрали по конкурсу на эту должность. Так, на перепутье советской и постсоветской эпох, в трудные переходные для страны годы возникла академическая историческая наука на Урале, которая внесла весомый вклад в российскую историографию. Ее становлению и развитию посвящен первый раздел этой главы, а за ним последуют другие, рассматривающие ключевые проблемы той суровой эпохи.

Организация Института истории и археологии

Формирование Института было сопряжено с рядом как благоприятных, так и неблагоприятных факторов. С одной стороны, начавшаяся в стране перестройка, ослабление идеологических уз и активная поддержка Президиума УрО РАН открывали широкие перспективы для развития исторических исследований. С другой стороны, развал Советского Союза, материальные и финансовые трудности, отсутствие опыта организации академической гуманитарной науки на Урале и ее связей с зарубежными научными центрами, недостаток высококвалифицированных кадров, традиционная лояльность местных гуманитариев партийной номенклатурой, а затем крутой поворот многих из них в сторону крайних либеральных позиций в истолковании нашего прошлого не способствовали быстрому росту института. Кроме того, формирующаяся академическая гуманитарная наука страдала от отсутствия опыта органичных связей с вузами, которые поначалу ревностно относились к ней.

Наиболее трудным был первый год существования Института в условиях развала страны. Формировались кадры, научные направления, материально-техническая база. Первые сотрудники пришли из Отдела истории Института экономики УрО РАН во главе со своим руководителем, известным историком КПСС профессором А. В. Бакуниным. Принимались на работу недавние выпускники Уральского государственного университета, приезжали ученые из других регионов страны, прежде всего из Сибири. Крупный и, как показала жизнь, дееспособный десант высадился из Сибирского отделения АН СССР: Е. Т. Артемов, К. И. Зубков, Н. А. Миненко, И. В. Побережников, В. П. Тимошенко и др. Происходил сложный процесс адаптации ученых в новом коллективе, трудно решались проблемы их материально-бытового устройства, но взаимодействие представителей разных научных школ дало хорошие результаты, надолго определило творческий почерк института.

Лидерами основных научных направлений на первом этапе были профессора А. В. Бакунин, Н. А. Миненко (история), доцент И. Б. Васильев (археология). С историками проблема решалась относительно просто. Имелись исследователи и руководители работ с большим опытом и авторитетом. Правда, возникали трудности с некоторыми сотрудниками, которые, несмотря на свой докторский статус, не обладали достаточной креативностью,

В. В. Алексеев, директор-организатор Института истории и археологии УрО РАН

*Профессор
А. Бакунин*

но вели себя с провинциальным высокомерием. Профессор Р. Т. Толмачева, не отличавшаяся новизной подходов к аграрным проблемам, буйно вела себя на ученых советах. В результате была забаллотирована при голосовании на очередной срок. Уехав из Екатеринбурга, начала интриговать в Москве. Представляя себя советником президента Ельцина, инспирировала его письмо в Уральское отделение с требованием отстранить от руководства Институтом директора В. В. Алексева. Таким вниманием президента был «польщен», но пришлось пережить неприятности, пока председатель Уральского отделения академик Г. А. Месяц не убедился в беспочвенности требования президента. После этого интриги кончились, и коллектив спокойно работал многие годы.

Сложно решались проблемы руководства археологами. Признанного лидера в Свердловске не оказалось. Их небольшая группа в Институте повела себя странно. Через две недели после моего вступления в должность они обратились в партком Уральского отделения с жалобой о том, что археологов притесняют. Прибыл его представитель и убедился в нелепости таких претензий. Вскоре В. Д. Викторова потребовала подписать заключение на ее докторскую диссертацию. Но это нельзя было сделать без апробации работы, а специалисты необходимого уровня отсутствовали. Естественно, что ей было рекомендовано направить работу к иногородним ученым. С тех пор вопрос о защите больше не поднимался. Она так и не состоялась. У меня возникли опасения, что двойное название института может привести к его расколу. Поэтому на протяжении четверти века все усилия сводились к недопущению такого развития событий.

Руководителя отдела тогда пришлось искать на стороне. Из Куйбышева (Самары) пригласили кандидата исторических наук И. Б. Васильева. Он провел значительную работу по привлечению археологов из разных городов, но его местом жительства оставался Куйбышев, что затрудняло развитие археолого-этнографического направления. Мне представлялось, что здесь огромное поле деятельности, поскольку по Северу и особенно Югу Урала проходили крупномасштабные миграции народов, которые не могли не оставить уникальных следов. Раскопки же велись на малозначимых памятниках с локальными результатами. Позднее археологическое направление возглавил молодой исследователь кандидат исторических наук А. Ф. Шорин. Масштабы работ возросли, но все-таки не соответствовали моим ожиданиям. Подтверждение получил при осмотре археологических раскопок Помпеи (вблизи Неаполя). Большое количество экспонатов, извлеченных из-под пепла Везувия, давало богатей-

ший материал для реконструкции быта далекой эпохи, что не идет ни в какое сравнение с результатами очаговых региональных раскопок.

Формирование научных направлений в определенной мере опередило рождение Института. Такой парадокс объяснялся обязательствами, которые ранее взял на себя отдел истории Института экономики – подготовку многотомников по истории Урала, истории классов. Два тома «Истории Урала» вскоре были завершены и изданы Институтом. В них на базе предшествующей историографической традиции и богатых архивных документов обобщен процесс исторического развития региона с древнейших времен до начала XX века. С последующими томами, посвященными советскому периоду, возникли большие трудности. Третий том был подготовлен в старом ключе и не выдержал новых требований к историческим сочинениям. От его публикации пришлось отказаться. Аналогичная судьба постигла два последующих тома, которые оказались в меньшей степени готовности. Конечно, многотомник надо было завершать, но к этому не располагали ни его концептуальные основы, ни катастрофически нарастающие финансовые трудности в условиях развала Советского Союза. Еще хуже обстояло дело с «Историей рабочего класса Урала» и «Историей колхозного крестьянства Урала». Они имели незначительный задел и не отвечали требованиям времени, поэтому были исключены из планов научно-исследовательских работ.

Параллельно шло становление новых научных направлений – разрабатывалась целевая программа «Исторический опыт регионального развития. Урал и сопредельные территории». Может возникнуть вопрос, а чем же занимались историки раньше, как не обобщением того же опыта? Здесь надо видеть разницу в уровне изучения. Необходимо отличать исторический опыт от традиционного исторического знания. Имея единое объективное основание в историческом процессе, они предполагают различные подходы к его осмыслению. Если последовательно описывать всю совокупность сведений по какой-то эпохе, то получится историческое знание о ней, но из него трудно извлечь практически полезную информацию. Если же попытаться ретроспективно оценить прошлое явление, особенно его альтернативные варианты, соотнести их с последующим развитием

*Президент
АН СССР
Г. Марчук
в Институте
истории
и археологии*

и современным состоянием, то проявятся определенные закономерности, которые можно использовать как исторический опыт. Обычно историки идут первым путем, когда жизнь все настойчивее выдвигает второй.

Первостепенная потребность в изучении исторического опыта возникает, как правило, на крутых поворотах истории и в тех регионах, где он наиболее репрезентативен. Переломное время в стране, особая роль Урала с его уникальным переплетением общегосударственных закономерностей и региональных особенностей как раз и определили необходимость в разработке такой программы. Она состояла из пяти основных блоков, посвященных обобщению исторического опыта демографического развития, сферы материального производства, духовного потенциала, социальной сферы и сферы социально-политической регуляции. В особый блок выделялось информационное обеспечение программы. При этом намечалось решение следующих познавательных задач: выявление социальных потребностей развития каждой из названных сфер общественной жизни; характеристика процесса осознания потребностей, выбора целей развития, определения средств и способов их достижения; исследование деятельности по управлению развитием той или иной сферы, выявление основных тенденций и этапов, оценка эффективности управления и регулирования этих процессов.

Такая программа впервые разрабатывалась в стране. Она получила высокую оценку Отделения истории АН СССР и была положена в основу деятельности Института. В дальнейшем жизнь вносила коррективы в ее осуществление, особенно в условиях рыночных реформ, когда финансовые возможности Института оказались очень ограниченными, а соисполнители из вузов практически потеряли возможность сотрудничать с ним. И тем не менее работы, выполненные в данном ключе, имели неизменный успех как внутри страны, так и на международных форумах, в частности на X Мировом конгрессе экономической истории в Лувене

*Монреаль
(Канада)*

(Бельгия) и XVIII Мировом конгрессе исторических наук в Монреале (Канада).

Тогда в Монреале (1995 год) в моем докладе было охарактеризовано соотношение понятий «историческое знание» и «исторический опыт», впервые дано определение исторического опыта, обозначены основные его функции и уроки.

Особый интерес вызвала заявка на возможность прогнозирования с использованием исторического опыта. После завершения доклада со стола буквально были «сметены» все экземпляры препринта желающими детально познакомиться с текстом.

Исходной базой размещения Института должны были служить площади Института экономики, передаваемые ему по постановлению Президиума Уральского отделения от 1 февраля 1988 года, но оно не было выполнено, и новый Институт разместился в полуподвальном помещении на ул. Бажова. Ему было предложено отремонтировать бывший дом купца Рязанова по ул. Куйбышева, но это

старое, полуразрушенное здание, не имевшее ни центрального отопления, ни водопровода, представляло собой коммунальную квартиру и никак не могло использоваться для академического института. Начались мучительные поиски выхода из положения.

Решение было найдено к концу года, когда освобождалось здание Областного отдела народного образования по ул. Розы Люксембург, 56 (памятник архитектуры XIX века, бывший особняк Железнова). Получив официальное разрешение, начали готовиться к его занятию. Холодным утром 22 декабря у подъезда особняка выстроилась очередь претендентов. Наши 12 «декабристов» сумели прорваться в здание первыми и закрепились там. Приехал секретарь Обкома КПСС и потребовал разрешительные документы. Они были признаны правомочными. Другие конкуренты отступили. Так Институт отвоевал право на нормальные условия размещения. С тех пор пришлось отбивать не одну атаку на этот красивый дом, но мы бдительно его обороняли. Оригинальное здание, одно из лучших архитектурных сооружений Екатеринбурга XIX века, почти четверть века служило штабом академической гуманитарной науки Урала. В него приходили ученые и студенты, его рисовали художники, им восхищались российские и зарубежные гости. Здесь проводились художественные выставки, вечера музыки и поэзии, новогодние приемы Председателя Уральского отделения РАН.

В 2012 году Министерство по управлению государственным имуществом Свердловской области предписало Институту освободить здание в центре города и переехать в отдаленный район в полуразрушенное помещение. Таково нынче отношение к академической науке. Пока Президиум отделения вел переговоры

Институт истории и археологии. Ул. Розы Люксембург, 56

с руководством области, Институт перебрался в лабораторный корпус Института математики и механики на ул. Софьи Ковалевской, где после затяжного ремонта занял два этажа. К сожалению, были упущены шансы получить особняк Железнова на баланс Уральского отделения РАН.

Научно-организационная структура института постоянно совершенствовалась по мере его развития. Аппарат управления оставался минимальным: директор, его заместители по науке и по административно-хозяйственной части, ученый секретарь, старший бухгалтер, экономист и инспектор по кадрам, референт. Научные подразделения поначалу создавались по хронологическому принципу: группы археологии и этнографии (рук. к.и.н. В. Д. Викторова), периода феодализма (рук. д.и.н. А. С. Черкасова); сектора: капитализма (зав. д.и.н. Д. В. Гаврилов), переходного периода (зав. проф. А. В. Бакунин), истории сельского хозяйства и советского крестьянства (зав. проф. Р. Т. Толмачева). Позднее появились отделы: археологии и этнографии, дооктябрьского и советского периодов, истории литературы XX века (зав. д. филол. н. М. Н. Лейдерман, затем проф. Е. К. Созина). В 1994 году создан Южно-Уральский филиал (зав. д.и.н. В. С. Мошин), затем – Пермский филиал (зав. проф. А. М. Белавин).

Были попытки создания вузовско-академических лабораторий, которые бы обеспечивали интеграцию академической и вузовской гуманитарной науки. Такие лаборатории несколько лет существовали в г. Тюмени, Куйбышеве, Петропавловске (Северный Казахстан). Они способствовали привлечению к академическим исследованиям вузовских преподавателей и значительно расширили ареал научного поиска. На их базе подготовлены и опубликованы интересные монографии и сборники статей. Наиболее существенные результаты получены Куйбышевской лабораторией, которая со временем превратилась в Поволжский институт истории и археологии, работающий по принципам, заложенным при создании нашего института. Другие лаборатории не удалось сохранить в рыночных условиях, подорвавших финансовую основу этого сотрудничества: ни академия, ни вузы не смогли оплачивать дополнительных сотрудников.

С началом рыночных реформ произошла кардинальная перестройка организационных принципов научных исследований. В Институте была введена проектно-контрактная организация работ, которая предусматривала конкурс научных проектов с последующим их утверждением ученым советом на три года в качестве основных исследовательских тем и соответствующий подбор руководителями проектов исполнителей. Такая проектная группа являлась структурной единицей Института. На нее выделялись бюджетные ассигнования. Она имела право привлекать и расходовать внебюджетные (хоздоговорные) средства. Раз в три года по итогам выполнения проекта производилась аттестация его участников, с ними заключался или не заключался

контракт на следующий срок. Научно-методическое руководство проектами осуществлялось соответствующими отделами. Все это позволило актуализировать тематику исследований, повысить ответственность за их исполнение, развязать инициативу научных сотрудников, поднять их заинтересованность в результатах своего труда, что оказалось гораздо экономичней и результативней по сравнению с традиционными секторами. Такая система была внедрена институтом впервые среди гуманитарных учреждений РАН и получила одобрение Отделения истории. В последующем она несколько раз корректировалась.

При всей четкости и строгой регламентации работы Института я всегда придерживался принципа свободы творчества, что позволяло получать оптимальные результаты во всех подразделениях. В первые годы особую остроту вызывал вопрос о разумном сочетании региональных уральских особенностей и российских закономерностей исторического процесса. Мое предпочтение общеисторических закономерностей со временем разделили большинство сотрудников, и Институт вышел на высокий уровень обобщений.

Личная перегруженность административной работой в Институте и в Президиуме УрО РАН оставляла недостаточно времени для научных разработок. Приходилось ограничиваться выдвиганием свежих идей, участием в многочисленных научных конференциях, изредка выбираться в архивы и зарубежные командировки. К тому же руководство масштабными проектами требовало коллективных усилий, высокой эрудиции, внимательного отношения к участникам, что отнимало немало директорского времени, хотя приносило хорошие результаты для Института.

После рассказа об организации института, хотя это трудновато для восприятия не специалистов, необходимо сообщить о его основных научных результатах, без чего невозможно понять и оценить деятельность научного учреждения. Институт прошел два этапа. Первый охватывает 1988–1999, второй – 2000–2012 годы.

*Общее собрание
УрО РАН.
На трибуне
Президент РАН
академик
Ю. Осипов*

Научные результаты первого этапа

На первом этапе, связанном с «лихими девяностыми», преобладала проблема выживания. Разработка стратегии научного поиска проходила в условиях двух типов противоречий. Первый касался соотношения уральских и общероссийских исследований. Некоторые ученые во главе с проф. А. В. Бакуниным абсолютизировали уралистику, доводя ее до краеведения. Моя позиция сводилась к оптимальному сочетанию общероссийских закономерностей с уральской спецификой, необходимости более высокого уровня обобщения исторического материала. Второй тип противоречий состоял в борьбе формационного и цивилизационного подходов в изучении истории. Ученые осознавали отмирание формационного подхода, но не решались перейти к цивилизационному. Компромисс был достигнут на пути перехода к теории модернизации. Постепенно с моей точкой зрения согласились большинство сотрудников, и эта теория стала основой их исследований.

Модернизация, понимаемая как переход от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, является ключевой проблемой любой страны, а теория модернизации, обладающая значительным познавательным потенциалом, заняла прочные позиции в уральской историографии. Мы исходили из того, что модернизация – всеобъемлющий, многосторонний, многомерный процесс, протекающий на различных уровнях (мировом, цивилизационном, страновом, региональном, локальном, индивидуальном). При этом механизмы осуществления модернизационных преобразований на разных общественных уровнях не являются идентичными, не совпадают, действуют в соответствии с разными логиками. Поэтому опыт российских модернизаций XVIII–XX веков изучался с целью выявления закономерностей протекания модернизационных процессов на различных общественных уровнях (страновом, региональном и локальном), определения механизмов взаимодействия макро- и микропроцессов в контексте российского варианта перехода от традиционного к индустриальному обществу, оценки вклада макро- и микропроцессов в формирование российской модели модернизации.

Институт с самого начала вел широкий спектр исследований, начиная с глубокой древности и до современности. Не будучи профессионалом в области археологии и этнографии, ограничусь обзором этих направлений. Как историк сосредоточусь на оценке трудов своих коллег.

Изучение древности

Археологами и этнографами получены принципиально новые результаты в решении одной из наиболее сложных проблем – ранней истории и этногенеза индоевропейских народов, их взаимодействия с финно-угорским миром Урало-Поволжского региона. Разрабатывались крупные научно-исследовательские проекты,

*Раскопки
Павлинова
городища
(Курганская
область)*

в рамках которых проведен ряд экспедиционных и аналитических работ. Результаты исследования истории древних уюров в период их активных контактов с индоиранскими племенами степей Евразии изложены в коллективной монографии «Культура зауральских скотоводов на рубеже эр». Важнейшим достижением проекта «Арктическая культурология» было совмещение усилий археологов, этнографов и палеоэкологов в изучении генезиса коренных народов Северного Зауралья – полуострова Ямал, сравнительный анализ систем адаптации древних и традиционных обществ Ямальской тундры на фоне аналогичных процессов, протекавших в тундрах Евразии и Северной Америки.

Приоритетным направлением научной работы являлось изучение духовной культуры древних обществ Урала в контексте формирования духовных ценностей финно-угорских и индоиранских народов Северной Евразии. Разрабатывались теоретические основы анализа духовной культуры древних обществ. Серьезному изучению подвергнуты уникальные памятники первобытного искусства – наскальные рисунки палеолитического времени в Игнатьевской пещере на Южном Урале, уральские писаницы под открытым небом.

Объектом исследований Зауральской лесостепной экспедиции, проводимой на территории Курганской и юга Тюменской областей совместно со специалистами из Франции и Испании, были курганы и городища эпохи раннего железного века (сер. I тыс. до н. э.), оставленные населением угорского этнического массива в период их активных контактов с индоиранскими кочевниками степей. Эти памятники отражают начальные этапы становления предгосударственных отношений в рамках общих тенденций развития скотоводческих обществ Северной Евразии того времени. Работы Исетской, Восточноуральской и Среднеуральской экспедиций сосредоточивались на изучении археологических памятников лесной зоны Среднего Зауралья (от эпохи

мезолита до позднего железного века), отражающие разные этапы развития народов угорской ветви финно-угорской языковой семьи. Безусловной заслугой этих исследований является изучение уникальных для Северной Евразии археологических памятников в торфе, содержащие великолепные бытовые и культовые предметы из дерева и кости. Во многом пионерными в изучении древней и средневековой истории угро-самодийских народов Северной Евразии являются археологические и этнографические работы на полуострове Ямал.

Развивалось исследование памятников горнозаводского дела Урала XVII–XVIII веков. Выявлены следы и остатки русской промышленной деятельности в окрестностях г. Екатеринбурга, Алапаевска, Невьянска, где обнаружены 12 рудников, действовавших до середины XVIII века.

Исследования Средневековья и Нового времени

Историки изучали российский переход от традиционного к индустриальному обществу. Проанализированы технико-экономический потенциал промышленности и ее отдельных подструктур, промышленная политика правительства, отраслевая структура, условия и динамика развития промышленности в рамках окружающей системы; взаимодействие технического и социально-экономического развития; определены ведущие тенденции складывания социально-профессиональной структуры региона, социально-экономического и правового положения населения, занятого в индустриальном секторе экономики («Рабочий класс Урала в период капитализма (1861–1917)»; «Вопросы экономической истории горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861–1917)»; «Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы»).

Самостоятельной темой изучения стала история аграрного освоения и сельского населения восточных регионов России. При

этом много внимания уделялось определению роли различных сословных групп сельского населения в освоении Урала и Сибири, реконструкции народного опыта хозяйствования, соотношения традиций и новаций в народной агрономии. Широкое отражение в исследованиях получили вопросы социальной истории крестьянства: институтов мирской организации и самоуправления,

*Рабочие
доменного цеха
Златоустовского
завода*

социальных взаимодействий и конфликтов, демографического развития («Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма»; «Русская крестьянская община в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX века»; «Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма», «Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода»; «Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма»).

Впервые в историографии осуществлена реконструкция русской крестьянской культурной традиции на Урале. Выявлены многовариантность форм материальной и духовной жизни, устойчивые локальные особенности в хозяйственных традициях, культуре жизнеобеспечения, семейном быте, календарной обрядности уральских крестьян XVIII–XIX веков («Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв.»). Этнокультурные взаимодействия рассмотрены на фоне процесса интеграции региона в состав Российского государства («На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах»).

Широкий общественный резонанс получило обобщающее исследование истории казачества восточных регионов страны – трехтомная «История казачества Азиатской России XVI–XX века» (гл. ред. В. В. Алексеев), в которой впервые определяется место и роль казачества в присоединении и освоении восточных окраин России и в целом в истории Российского государства с XVI по XX век, представлена широкая панорама жизни и быта вольных казачьих общин, служилого казачества от его зарождения до современности, в том числе и история казачества в эмиграции. Определен огромный вклад казаков в первоначальное освоение новых земель на Востоке России, показан процесс заселения территории, ее военно-политического и экономического освоения. Должное внимание уделено роли казачества в защите российских рубежей, участию казаков Урала и Сибири во внешних войнах России XVII–XVIII веков. Широко освещаются вопросы материальной и духовной культуры, общественно-политического сознания урало-сибирского казачества. Проанализирована грамотность и письменность казаков, производственная и бытовая культура, семейная обрядность, взаимоотношения казачества и церкви.

Изучена история казачества восточных регионов в пореформенной России накануне глобальных потрясений XX века. Исследованы проекты реформ и их реализация в казачьих войсках в 60–70-х годах XIX века, изменение в связи с этим военной организации казачества, системы управления и землепользования. Дается комплексная количественная и качественная характеристика казачества – его численности и размещения, демографического и этнического состава, сословно-социальной структуры, экономического положения и хозяйственных занятий. Изучено участие казачества в войнах России второй половины

XIX – начала XX веков. Освещены культура и быт казачества, влияние революций начала XX века на общественное сознание и мировоззрение казаков. В исследовании нашла отражение история казачества в советский и постсоветский период.

Трехтомная монография получила широкий общественный резонанс. Ее заказывали современные казачьи общины южных регионов России, поступали заявки из зарубежных государств, например, из Франции. Поднимался вопрос о ее представлении на Государственную премию России, что имело хороший шанс на успех в условиях ограниченности фундаментальных трудов по истории в то время, но выдвижение не состоялось в связи с конфронтационной позицией одного из основных авторов – Н. А. Миненко.

Важное значение имели разработки взаимодействия индустриального и аграрного секторов экономики в контексте модернизации. Данная проблема изучалась в ходе совместной работы ученых Института и историков университетов Упсалы и Стокгольма (Швеция). В результате проведено широкое компаративное исследование по истории шведской и российской металлургии в рамках концепции протоиндустриализации. Итоги научных поисков нашли отражение в ряде совместных монографий и сборников статей («Iron-making Societies in Sweden and Russia. Uppsala University», «Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период», «Социальная организация железодельного производства Швеции и России в доиндустриальный период (XVI–XIX вв.)»).

Заседание участников российско-шведского проекта в Екатеринбурге

Работа со шведскими учеными шла широким фронтом. Проводились ежегодные семинары по очереди в России и Швеции. Шведская сторона была очень заинтересована в ней и оказывала постоянную поддержку, поскольку уральцы обладали огромным архивным материалом, отложившимся в многочисленных фондах государственных и частных предприятий, хранящихся в уральских и петербургских архивах.

Уральские историки в Швеции

Шведы не имели такого массива документов, потому что они не сохранились в государственных архивах страны в связи с преобладанием там мелких частных предприятий металлургической промышленности, не подчиненных государству. Итогом российско-шведского проекта стала фундаментальная монография, изданная в Оксфорде (Великобритания), – «Железоделательные общества. Раннее индустриальное развитие в Швеции и России» (рук. проекта Р. Торстендаль и В. Алексеев). Она получила большой резонанс среди зарубежных ученых, особенно на XIX Международном конгрессе исторических наук в Осло (2000 г.). Мои коллеги до сих пор с большим теплом вспоминают наши дискуссии в Стокгольме, Упсале, на шведских озерах.

В разработке проблемы «Горнозаводские центры и аграрная среда в России XVIII – первой половины XIX века: взаимодействия и противоречия» изучались факторы и формы интеграции аграрной периферии в горнозаводское производство, воздействие промышленных центров на деревню. Анализ показал, что, с одной стороны, аграрный сектор являлся существенным фактором промышленного подъема и экономического роста на Урале и Алтае, а промышленные предприятия, с другой стороны, обуславливали крупные перемены в аграрной сфере: в хозяйственном укладе, семье, общине, социально-сословном облике, культуре крестьян. При этом изменения в деревне происходили под влиянием как объективных импульсов, исходивших из промышленного сектора (повышенный спрос на труд, продукты аграрного производства, специфические услуги), так и целенаправленной политики государства (законодательство и административная практика).

Проведенные исследования позволили установить, что воздействие промышленного сектора на аграрный в целом носило противоречивый характер. Положительные стороны его усматриваются в стимулировании развития сельского производства, совершенствования агрокультуры, роста его товарности, промышленной деятельности крестьянства, сельского предпринимательства

и торговли. Тормозящая роль промышленности сказывалась в первую очередь в том, что через систему насильственной интеграции в заводское производство (приписка, использование труда крепостных) из деревни принудительно изымались значительные трудовые ресурсы, которые могли быть использованы в аграрном секторе.

Сравнительный анализ домохозяйства крестьян и постоянных заводских рабочих показал, что уже в начале XVIII века между ними существовали различия в пользу сельских жителей по обеспеченности земельными угодьями и по доле занимающихся земледелием хозяйств, упрочившиеся впоследствии. Сквозные исследования свидетельствуют, что горнозаводская промышленность не вытесняла крестьянское домохозяйство как таковое, однако оказывала вполне определенное воздействие на его отраслевую структуру.

Конкретный материал подтвердил высказанную ранее гипотезу о существенной регионально-локальной специфике воздействия заводских центров на аграрное окружение. Нашла эмпирическое подтверждение и гипотеза о значительной зависимости процессов социальной дифференциации, хозяйственной специализации и диверсификации в деревне от фактора пространства (естественно-географические условия, расстояния между заводами, рудниками, крестьянскими селениями). Основные результаты исследований по проблематике взаимодействий горнозаводских центров и аграрного окружения нашли отражение в изданиях: С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников: «Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII – первая половина XIX в.)», «Крестьяне на заводах. Урал и Западная Сибирь XVIII – первой половины XIX в.».

*«Всю мощь
промышленности —
на помощь фронту!»*

Советские сюжеты

Отдел истории XX века был сосредоточен на решении злободневных проблем прошлого столетия, прежде всего на тех, которые наиболее типичны для Уральского региона и выходят на современную социальную практику. На первом плане – индустриальные сюжеты. Процесс реализации доктринальной идеи размещения производительных сил, отождествляющей народное хозяйство с единым гигантским предприятием, на примере уральской промышленности проанализирован в монографии А. В. Бакунина и А. Э. Бедея «Уральский промышленный комплекс: развитие промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны»,

обобщен в одноименной монографии А. А. Антуфьева. На богатом фактическом материале показаны глубинные процессы, происходившие в промышленности региона в условиях экстремального состояния мобилизационного типа развития советской экономики.

Реализация проекта «Урал и промышленные регионы мира» (рук. В. В. Алексеев) была посвящена Уралу как старопромышленному району со специфическими структурами и социальными проблемами, относящими регион к типу депрессивных. Результаты исследований использовались при разработке нормативных документов по антикризисной политике Свердловской области. Пристальное внимание ученых и практиков привлекла специальная публикация участников проекта «Зарубежный опыт антидепрессивной политики», в которой проанализированы антикризисные мероприятия в США, Англии и Германии. Обобщен исторический опыт развития внешнеэкономических связей Урала в период 1917–1941 годов. В рамках данного направления были проработаны теоретические аспекты региональной внешнеэкономической политики, проанализированы механизмы взаимодействия регионального хозяйства с зарубежными странами. Основные результаты исследования опубликованы в монографии В. П. Тимошенко «Урал в мирохозяйственных связях».

Группа демографов выступила с проектом «Население Урала». В рамках этой темы была организована VIII Всероссийская конференция по исторической демографии (Екатеринбург, май 1992 г.) и опубликованы ее материалы «Историческая демография. Новые подходы, методы, источники», издан сборник статей «Население России и СССР: новые источники и методы исследования», а также монография А. И. Кузьмина «Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути». Итогом работ по проекту явилась монография «Население Урала за 100 лет (1892–1992 гг.)». В ней обобщен исторический опыт демографического перехода в крупном военно-промышленном регионе России.

Между тем на перепутье между горбачевской и ельцинской властью началась серия региональных конфликтов в разных частях страны. Возникло решение обратиться к их истокам. В Институте была организована работа по изучению региональных проблем. В процессе фундаментальных исследований по проекту «Российская геополитика и социокультурные

В. Тимошенко

*Профессор
К. Манфлиет
на приеме
у Председателя
УрО РАН*

основы уральского регионализма в XX веке» (рук. К. И. Зубков) даны новые оценки содержания национальной и региональной политики советского государства в XX веке, учитывающие взаимодействие доктринальных, геополитических и модернизационных факторов. Разработаны новые концептуальные подходы к изучению феномена регионализма в России. Результаты научных поисков были апробированы на Международной научной конференции «Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике» (февраль 1995 года).

Дальнейшие исследования в этом направлении развивались в рамках российско-бельгийского проекта «Федерализм: правовое, политическое и институциональное многообразие» (рук. В. Алексеев, К. Манфлиет). Проведено несколько совместных семинаров (в Екатеринбурге и Лувене). Опубликовано два сборника статей: «Регионализм в России. Уральский пример» (Лувен, 1996 год, на английском языке), «Институциональные аспекты регионализма в общеевропейском контексте» (Екатеринбург, 1996 год, на русском и английском языках). Названные публикации вызвали большой интерес как в России, так и в Европе. В. В. Алексеев и К. И. Зубков были приглашены к участию в подготовке капитального труда с широким международным участием «Основы теории и практики федерализма», который был опубликован на английском и русском языках (1999 год). Он получил широкий международный резонанс и был встречен с большой заинтересованностью в России, где тогда активно выстраивались федеративные отношения.

Работа в международном коллективе ученых многому научила, более того, позволила основательно познакомиться с Европой. Ежегодное месячное пребывание в Бельгии дало возможность, пользуясь Шенгенской визой, посетить Брюссель, Брюгге, Париж, Амстердам, Кельн, Бонн и другие крупные города Европы.

Каждый город запомнился чем-то особенным. В Амстердаме – крупный советологический центр, от которого после распада СССР осталась лишь богатейшая библиотека, где обнаружил свои книги. В памяти осталась яркая картина сияющих бриллиантов на черном бархате демонстрационного стола Амстердамской алмазной фабрики. А при мысли о Брюгге тотчас вспоминается аромат изысканного бельгийского шоколада, которым буквально пропитан этот старинный город.

Впечатлил визит в город Эссен (Германия), в окрестностях которого расположено

*С профессором
М. Денисевичем
в поезде Брюссель – Париж*

*В парке Боннского
университета
(Германия)*

родовое поместье знаменитых немецких промышленников Круппов с виллой Хюгель, где гостили короли, премьер-министры, банкиры, предприниматели, деятели искусства. В 270 комнатах сохранилась уникальная итальянская резьба по дереву, шестисотлетние гобелены и много других исторических реликвий. Любопытен кабинет хозяина, из окна которого хорошо просматривается уходящая вдаль дорога, позволяющая видеть издали подъезжающих сановных гостей.

Посетил храм Иова многострадального в Брюсселе, где замурованы вещественные свидетельства гибели царской семьи, вывезенные колчаковским следователем Н. А. Соколовым из Екатеринбурга. По соседству особняк графини М. Н. Апраксиной, дочери основателя храма. За чашкой чая она рассказала, с какими трудностями это было сопряжено в 30-е годы прошлого века. А потом показала альбомы, иллюстрирующие родословную семьи, восходящей к допетровским временам. Среди родственников портреты знаменитостей Российской империи. Слушая Марию Николаевну, разглядывая старые фотографии и зарисовки известных художников, понимаешь, что потеряли эти люди в связи с гибелью Императора и почему они свято хранят память о нем. Вот уж воистину, что только не разрушалось старого в России во имя созидания нового, не всегда лучшего.

Изучению взаимодействия процессов модернизации и региональной динамики посвящена книга В. В. Алексеева, Е. В. Алексеевой, М. Н. Денисевича, И. В. Побережникова «Региональное развитие в контексте модернизации» (на русском и английском языках). В ней определяются региональная составляющая в контексте модернизации, содной стороны, и детерминанты регионального развития, формируемые процессом перехода от традиционного к индустриальному обществу – с другой. Рассматривается

А. Сперанский

отражение идей регионализма и федерализма в российской интеллектуальной традиции и их воздействие на конкретный ход модернизации в России.

Итоги регионоведческих исследований института подведены в книге В. В. Алексеева «Регионализм в России», где сформулированы авторские подходы к теоретическим, конкретно-историческим, демографическим, политологическим, культурологическим, экономическим проблемам регионализма, обозначены пути их решения. Книга пользовалась большим спросом и вскоре стала библиографической редкостью.

Исследование сталинизма в отечественной историографии пополнилось работой А. В. Бакунина «История советского тоталитаризма» (Кн. 1–2). Автор вопреки своим предшествующим историко-партийным исследованиям попытался постичь сущность

этого феномена, разобраться в его природе, механизме формирования и развития, причинах внедрения в различные сферы социальной и культурной жизни.

Формирование интеллигенции Урала в контексте общественно-политической жизни 1930-х годов прослежено в монографии Г. С. Адриановой «Художественная интеллигенция Урала 30-х гг.». Работа выявила жесткую взаимосвязь в развитии творческой личности и идеологических конструкций, заложенных в основание административной системы, призванной осуществлять контроль за деятельностью творческих организаций. Первым комплексным исследованием культуры уральского региона в годы Великой Отечественной войны стала монография А. В. Сперанского «В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», в которой доказана уникальная роль Урала, ставшего не только «кузницей оружия», но и важнейшим центром, активно влиявшим на укрепление моральных сил нации.

Литературоведение

По инициативе академика Г. А. Месяца в Институте был открыт отдел истории русской литературы XX века. Тогда, на начальном этапе своей работы, у него главным был проект «Историко-литературные системы в русской культуре XX века». Он преследовал цель исследования наиболее важных проблем литературоведения, создание учебных программ и пособий для изучения русской литературы XX века. В проекте детально проанализированы такие феномены в развитии русской культуры XX века, как постмодернистская проза, символистский роман, ряд направ-

лений в русском литературном авангарде первой трети XX века.

Разработаны основные направления системных процессов в истории русской литературы прошлого столетия. Проанализированы художественные миры русской литературной классики XX века, изучен феномен постмодернистской прозы, уделено внимание поэтическому авангарду. Важнейшими итогами стали монографии Н. Л. Лейдермана «Русская литературная классика XX века», М. Н. Лейдермана «Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики», Т. А. Снигиревой «Твардовский: поэт и его эпоха».

Проблемам изучения историко-литературной системы региональной литературы в общероссийском литературном процессе была посвящена научная конференция «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности (Дергачевские чтения-96)». Анализ историко-литературных систем в русской литературе XX века в контексте мировой литературы рассматривался на конференции «New freedoms-96» (Нью-Йорк), в подготовке и проведении которой приняли участие В. Г. Месяц и М. Н. Лейдерман. В. Г. Месяцем была подготовлена к печати и издана антология «Современная американская поэзия в русских переводах».

Существенно продвинулась работа в плане аналитического освоения особенностей историко-литературной системы региональной (уральской) литературы и ее взаимодействия с общероссийским литературным процессом. Написана коллективная монография «Литература Урала», две хрестоматии по литературе Урала, учебное пособие для школьников. А. П. Комлевым сделан новый перевод «Слова о полку Игореве», в котором автор стремился максимально приблизиться к объективному отражению языковых особенностей и сложностей древнерусского памятника современными речевыми средствами.

Интеграционные и организационные проблемы

На перепутье советской и постсоветской эпох в плановой работе Института возникали неожиданные крутые повороты. Остановлюсь на некоторых из них. Не прошло и нескольких месяцев со времени основания Института, как встала «проблема Аркаима». На юге Челябинской области был обнаружен загадочный археологический памятник, но он должен был вот-вот уйти под воды Большекараганского водохранилища, которое создавалось для обводнения степных районов области. Сельскохозяйственные предприятия торопились ввести его в строй, а ученые ставили

вопрос об отказе от водохранилища и сохранении памятника большого научного значения. Требовалась компенсация крупных затрат за уже выполненные работы.

Для решения спорного вопроса Председатель Уральского отделения академик Г. А. Месяц создал специальную комиссию. Мне поручили ее возглавить. На зафрахтованном вертолете группа московских и местных ученых вылетела на Южный Урал. Нас встретили районное начальство и председатели нескольких колхозов. Прямо в поле развернулись острейшие дискуссии. Ученые настаивали на сохранении памятника, доказывали неэффективность водохранилища. Колхозники поили нас парным молоком, кормили домашним хлебом, уговаривая расстаться с памятником. Решение вопроса затягивалось. В конце концов Уральскому отделению удалось компенсировать часть затраченных средств строителям, а памятник сохранить.

Работу по его изучению возглавил доцент Челябинского университета Г. Б. Зданович при участии свердловских археологов, но она продвигалась еще труднее, чем переговоры за кружкой колхозного молока. У въезда на территорию памятника красовался аншлаг «Аркаим – родина Заратустры». Возникло множество других мифологем. Писали, что Аркаим возник за две тысячи лет до Трои, еще не было Будды, Христа, Мохаммеда, а Аркаим уже существовал, «Аркаим – великая обсерватория древности», «Аркаим – побратим Стоунхенджа», «Москва – Третий Аркаим». Зданович доказывал, что это протогород со сложной системой фортификации, специфической инфраструктурой, прообраз древней обсерватории, важный сакральный центр, что он не одинок, а представляет «Страну городов». Последнее утверждение вызвало наибольшую критику. Директор Института археологии РАН, член-корреспондент РАН Н. А. Макаров прислал на мое имя протокол заседания Ученого совета своего института от 3 июня 2005 года, где резко осуждалась профанация спорного памятника и содержалась рекомендация Уральскому

Аркаим с высоты птичьего полета

отделению РАН взять под контроль работу челябинских археологов. Позднее отредактированный вариант протокола был опубликован в журнале «Российская археология»¹.

Команда Здановича не реагировала на критику. Более того, в мае 2005 года Аркаим посетил Президент Российской Федерации В. В. Путин. Помню, как на проходящем в это время Общем собрании РАН ко мне под-

¹ Наука и паранаука в современной отечественной археологии (по следам обсуждения «Проблемы Аркаима»). Российская археология, 2007. № 2.

ходили многие ученые. Одни с поздравлениями по поводу такого высокого внимания к уральским историческим проблемам. Другие возмущались тем, что президенту предложено знакомство с очень сомнительным делом. Действительно, некоторые газеты писали о том, что на Аркаиме ищут «потерянную национальную идею», якобы восходящую к подвижнической деятельности древнего Заратустры. Между тем познакомиться с памятником ехали сотни желающих со всей страны и даже из-за рубежа. Ко мне на международной конференции в Лаксенбурге (Австрия) обратилась группа иностранцев с просьбой разъяснить, как лучше добраться до Аркаима. А там в это время всю за соответствующую плату совершались многочисленные обряды посвящения, избавления от недугов, зарядка космической энергией и прочая...

Как гром среди ясного неба прозвучала статья в одном из журналов «Аркаим – страна кард...»¹. Карды – это древние стационарные загоны для скота. Такая неожиданная интерпретация спорного памятника объяснялась нестыковкой многих деталей поселенческой архитектуры древних скотоводческих племен с их возвышенной трактовкой археологами. Автор ставил много «неудобных вопросов», в частности такие: почему в ходе раскопок извлекается предельно малое количество артефактов; чем объясняется избыточное количество колодцев (до 7 штук) в одном жилищном сегменте, когда для современной деревни достаточно двух колодцев; почему наиболее важный элемент жизни степняков – стадо содержалось за пределами охраняемой территории, что обрекало его на вырезание волчьей стаей, угон соседями; каковы материальные свидетельства принадлежности Аркаима к сакральным центрам; если это крепость, то почему для ее постройки при условии разнообразных ландшафтов выбирается самая ущербная из всех возможных стратегических позиций – низина; какую ценность должно оберегать мощное укрепление и др.

Ответ на десятки вопросов, по утверждению автора статьи, один – карды для стационарного загона скота. Это не цитадель обороны, а прекрасно организованный скотный двор. Автор перечисляет все необходимые для него атрибуты, наличествующие в Аркаиме. В итоге Аркаим – не сакральный центр исхода индоевропейской культуры, а технологический прототип современной степной фермы, блестяще решивший подачу воды для большого количества скота в степи.

Вопрос о том, кто прав – археологи, выбравшие мифологический путь решения проблемы, или архитектор, избравший технологическое объяснение, решат последующие исследования.

¹ Анисимов Н. П. Аркаим – страна кард: эмпирика пространства Зауральской среды // Академический вестник УралНИИпроект РААСН, 2009. № 2. С. 16–21.

Такие междисциплинарные исследования свыше пяти лет ведутся сотрудниками нашего института совместно с немецкими коллегами на одном из двадцати «Аркаимов» – Каменном амбаре (Ольгино). Получен важный материал, который, возможно, поможет разрешить проблему Аркаима.

Вслед за «аркаимской проблемой» встала сарматская. Меня пригласили в Президиум Уральского отделения и сообщили, что в Оренбургской области вскрыт большой Филипповский курган V–IV вв. до н. э., где обнаружены уникальные золотые изделия. Поскольку деньги на раскопки выделял Президиум, необходимо позаботиться о хранении коллекции. Встал непростой вопрос: кому принадлежит золото? Мне неизвестно, как он решался, но оно оказалось в Уфе. Это – уникальная коллекция из 26 золотых фигурок оленей, золотого кувшина и множества деревянных чащ, украшенных оригинальным орнаментом. По мнению археологов, она принадлежала одному из вождей племени Сарматов, обитавшего на юге Урала. Золото было отреставрировано и предстало во всем своем великолепии в Музее археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН. Оно экспонировалось во многих странах и оценено как научное открытие мирового значения.

В те годы неожиданные научные проблемы переплетались с политическими. Сначала на арену вышел М. Горбачев. От его перестройки много ожидали, в том числе и ученые. В апреле 1990 года он в качестве Президента СССР посетил Уральское отделение. К встрече готовились основательно. Коридоры Института физики металлов были заставлены многочисленным оборудованием. Академик Г. Месяц обратил внимание на отсутствие гуманитарных экспонатов. Мы оперативно откликнулись на его пожелание сделать экспозицию. Мне было предложено находиться у стенда и давать комментарии. Речь Президента оказалась недолгой. Народ потянулся к выходу, а ко мне подошел Предсовмина РСФСР Александр Власов, с которым мы работали в Иркутске. Коротко обменялись товарищеской информацией. Вдруг до меня донесся громкий голос Горбачева: «А где Алексеев, где директор?». Оказывается, он не стал смотреть каскады технических экспонатов, а заинтересовался нашей маленькой выставкой. Ему, конечно, назвали фамилию хозяина, а его на месте не оказалось. Ждать он не стал. Тогда мне не удалось поговорить с ним.

Это произошло позднее, в связи с двадцатилетием перестройки в СССР. В Президентском зале Российской Академии наук проходила специальная конференция. В ней участвовали активные деятели перестроечной эпохи, ученые. Было произнесено много речей. В конце пленарного заседания с необычно краткой для него речью выступил М. С. Горбачев. Он превозносил перестройку и закончил тем, что она шла в гору, но тут неожиданно упали цены на нефть, и страна не смогла справиться-

ся с валютными трудностями. Я спросил: «А разве Вас не информировали о возможности такого развития событий?». Он ответил: «Нет». В дискуссии я сослался на широко известную монографию американца П. Швейцера «Победа. Секретная стратегия администрации Р. Рейгана, ускорившая крах Советского Союза», в которой детально раскрывается подоплека названных событий. Горбачев внимательно слушал, но ни одним словом не возразил. Закончив выступление, сел рядом с ним. Мы долго разговаривали. У меня сложилось впечатление, что он действительно не был готов к роковым событиям.

Рушился Советский Союз. Борис Ельцин напористо шел к власти, сметая всех на своем пути. Шли бесконечные митинги, где проклинали советскую власть и призывали сплотиться на пути к западным ценностям. На одно из таких собраний в университете меня пригласил пойти вместе с ним Г. А. Месяц. Обсуждался широкий спектр политических проблем. Вчерашние историки партии и преподаватели научного коммунизма разносили в пух и прах историю партии, коммунизм, допуская серьезные исторические передержки. Указав на исторические неточности, я высказался за взвешенный подход к сущности российского исторического процесса, заявив, что в XX веке Россия, как и большинство стран мира, осуществляя модернизационный переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, добилась заметных успехов на этом пути, поэтому неправильно говорить о ее скатывании на обочину мировой индустриальной цивилизации. Раздались негодующие возгласы о том, что им не нужна такая академическая наука. Однако через несколько месяцев, когда кафедры истории партии и научного коммунизма прекратили свое существование, бывшие партийные крикуны пришли в Институт проситься на работу.

На Урале была мобилизована огромная армия сторонников Б. Ельцина, которая особенно активно действовала на главном направлении Екатеринбург – Москва. В городе на автомобиле с призывным плакатом на спине под гром модной западной мелодии ездил Э. Бурбулис, вдохновляя сторонников Ельцина. В качестве кандидатов на съезд народных депутатов России от Урала конкурировали два совершенно несовместимых человека – академик Месяц и безработный Кудрин. Кампания по

*Встреча
М. Горбачева
в Уральском
отделении
АН СССР*

их выборам носила беспрецедентный характер и изобиловала многочисленными скандалами, свидетелем одного из которых стал и я. В субботний день жена отправила меня за молоком в гастроном на ул. Вайнера. Он оказался закрыт, но около него толпилось множество людей. Собирался предвыборный митинг. Речи ораторов становились все жестче и громче. Запрограммированная направленность явно чувствовалась против академика Месяца. Какой-то малограмотный мужик поносил Академию, приводя для наглядности абсолютно несоответствующие действительности данные. Я попытался возразить. Толпа накинулась на меня, но мне каким-то чудом удалось укрыться за угол соседнего дома и еле-еле унести ноги. Каков же был итог этой предвыборной агитации? Месяц проиграл безработному, который так ничем и не отличился в политике. Такое могло случиться только в России.

Вскоре после этого инцидента ко мне на дачу в поселок Кашино тракторист привез телегу опилок для рыхления глинистой почвы. Мужчину как две капли воды походил на Б. Ельцина. На мой шуточный вопрос, не родственники ли они, он ответил утвердительно, при этом добавил: «Вы все восхищаетесь его решительностью и напористостью. Погодите, он еще покажет свой характер, тогда заговорите по-другому». Случилось именно так.

Через некоторое время приехал на дачу за картошкой и по привычке зашел к соседке – тете Маше. Она была тяжело больна, лежала в постели под грудой одеял в нетопленном доме. Оказывается, ее сын уехал куда-то на заработки, а она, заболев, не может добиться приезда врачей. Стала по-крестьянски грубо ругать Ельцина. Я напомнил, что она говорила раньше: «Вениамин, ты в большой науке, почему не помогаешь Ельцину проводить реформы, он же старается для всех нас, а ему мешают». От

*Б. Ельцин
на митинге перед
Белым домом,
1991 год*

моего напоминания больная заплакала, а я поехал в районный центр вызывать врачей. После долгих пререканий они приехали, но было уже поздно. Через несколько дней тетя Маша умерла. Кончилась ее наивная забота о поддержке реформ.

Пострадала не одна тетя Маша, а миллионы российского люда, который, устав от советского дефицита, доверчиво поддерживал обещания Ельцина о том, что скоро трудности перестройки экономики кончатся, а если нет, то он ляжет на рельсы. На рельсы президент не лег, а продолжал свою безответственную политику до конца 1990-х годов. Удивительно то, что его фанатично поддерживала интеллигенция. Мои московские коллеги-профессора неоднократно заверяли меня, что они будут до конца верными Ельцину. Видимо, они всех уральцев воспринимали как ельцинистов, а такие действительно были. Они старались всячески воспользоваться старыми связями с ельцинским окружением.

По стране катилась волна преступности, рейдерских захватов промышленных предприятий, громких убийств и повседневного мелкого хулиганства. В центре Екатеринбурга, в нашем дворе, где проживали несколько генералов силовых ведомств, среди бела дня расстреляли предпринимателя Вагина и его охрану. Насколько помнится, виновников так и не нашли. Еще более страшным запомнился вечер расстрела Белого дома, который по телевизору транслировала американская кампания CNN. У меня тогда в гостях находился шведский профессор Рольф Торстендаль. Стыдно было смотреть на это бездушное кровопролитие. Жена плакала, а Рольф задумчиво произнес: «В России все не так: либерализм есть, демократии – нет».

На протяжении всех 1990-х годов крупной междисциплинарной проблемой, решаемой в Институте, было изучение индустриального наследия Урала. Мой выбор темы определялся тем, что нынешний мир находится на перепутье индустриальной и постиндустриальной эпох. Индустриальная цивилизация, зародившаяся в Западной Европе почти полтысячелетия назад, приобрела глобальный, мировой характер. Созданное ею современное общество все еще является скорее живым контекстом события, нежели реликтом былой эпохи. Тем не менее динамичные перемены последних десятилетий позволяют уже сейчас оценивать классический индустриальный период как свершившийся исторический феномен и рассматривать его, подобно древним цивилизациям Востока и греко-римского мира.

Первыми эту ситуацию осознали страны передового эшелона индустриализации: Англия, Швеция, Франция, Германия. Затем к нему присоединились их ближайшие последователи – Бельгия, Голландия, Дания. Теперь очередь дошла до третьего эшелона – ранее слабо развитых в индустриальном отношении стран. Характерно, что некоторые из них, например Россия и Япония, в XX веке вышли на уровень мировых индустриальных гигантов. Поэтому принципиально важно оценить их место и до-

*Златоустовский
завод*

стижения, принять необходимые меры по сохранению национального индустриального наследия. В 1973 году создан специальный Международный комитет по сохранению индустриального наследия (ТИССИН). Им разработаны методики, по которым оберегаются, изучаются, музеефицируются и экспонируются памятники промышленности. Этой работой занимаются профессионалы разных специальностей и добровольцы. Создаются индустриальные парки, например, Айрон-Бридж в Англии, Бергслаген в Швеции, Шарле-руа в Бельгии, Эмшер-парк в Германии. Ученые СССР, увлеченные индустриализацией, не придали в свое время значения этому движению, не состояли в ТИССИН, не изучали промышленное наследие.

В августе 1990 года меня пригласили на конференцию ТИССИН в Брюссель и там избрали национальным представителем России в этой организации. Президент Конгресса известный шведский ученый Мария Ниссер предложила принять участие в товарищеском ужине, который проходил на центральной площади Брюсселя «Гранд Плас». Отправился туда вместе со своим учеником Константином Зубковым. За ужином встретились представители многих стран. Состоялся очень полезный обмен мнениями по проблемам изучения индустриального наследия, его сохранения и музеефикации. Для нас, впервые присутствующих на таком представительном мировом форуме, было очень много полезного, что дало возможность развернуть аналогичную работу в России. В конце вечера произошел курьезный случай. Ужин оказался за собственный счет. Участники стали выкладывать на стол расчет за свою долю. Мы с Костей попали в крайне тяжелое положение, так как считали его официальным, и по советской традиции того времени практически не имели при себе валюты. Выложили все что смогли, и пошли пешком на другой конец города в отведенное для нас студенческое общежитие. Так начиналось новое научное направление на Урале.

Индустриальная система, сформировавшаяся в России в ходе мирового модернизационного процесса, своеобразна. Также специфичны ее региональные варианты. Урал знаменит своей металлургией, история которой насчитывает много веков. Об огромных природных богатствах, скрытых в Рифейских (Уральских) горах, в V в. до н. э. знал древнегреческий историк, «отец истории» Геродот. В XIII веке знаменитый путешественник Плано Карпини приватно, как важную тайну, сообщил римскому папе, что Уральские горы состоят из магнитного железа.

Началом большой уральской металлургии стало строительство в крае при Петре I, в первой четверти XVIII века, группы крупных чугуноплавильных, железоделательных, медеплавильных заводов, действовавших с помощью водяных двигателей. Уже в середине XVIII века Урал превратился в грандиозный даже по мировым масштабам промышленный район, его металлургия формировалась на высокой технической базе, соответствовала уровню лучших металлургических заводов Западной Европы. В конце XVIII века здесь производилось 4/5 российского чугуна и железа, 100% меди. Благодаря созданию Уральского металлургического района в XVIII веке Россия догнала и перегнала западноевропейские страны по объемам производства, оттеснив прежнего лидера – Швецию на мировом рынке. Уральское железо экспортировалось во многие страны Западной Европы, особенно – в Англию, и даже за океан – в США, везде способствуя промышленной революции.

Урал на протяжении двух столетий – в XVIII–XIX веках, являлся главным металлургическим районом страны. В 1897 году один из уральских горнозаводчиков с полным основанием гордо заявлял: «Исторические заслуги Урала всем известны. В течение двухсот лет вся Россия пахала и жала, ковала, копала и рубила изделиями его заводов. Она носила на груди кресты из уральской меди, ездила на уральских осях, стреляла из ружей уральской стали, пекла блины на уральских сковородках, брэнчала уральскими пятаками в кармане».

Музейный комплекс «Северская домна», г. Полевской

Таким образом, Урал – один из старейших в мире очагов металлургического производства. Уральская металлургия имеет богатейшую историю. Зародившись в глубокой древности, она прошла громадный путь от первобытных плавильных ям и примитивных глиняных горнов до современных сложнейших агрегатов, металлургии высококачественных сталей и сплавов. Уральский металлургический комплекс сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии отечественной индустрии. За 300 лет на Урале построено более 300 металлургических заводов, некоторые из них действуют до сих пор. История уральской металлургии – убедительное свидетельство самобытности разнообразного промышленного наследия Урала, она помогает глубже осознать важнейшую историческую ценность сохранившихся в регионе памятников материальной культуры индустриального прошлого, имеющих огромное, не только российское, но, находясь в одном ряду со шведским Бергслagens, германским Руром, французской Лотарингией, и мировое культурное значение.

Учитывая современные, постиндустриальные, тенденции развития, перешагнув рубеж тысячелетий, мы не только можем, но и должны сфокусировать внимание на уральском промышленном регионе как уникальном объекте индустриального наследия. В широком смысле в эту дефиницию необходимо включать основные результаты индустриального развития, технологические процессы и технику, производственные и связанные с ними жилые постройки, сами поселения, транспортные сети и средства передвижения, трансформации в социальной структуре общества, его менталитете и культуре, изменения окружающей среды, одним словом – совокупность материальных и культурных следствий промышленного периода человеческой истории. Индустриальное наследие в его специальном, более узком контексте – сохранившиеся материальные остатки промышленной деятельности и быта горнозаводского населения.

Руководствуясь этими теоретическими положениями, коллектив Института приступил к работам по изучению уникального индустриального наследия Урала, где зарегистрировано свыше ста значительных памятников индустриальной культуры XVIII–XIX веков, не считая памятников более ранних эпох. По своему происхождению они относятся к разным периодам, начиная с третьего тысячелетия до новой эры. К примеру, Кургалинские медные рудники в Оренбургской области с перерывами эксплуатировались с середины третьего тысячелетия до новой эры вплоть до середины XIX века. На площади около 200 квадратных километров осталась густая сеть горных выработок. Их историческая ценность в том, что здесь одинаково полно представлены как древние, так и более поздние (особенно XVIII века) разработки. В некоторых из них хорошо сохранились ряды подземных залов и галерей. Этот объект имеет не только истори-

ко-познавательное значение, но и производственно-педагогическое, так как является великолепным полигоном для практики студентов горных институтов.

Начальный этап освоения Урала русскими обычно связывают с деятельностью промышленников Строгановых. Они оставили после себя оригинальное индустриальное и архитектурное наследие. В их родовом имении – Усолье-на-Каме сохранились часовня Спаса-Убраса второй половины XVII века, дом промышленников, построенный в 1727 году, Спасо-Преображенский собор, сооруженный в 1730–1731 годах, и другие оригинальные творения. Часть строений «ушла» на дно водохранилища Камской ГЭС, но, к счастью, сохранился уникальный комплекс деревянных построек Усть-Боровского солеваренного завода, действовавшего в течение столетий и вплоть до 70-х годов XX века.

Вторая волна освоения природных богатств Урала связана с династией Демидовых, которые вписали яркую страницу в историю не только своей Родины, но и других стран. Их деятельность развивалась уже в русле технического и культурного прогресса Западной Европы, и это дает благоприятную возможность проследить взаимодействие индустриальных культур Европы и России. На территории первой вотчины Демидовых – старого Невьянского завода сохранились памятники первой четверти XVIII века: остатки доменных печей, плотины, господского дома, широко известная Невьянская наклонная башня. Первую доменную печь на Невьянском заводе построили в 1701 году. Через несколько лет была сооружена «Царь-домна» – по тому времени одна из самых крупных в мире. Объем домны составлял 72 кубических метра, а высота – 9,3 метра. В середине XIX века доменный корпус был перестроен и сохранился до сих пор. В XVIII веке завод был крупнейшим и самым передовым в техническом отношении металлургическим предприятием как России, так и Европы. Здесь плавил лучший в мире металл, ос-

*Невьянская
башня*

*Поселение
Каменского завода*

воили великолепное чугунное художественное литье, изготавливали оригинальную медную декоративную посуду. Невьянский завод был не только крупнейшим на Урале промышленным центром, но и столицей знаменитого демидовского горного царства, превосходил по числу жителей и архитектурному облику Екатеринбург, Оренбург и другие уральские города.

Очень интересна Невьянская башня, сооруженная примерно в 1725 году и хорошо сохранившаяся. Высота башни – 57,5 метра. Она построе-

на по типу древнерусских многоярусных башен и колоколен, но вместе с тем несет характерные черты российской архитектуры конца XVIII века. Строители отмечают любопытное сочетание железочугунных балок, использованных при сооружении башни и ее купола. Применение подобных конструкций – первый опыт и в России, и в Европе. Он был повторен при сооружении куполов знаменитых соборов – Майницкого и Исаакиевского. Использовалась башня в качестве административного здания и дозорной вышки. Ее история – своеобразный памятник роду Демидовых – обросла многочисленными легендами.

В дальнейшем Урал ускорил темпы своего развития, особенно в XX веке, когда здесь прошла мощная волна советской индустриализации, были созданы уникальные оборонные предприятия. Здесь на практике была создана первая отечественная атомная бомба, сделана межконтинентальная ракета. Все это теперь стало индустриальным наследием. Отличительными особенностями памятников индустриального наследия Урала являются следующие качества: многообразие и масштабность; распространенность практически по всей обжитой территории региона; наслоение в одном и том же месте различных культурных пластов, характеризующих разные эпохи индустриальной цивилизации, причем нередко зримо переходящие друг в друга; сохранение до наших дней значительных объемов старой промышленной архитектуры и некоторых действующих раритетных технологий, а также уникальных объектов социально-бытового назначения, связанных с промышленным производством; наглядная демонстрация конвергенции западно-европейской и российской технологий, убедительное доказательство их принадлежности к единой индустриальной цивилизации европейского типа.

Изучению индустриального наследия способствует два немаловажных фактора – относительная сохранность объектов и богатая архивная база их изучения. Сохранность промышленной архитектуры, раритетных технологий объектов социально-

бытового назначения в значительной степени порождена неоднократными стагнациями индустриального развития Урала. Можно выделить две наиболее крупные из них. Первая связана с затяжным кризисом уральской экономики в XIX веке под воздействием пережитков феодализма в начале индустриальной революции. Вторая – с перекосами социалистического строительства в советскую эпоху, когда искусственно тормозилось внедрение новых технологий, выделение средств для нового строительства в области соцкультбыта, что вело к консервации отживших форм. С точки зрения технического и социального прогресса это было большим минусом, а с точки зрения сохранности исторических объектов – плюсом. Пример первого рода – сохранение едва ли не единственной в мире бессемеровской технологии на Чусовском заводе в Пермской области, на Каслинском заводе – производства художественного чугунного литья в Челябинской области. Пример второго рода – многочисленные города-заводы, сохранившиеся по всему Уралу, начиная с феодальных времен и до наших дней (Невьянск, Нижний Тагил, Алапаевск, Сысерть, Кушва, Златоуст, Кыштым и др.)

Размеры архивных фондов огромны и практически не поддаются учету. Они хранят малоизвестный клад ценнейших материалов. Задача заключается не только в том, чтобы использовать их при написании соответствующих трудов, но и в создании специального банка данных на электронных носителях для более полного и оперативного использования уникальной информации. Если обратиться к типологии этих материалов, то можно выделить чертежи и планы заводов, их оборудования, проекты отдельных цехов, мастерских, описание технологий, оборудования, последовательности операций, состава готовой продукции, рисунки, фотографии.

Наличие богатой источниковой базы позволило развернуть широкий фронт исследовательских работ. Они велись в рамках специальной программы «Индустриальное наследие». Она состояла из двух главных направлений. Первое предусматривало исследование опыта технологического взаимодействия уральской и мировой промышленности в XVIII–XIX веках. Второе напрямую связано с изучением памятников индустриальной культуры Урала. Признанием важности и результативности этой программы явилось то, что она в 1993 году получила правительственный грант Комитета фундаментальных исследований России. Продолжением данной темы явился другой научно-исследовательский проект «Индустриальная культура Урала в XVIII–XX вв.».

В ходе реализации этих проектов получены важные научные результаты,

Визит к Президенту Международного комитета по сохранению индустриального наследия Л. Бергерону (Париж, Франция)

*В Лондоне
(Англия)*

которые опубликованы в книге «Индустриальное наследие Урала», нескольких сборниках научных статей, представлены на российских и международных научных конференциях, использованы при музеефикации памятников индустриального наследия. Особое научное и организационное значение имела международная конференция «Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы» (Екатеринбург, Нижний Тагил, сентябрь 1993 года), в которой приняли участие около 30 зарубежных ученых, география участников – от США до Австралии. Конференция и знакомство с памятниками Урала произвели настолько сильное впечатление на ее участников, что американские ученые отсняли специальный фильм, показанный на очередном Конгрессе ТИССИИ в Монреале.

Большой интерес к уральскому индустриальному наследию проявляли западные специалисты. Когда на одной из конференций я рассказал об индустриальном Урале, то буквально поверг их в шок. Ведь еще недавно Урал был за семью печатями, и они почти ничего не знали о нем. В нашей работе по изучению наследия активно помогали шведский профессор Мария Ниссер, бельгийский историк Бруно де Корте и многие другие.

Результаты научных исследований докладывал на многих научных конгрессах и конференциях: в Брюсселе, Дортмунде, Мадриде, Милане, Монреале, Торонто, Лондоне, Ноттингеме, Варшаве, Гданьске, Копенгагене, Денвере, Афинах, Салониках и др. О некоторых стоит рассказать подробнее. В 1993 году на заседании Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИИ) в Копенгагене нами были представлены паспорта ряда уральских памятников индустриального наследия для включения в World Industrial Heritage List ЮНЕСКО, которые были приняты с большим удовлетворением.

Весной 1994 года состоялась серия крупных научных конференций по индустриальному наследию на американском

континенте. В Монреале (Канада), на пленарном заседании Девятой Международной научной конференции по индустриальному наследию заслушан мой доклад «Индустриальное наследие в постиндустриальном обществе», соответствующий основной тематике конференции, и он вызвал оживленное обсуждение. Принял также участие в дискуссиях на продолжающейся конференции в Торонто и Оттаве. Состоялось знакомство с памятниками индустриаль-

*На конференции
по сохранению
индустриального
наследия в Брюсселе
(Бельгия)*

*В Торонто
(Канада)*

ного наследия Канады, которые сильно уступают масштабами и уникальностью уральскому наследию. Посетил Ниагарский водопад, производящий неизгладимое впечатление, – сначала с канадской, а затем с американской стороны.

Находясь в Канаде, получил приглашение из США для участия в конференции по горной истории. Это была очень крупная, хорошо организованная конференция, которую периодически проводила американская ассоциация горной истории. Основными ее участниками были не столько историки, сколько горные инженеры. Россия никогда не присутствовала на таком форуме, но ее уникальная горная история интересовала всех. Мой доклад о судьбе трех уральских гор (Благодать, Высокая и Магнитная), которые к тому времени были уже скрыты, обеспечивая гражданское и военное производство в России, вызвал огромный интерес. К нему обращались как на пленарном, так и на секционных заседаниях. Было высказано пожелание шире развивать исследования по горной истории нашей страны.

В знак благодарности за успешное участие в такой престижной конференции американцы предложили мне небольшое путешествие по выбору до Нью-Йорка или Сан-Франциско, откуда можно было вылететь в Россию. Выбрал Сан-Франциско, поскольку в Нью-Йорке уже бывал. Путешествие началось в центре США и закончилось на Тихоокеанском побережье. «Амтрек» шел через Скалистые горы, его панорамные вагоны открывали захватывающие виды обрывистых скал и катящей свои воды у их подножия бурной реки.

В Сан-Франциско полюбовался знаменитым висячим мостом через пролив Золотые ворота. Мост длиной около двух километров проложен на высоте 230 м над водой. Там же, на пустынном берегу Тихого океана одиноко стоит православный храм. В небольшой православной общине состоялось обсуждение острейших проблем гибели царской семьи, которые в то время активно

дискутировались не только в российской Правительственной комиссии, но и во всех приходах русской церкви за рубежом. Атмосфера этих обсуждений принципиально отличалась от наших собраний уважением к великому прошлому России, попытками найти истину в поисках царских останков. При этом использовалось немало новых документов, неизвестных в России.

В мае 1995 года в г. Прато (Италия, в 30 км от Флоренции) состоялась большая международная конференция «Человек и лес». Ее спонсировал институт Датини, названный в честь знатного купца Франческо Датини (1335–1410), собравшего огромное количество финансовых документов своей эпохи. Осмотр города и многочисленные семинары в разных его местах дали огромный материал по проблеме взаимодействия человека и леса в разные эпохи. Была организована специальная однодневная загородная познавательная экскурсия в итальянские леса. По материалам конференции выпущен 1000-страничный том, в том числе и с нашими русскими докладами. Очень жаль, что подобные масштабные конференции о взаимодействии человека и леса не проводятся в самой лесистой стране мира – России.

Италия – страна с давними профсоюзными традициями. Из-за одной из них – майской забастовки – из Прато пришлось «бежать» раньше запланированного по билету времени. От незавидной участи застрять в чужой стране меня спас замечательный коллега – византинист и добрый друг Михаил Бибииков. Он сообщил, что вот-вот начнется забастовка железнодорожников. Выехать из Прато будет невозможно, и наши билеты на самолет в Россию пропадут. Мы быстро собрались и успели на последнюю электричку. В Риме нас на ночь приютила папская гостиница, а с раннего утра многое успели посмотреть в вечном городе: Капитолий, Ко-

*С профессором
М. Бибииковым
в Риме (Италия)*

лизей, площадь Венеции, площадь святого Петра и ряд других достопримечательностей. В памяти ожили студенческие лекции о римской истории, прочитанные профессором С. В. Шостаковичем.

В июне 1997 года в Афинах и Салониках проходила очередная конференция ТИССИН. Накануне меня избрали академиком РАН. Друзья из многих стран активно поздравляли, и лишь Президент ТИССИН Луи Бержерон прошел хмуро, ничего не сказав. Вскоре мне стало понятно, что за этим стояло. Присутствовавшая на Конгрессе министр

*В президиуме
III Международной конференции
«Индустриальное наследие»,
г. Выкса, 2004 год.
Слева направо:
академики
Б. Ананич,
А. Фурсенко,
В. Алексеев,
В. Виноградов*

культуры Свердловской области Наталья Ветрова в тесной связи с моим бывшим сотрудником Е. Логуновым, открывшим частный институт с целью «приватизировать» изучение индустриального наследия, поставили задачу провести в национальные представители России в ТИССИН своего, послушного им человека. Они сумели реализовать свою интригу. Индустриальное наследие Урала от этого, увы, не выиграло. Широкий фронт работ, практических предложений по его сохранению и изучению был свернут.

Урал уступил первенство в изучении индустриального наследия Мордовии, где под руководством члена-корреспондента РАН Н. М. Арсентьева в г. Саранске сложился инициативный коллектив исследователей, внесший значительный вклад в разработку данной проблемы на материалах центральной России. Там было проведено несколько крупных научных конференций, в том числе международных, получивших широкое признание. На одну из них я был приглашен с пленарным докладом, что оставило очень хорошее впечатление.

Изучение индустриального наследия и региональных проблем было сопряжено с частными поездками. Участвуя в Международной конференции по сохранению индустриального наследия в Мадриде, посетил Барселону – красивейший город Каталонии, куда был приглашен Каталонской Академией наук, спонсировавшей мою поездку. Неизгладимое впечатление произвела одна из самых красивых улиц мира – Рамбла. Там же познакомился с великолепным индустриальным музеем «Терраса», директор которого Эусеби Касанеллис стал позднее Президентом ТИССИН. Мы с ним крепко подружились, он бывал у меня дома в Екатеринбурге. Перед отъездом в Мадрид, купаясь в теплых, бархатных водах Средиземного моря, вдруг почувствовал холод в ногах. То было нахлынувшее воспоминание о другой купели – в могочинском Олонгро в половодье, куда мы с отцом однажды попали. Спасая меня, он так промок и простудился, что едва выжил после двустороннего воспаления легких.

*В штаб-квартире
НАТО (Брюссель)*

Знакомясь с бельгийскими государственными структурами в ходе исследований по проекту «Федерализм и регионализм», получил вместе со своими коллегами приглашение на прием в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе. Присутствовало несколько делегаций из разных стран. Генералы увлеченно говорили о миротворческом значении своей организации. Ряд выступающих поддержали их. На мой вопрос: «Зачем в таком случае суперсовременное вооружение?» ответа не последовало. Зато сильное впечатление произвел патристический пафос, царящий в зале, и способы, которыми он нагнетался.

Возвращаясь сегодня к проблеме патриотизма, нельзя не отметить, что он переживает трудные времена. Когда современная Россия превратила саму себя в «империю зла», когда министр обороны (теперь уже бывший) обвиняется в краже многих миллиардов рублей из казны государства, о каком здоровом патриотизме может идти речь? Для его

возрождения, с моей точки зрения, необходимы два условия. Первое – государственная воля к преодолению синдрома распада страны, в том числе пресечение антинациональной истерии в средствах массовой информации. Второе – консолидация общественного самосознания вокруг национальных интересов государства политическими, научными, культурными способами.

Резюмируя впечатления от зарубежных поездок, приходишь к выводу о границе двух миров – европейского и российского, что в принципе естественно, но в нынешней ситуации волей-неволей напрашивается вопрос: почему эта граница столь ощутима? Прежде всего необходимо учесть разницу климатических и исторических условий, которые задают разный уровень результатов от трудовых усилий, которых в России требуется намного больше, чем в Европе. Отсюда разница в уровне достатка и культуры, с чем требуется считаться при перенесении к нам европейских порядков. А с другой стороны, перенося европейские ценности на российскую почву, следует беречь свои, не допускать головокружения от шока западной культуры с ее нынешними изъянами.

Менее результативно продвигалась работа над «Историей атомного комплекса Урала», которую считал очень важной для постсоветского период, когда шла «архивная революция», рассекречивались документы принципиальной важности, проясняя

закрытые страницы российской истории. В феврале 1994 года подготовил записку о развертывании исследований в этой области и передал ее Председателю Комитета по делам архивов при Совете Министров РФ Р. Пихое. Прошел год, но никакой реакции на мое предложение не последовало. Наконец 17 февраля 1995 года вышел Указ Президента Б. Н. Ельцина «О подготовке и изданию официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия СССР». Через три месяца появилось распоряжение Правительства РФ об образовании рабочей группы по комплексному решению проблем ядерного оружия для изучения архивных документов и выработке предложений по их рассекречиванию во главе с первым заместителем Министра РФ по атомной энергии Л. Рябевым. Моя фамилия значилась в списке ее участников.

В Президентском архиве мне приносили совершенно секретные папки с пятью сургучными печатями, которые с 40–50-х годов никто не распечатывал. Документы поражали своей полнотой и значимостью. На них стояли подписи Сталина, Берии и многих наркомов. Они демонстрировали крайне тяжелое положение СССР в атомной гонке с США, поражали своей четкостью и ответственностью исполнителей. Проставлялись даже часы и минуты поступления и в том же порядке сроки исполненных приказов. Постепенно вырисовывалась система управления проектом сверху до низу. Технические детали меня не интересовали, да в них и не разбирался. Отбирал для рассекречивания документы социального плана. Их было много, и очень содержательных. Однако в опубликованные тома их попало минимальное количество, а мне на руки не дали ни одной страницы копий, ссылаясь на высокий уровень секретности.

Не получил материалы даже по Уралу, хотя больше половины закрытых атомных городов находилось именно там. Наш уральский проект начал сильно пробуксовывать, хотя был очень интересен и хорошо дополнял общероссийскую публикацию. Его общий замысел исходил из того, что атомный научно-производственный комплекс Урала обладал уникальным опытом решения крупнейших народнохозяйственных и военно-технических проблем. Однако особая тайна, окружавшая его деятельность, породила вакуум информации и множество слухов, легенд, далеко не всегда соответствующих действительности. В такой ситуации, естественно, трудно рассчитывать на позитивную оценку общественным мнением атомной индустрии региона, положительное восприятие современной социальной практикой уроков ее развития. Неудовлетворенным оставался и живой человеческий интерес к личностям ученых и организаторов производства, выдающемуся гражданскому подвигу всех работников отрасли.

Планируемая работа была рассчитана на массового читателя и представляла собой труд, освещающий процесс становления и развития атомного научно-производственного комплекса Урала

в широком политическом и социально-экономическом контексте всей послевоенной отечественной истории. Популярный характер работы не следовало отождествлять с упрощенно-пропагандистским или «сенсационным» подходом к исследованию. Оно должно было основываться на солидной источниковой базе, включающей документальные материалы, воспоминания и свидетельства участников атомной эпопеи в регионе. Иначе говоря, это должен был быть добротный научный труд.

Публикация не могла ограничиться анализом только политико-экономических, научно-технических, производственных, организационно-управленческих и экологических аспектов развития отрасли. В ней необходимо было показать ценностные ориентиры и нормы трудового поведения в коллективах, особенности жизни в «закрытых» городах и их отражение на психологическом климате населения, каким образом жизненные установки ученых, инженеров, рабочих и т. д. способствовали достижению поставленных научно-технических и производственных целей. Это было очень важно, поскольку позволяло внести определенный вклад в ведущуюся дискуссию о том, от какого наследства нам нужно отказаться и что целесообразно сохранить, строя новую систему экономических отношений. Объектом исследования должны были стать все предприятия отрасли, расположенные в регионе. Хронологические рамки работы распространялись на весь послевоенный период. Такой подход позволял существенно повысить актуальность исследования, попытаться с позиций прошлого опыта выйти на прогнозные оценки.

Работа планировалась вместе со специалистами Федерального ядерного центра в Снежинске. У меня установились хорошие

*Мой гость
академик
Б. Литвинов*

контакты с ними, особенно с академиком Б. Литвиновым. Борис Васильевич был уникальным человеком, в котором удивительно сочетались таланты выдающегося физика и тонкого лирика. Он – создатель трех четвертей советских атомных боеголовок и вместе с тем автор великолепных воспоминаний о создании атомного комплекса СССР, лирических эссе о природе и близких ему людей. Он часто бывал в нашем институте, выступал на исторических конференциях, наезжал ко мне домой, и мы часами обсуждали научные, а также политические проблемы, опубликовали несколько совместных статей. Этот очень влиятельный человек пытался всячески помочь мне в получении документов по истории советского атомного проекта. Мы несколько раз бывали вместе с ним у заместителя Министра по атомной энергии РФ и главного редактора многотомного издания «Атомный проект СССР. Документы и материалы» Л. Рябева, но тот под предлогом секретности всячески отказывал.

Однажды нам представился случай прорвать эту блокаду. В Снежинск на юбилей приехал министр по атомной энергии В. Михайлов. Меня тоже пригласили на праздник. Мы сидели за столом рядом с Борисом Васильевичем и сокрушались по поводу отказа в выдаче архивных материалов. Неожиданно он предложил обратиться прямо к министру и послал ведущему банкет записку с просьбой предоставить мне слово для приветствия от имени Уральского отделения РАН. Не успел одуматься, как меня пригласили к председательскому столу, в центре которого сидел министр.

Приветствуя юбиляров, заметил, что их подвижнический труд во имя Отчизны исчезает из памяти поколений. Министр поднялся и молвил: «А вы, историк, куда смотрите?». В двух словах объяснил ему, что мне для этого не дает материалы его заместитель. Он резко бросил: «Приезжайте ко мне в Москву, разберемся». Через пару дней уже был в столице, позвонил к нему в приемную. Секретарь с усмешкой заметила: «А вы думаете, он вас ждет?». Отозвался: «Конечно, соединяйте». Через минуту раздался голос министра: «Если успеете в течение часа, вас приму, обратитесь в бюро пропусков». Через час я был уже в министерстве. Секретарь смерила меня пронзительным взглядом и пропустила в кабинет.

Министр мельком прочитал обращение от имени Председателя Уральского отделения и начал проставлять против соответствующих пунктов фамилии и номера кабинетов, куда мне предстояло идти для решения своих проблем. Пройдя кабинеты и ничего не получив, в последнем возмутился: «Так ведь это же поручение министра! Почему вы его не выполняете?!» – «Он много чего поручает», – ответил чиновник. Смелая акция провалилась, я оказался на перепутье между большой советской наукой и чиновничьим чванством «новой» России. Но «атомное» противостояние на этом не кончилось.

В мае 1996 года в Дубне состоялся Первый международный симпозиум «Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы)». В нем приняли участие разработчики проекта, известные ученые-физики, видные зарубежные специалисты в данной области. Мой доклад «Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики» был вынесен на пленарное заседание и вызвал большой интерес, поскольку в нем освещались ранее малоизвестные управленческие сюжеты проекта. Поступило много вопросов, в частности, от физиков, которые решали научно-технические проблемы, но не обращали внимания на социально-политические. Вечером на приеме по случаю симпозиума ко мне подошел представитель советской научно-технической разведки В. Барковский, работавший в США во время осуществления русского проекта, высказал удивление по поводу моей осведомленности в его организации и поделился чрезвычайно интересными фактами добычи американских материалов.

Удачное выступление на симпозиуме в Дубне открыло путь к другим мероприятиям подобного рода. Получил приглашение на Второй международный симпозиум «Социально-политические и технические уроки пятидесятих годов», который состоялся 4–8 октября 1999 года в Лаксенбурге (Австрия). Он продолжил дискуссию о подлинной ядерной истории уходящего столетия и о влиянии этих событий на судьбу цивилизации. Программа симпозиума предполагала всестороннюю историческую оценку второго этапа мировой ядерной истории – пятидесятих годов, когда начался переход от военных программ к программам мирного использования атомной энергии, формировался блок держав, владеющих техническими средствами контроля за атомными испытаниями и наметились шаги к установлению международного контроля за атомным оружием.

Мой доклад «Атомный комплекс в контексте российской истории» был включен в повестку дня пленарного заседания, но начались трудности. Требовался конференционный взнос 400 долларов США – немалые деньги по тому времени. Эту проблему с большим трудом удалось преодолеть, но перед самым отлетом вдруг выяснилось, что Рябев вычеркнул меня из списка претендентов на визу в Австрию. Пришлось позвонить ему по прямому телефону и разъяснить, что он превышает свои полномочия, так как я не имею никакого отношения к его ведомству. После острой перебранки он свое вето вынужден был снять. Визу получил, но долго недоумевал, почему он препятствовал моему выезду.

Ситуация прояснилась с открытием симпозиума. Первым выступал Рябев. На экране появились те самые документы из Президентского архива на русском и английском языках, в получении которых он мне отказал якобы по причине секретности. Теперь эти «секреты» читали желающие. На следующий день,

гуляя по Вене, то и дело мысленно возвращался к докладу Рябева. Пришел к неутешительному выводу о том, как пишется наша «непредсказуемая русская история» на перепутье эпох. Между прочим, мне привелось выступить с двумя докладами. Один – свой – привлек внимание попыткой вписать ядерный проект в контекст российской истории, другой – академика Б. В. Литвинова, просившего меня в связи с его болезнью сообщить о наших разработках по особенностям формирования атомного комплекса на Урале. Подводя итог этой проблеме, вынужден констатировать, что по причине вышеназванных неурядиц «История атомного комплекса Урала» осталась ненаписанной. Надеюсь, что эта задача будет решена моими учениками.

В Вене (Австрия)

Параллельно с решением конкретных задач исторической науки завершалось формирование структуры Института. В 1991 году открылась аспирантура и докторантура. Началась стажировка ученых в зарубежных вузах, в частности в Чикагском университете. Тогда были установлены творческие контакты с его выдающимися русистами Шейлой Фицпатрик и Ричардом Хейли. Они принимали уральцев, организовывали для них знакомство с достижениями американских историков, а наши стажеры выступали с докладами на семинарах, участвовали в других университетских мероприятиях. Нас радушно встречали как представителей новой России, вставшей на демократический путь, но по мере превращения демократических реформ в фарс отношение менялось в худшую сторону. Тем не менее мы пользовались американским гостеприимством, захлеб читали в университетской библиотеке те книги, которые не достигали России.

В 1990 году был создан Ученый совет по защите докторских и кандидатских диссертаций в области исторических наук (председатель В. В. Алексеев). В его формировании пришлось преодолеть серьезные трудности, связанные с молодостью института и конкуренцией со стороны университета. Только решительная поддержка Председателя ВАКа академика Е. И. Шемякина позволила решить эту проблему. В течение одного дня он пресек все интриги вокруг нашего Совета. С тех пор Совет, не имея замечаний, неоднократно переутверждался. Совет пользуется авторитетом строгого, но доброжелательного органа. В 1994 году вышел в свет первый номер журнала «Уральский исторический вестник» (гл. ред. В. В. Алексеев), вначале как ежегодник, а позднее как ежеквартальный по списку ВАКа.

*Демидовский
лауреат*

*Серебряная
медаль лауреата
Демидовской
премии*

В феврале 1993 года у нас в Институте состоялось собрание учредителей Демидовского фонда, началось его возрождение. Фонд был создан в 1831 году представителем знаменитой уральской династии горнопромышленников Павлом Николаевичем Демидовым и предусматривал ежегодное вручение премий за выдающиеся достижения в науке. Право присуждения премий предоставлялось Академии наук «как первому ученому сословию в государстве». Они вручались с 1832 по 1865 год. Среди лауреатов были крупные российские ученые А. Х. Востоков, Н. Я. Бичурин, И. Ф. Крузенштерн, Б. С. Якоби, Н. И. Пирогов, Д. И. Менделеев и др. Возрожденная премия получила статус общенациональной неправительственной награды. Председателем Комитета по премиям был избран академик Геннадий Андреевич Месяц. Первое в современной России вручение состоялось в 1993 году. Лауреатами стали академики С. В. Вонсовский, Н. К. Кочетков, В. Л. Янин. В дальнейшем премии удостоились академики Ж. И. Алферов, Г. И. Марчук, Ю. С. Осипов, Е. М. Примаков и другие выдающиеся ученые. В 2006 году она была присуждена мне.

С самого начала существования Института стали устанавливаться связи с вузами. Его помощь оказалась востребованной вузовской наукой. Не успел освоиться в новом качестве, как ко мне обратился за поддержкой проректор Уральского университета профессор Р. Г. Пихоя. Готовя крупную конференцию по истории старопечатных книг, он пригласил большую когорту ученых из европейских стран, но город Свердловск был закрыт для ино-

странцев. Создалась неловкая ситуация. Ее неожиданно разрешили мы с Г. А. Месяцем, обратившись в КГБ и Генеральный штаб Советской армии. Нам разрешили в виде большого исключения принять к участию в конференции зарубежных коллег под ответственность Института истории и археологии. Однако, как только прибыли иностранцы, надобность в Институте отпала. Мы почувствовали себя лишними. Такое сотрудничество не предвещало ничего хорошего.

Между тем меня пригласил ректор университета Паригорий Евстафьевич Суетин и предложил возглавить кафедру истории. Подумав, согласился, поскольку для развития Института требовалась талантливая молодежь. На кафедре работали люди разной квалификации. Выделялись профессор Олег Васильевич Васьковский и его ученик доцент Владимир Дмитриевич Камынин. Начался процесс подготовки молодых кадров. Самым талантливым оказался Владимир Широков. Он владел несколькими иностранными языками и написал выдающееся дипломное сочинение. В дальнейшем под моим руководством в очень короткий срок защитил кандидатскую диссертацию и пришел на работу в Институт, однако низкая зарплата молодых сотрудников в те годы заставила его после создания семьи уйти на более высокооплачиваемую работу в областную администрацию, а оттуда уехать в Москву, где занял важное положение в большом бизнесе. Не имея возможности работать в архивах, он тем не менее не оставил творчество и написал несколько повестей. Так обрывалась в 1990-х годах научная стезя многих талантливых молодых ученых.

Совмещать работу в университете и организацию нового Института было нелегко, тем не менее пытался это делать, если бы не крайне негативное отношение декана исторического факультета В. И. Михайленко к сотрудничеству с академией. Вместе с моим учеником К. И. Зубковым, бывшим заместителем декана гуманитарного факультета Новосибирского университета, мы пытались использовать ценный опыт новосибирского Академгородка по взаимодействию высшей школы и академии, но встретили непонимание, а затем и прямой саботаж наших намерений. Начались унижительные проверки кафедры сначала на предмет выдержанности партийной линии, а затем, после того как Михайленко демонстративно сжег партийный билет члена КПСС, – по поводу восприятия либеральной идеологии.

*Губернатор
Э. Россель вручает
В. Алексеву Демидовскую премию*

Пришлось покинуть кафедру, что нанесло непоправимый вред взаимодействию Института с университетом. Проиграл прежде всего факультет, выпускники которого потеряли прямой выход на академический Институт и уходили в другие сферы. Не выиграл и Институт, вынужденный искать сотрудников на стороне, что негативно сказалось на возрастном и квалификационном составе кадров. В дальнейшем в связи с переходом университета в ранг федерального и назначением ректора В. А. Кокшарова ситуация изменилась в лучшую сторону.

Более благоприятно складывались отношения с другими вузами, особенно с Екатеринбургским педагогическим университетом, где наши ведущие ученые читали лекции, руководили дипломными работами, подбирали кандидатов для поступления в аспирантуру. Сам долгие годы сотрудничал с Южно-Уральским университетом, ректор которого Герман Платонович Вяткин уделял большое внимание гуманитарным наукам, устраивал мои публичные лекции, приглашал на научные конференции и другие мероприятия университета.

В 1994 году Институт выступил инициатором и учредителем Уральского гуманитарного института (президент – В. В. Алексеев, ректор – М. Н. Денисевич), который одним из немногих негосударственных учебных заведений взял курс на интеграцию академической науки и высшего образования. В нем тридцать специальностей, почти треть преподавателей – ведущие ученые Уральского отделения РАН. Уже по итогам первого десятилетия он был награжден «Золотой медалью – Европейское качество» в номинации «100 лучших вузов России».

Мои достижения в области российской истории, большая научно-организационная работа в этом направлении, необходимость развертывания в Уральском отделении гуманитарной науки выдвинули на повестку дня вопрос об избрании в члены Российской академии наук. Председатель отделения академик Г. А. Месяц предложил мою кандидатуру. Выборы состоялись в декабре 1990 года. Получив звание члена-корреспондента АН

*С женой
Валентиной*

СССР по отделению истории, был избран Председателем Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам Уральского отделения, а вскоре и заместителем Председателя отделения. За мной закреплялось руководство всеми гуманитарными науками, издательской деятельностью и другими вопросами нашей сферы деятельности. На перепутье советской и постсоветской эпох российская нау-

ка оказалась в чрезвычайно тяжелом положении, она буквально боролась за свое существование. Либеральные реформаторы всячески пытались уничтожить Академию наук, мотивируя это тем, что в западной рыночной экономике не существует таких структур, требовали перенести науку в вузы, не зная или забывая о том, что если наука на Западе сосредоточивалась в университетах, то в России со времен Петра Великого – в Академии. Богатые западные университеты могли позволить себе развитие крупных фундаментальных направлений, а бедные советские – нет. Главные научные результаты в СССР давала Академия наук, и ломать оправдавшую себя систему было ошибкой, если не преступлением.

И тогда, и сейчас в вину Академии наук вменяется недостаточная цитируемость ее достижений на Западе. Возникает естественный вопрос: что нужно власти – формальное паблисити или реальные научные результаты? Не ставя перед отечественной наукой конкретных национальных задач, не обеспечивая ее достаточными финансовыми ресурсами, бессмысленно с нее требовать престижный индекс цитируемости, причем в гуманитарных науках он нередко зависит от того, как подается оценка Отечества – объективно или обличительно. В такой непростой обстановке при нищенском финансировании исследований и зарплаты сотрудников, тем не менее, удалось сохранить, развить и даже повысить авторитет гуманитарных наук по сравнению с советской эпохой, резко поднять публикаторскую активность ученых.

Через шесть лет в Уральском отделении путем тайного рейтингового голосования в числе пяти возможных ставок академиком была открыта вакансия для историка. Мою кандидатуру выдвинул ученый с мировым именем академик-математик Николай Николаевич Красовский. Дело не только в том, что меня поддержали ученые естественнонаучного профиля, а еще и в том, что на Урале никогда раньше не было и нет теперь других академиков-гуманитариев. В мае 1997 года состоялись выборы, был избран академиком РАН по специальности «Российская история».

Таким образом, на первом этапе моего пребывания на Урале были покорены две вершины: создан Институт истории и археологии и состоялось избрание в академики РАН.

Встреча Президента РАН академика Ю. Осипова с уральскими учеными

Академик РАН В. Алексеев

Научные результаты второго этапа

Второй этап работы Института проходил в более благоприятных условиях, чем первый. Во-первых, стабилизировалось положение в стране: ушли в прошлое разгромные девяностые, упрочилось, хотя и осталось на низком уровне финансовое положение науки. Не прекратились попытки «приватизировать» академию, но сохранившиеся креативные институты получили возможность не только развивать фундаментальные исследования, а и зарабатывать внебюджетные средства. Во-вторых, Институт сформировался, вырастил поколение опытных исследователей, наработал значительный опыт, получил признание не только на Урале, но в масштабах России и зарубежья. В-третьих, в научной политике Института был сделан крен в сторону теоретического осмысления исторических процессов на новых методологических основаниях, что подняло уровень обобщения в публикуемых монографиях и статьях. Рассмотрим эти позиции на конкретном материале¹.

Изучение древних и традиционных обществ

Научная деятельность археологов и этнографов Института была ориентирована на исследования этнокультурной и социоестественной истории древних и средневековых обществ Урала и сопредельных территорий в контексте первобытной истории Северной Евразии. Они работали в тесном взаимодействии в рамках трех научно-исследовательских проектов. Проекты, трансформируясь во времени, корректируя названия и содержание, на протяжении ряда лет соотносились с тремя основными направлениями научного поиска.

Первое из них можно определить как «североведческое». Оно разрабатывалось в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурный потенциал Севера в контексте российской истории» (рук. А. В. Головнев). Шло активное пополнение источниковой базы уралистики, задавались новые парадигмы в изучении этнической истории, культурной и биологической адаптации народов Севера, процессов колонизации территорий Прикамья, Урала и Западной Сибири. Североведение сосредоточивалось на переосмыслении роли Севера в российской истории.

Второе направление, «ожное», организационно оформлено в рамках

Книги археологов

¹ См. подробнее: Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. 20 лет научного поиска. Екатеринбург, 2008. С. 15–64.

научно-исследовательского проекта «Становление и развитие комплексных обществ в контактных регионах (Южный Урал и Зауралье)». Научную координацию осуществляла Л. Н. Корякова. Основные усилия сотрудники проекта концентрировали на решении проблем соотношения региональных и глобальных исторических процессов и многообразия развития социокультурных систем от каменного века до средневековья с опорой на археологические памятники лесостепной и степной зоны Урала и сопредельных территорий.

Третье направление развивалось в рамках научно-исследовательского проекта «Археологические древности и современная культура: источники, научные реконструкции и культурная интеграция» (рук. Н. М. Чаиркина), ориентированного на изучение проблем культурогенеза, развития материальной и духовной культуры древних обществ на материалах археологических памятников горно-лесного Урала преимущественно ранних археологических эпох: среднего и верхнего палеолита, мезолита, неолита, энеолита. Изучались палеолитические памятники первоначального этапа заселения Урала, уникальные стоянки в торфе, памятники с наскальной росписью в пещерах и на открытых скальных плоскостях, культовые комплексы разного типа.

Североведение включает исследования по этнографии и археологии Северной Евразии. Коллективом исследователей проведены обширные полевые и фундаментальные теоретические изыскания. «Север» рассматривается не как мерзлотная окраина, а как макрорегион со своими особенностями формирования и развития культур. В известном смысле нынешняя Россия целиком относится к Северу – ее географический центр находится в устье Енисея у Полярного круга. Североведение равновелико ориентировано на Север как часть планеты и на общеисторическое познание с учетом позиций и мотиваций северных культур и народов. Общим их итогом, помимо накопления эмпирических данных, стала серия открытий и обобщений, разработка ряда концептуальных подходов и инструментальных методик в изучении культур и народов Северной Евразии, мифологии, сценариев этногенеза и политогенеза, феноменологии кочевых культур.

Северная археология раскрыла свой потенциал в исследовании феномена колонизации наряду с другими явлениями поздней древности. К западу от Урала, в Пермском крае, раскрыто

*В экспедиции
Н. Чаиркиной*

*Северные
просторы*

значение сети коммуникаций, прежде всего торговых путей, в межэтнических и межгосударственных отношениях в центре Северной Евразии. По другую сторону Урала, в Северном Приобье, раскопки А. П. Зыкова и С. Ф. Кокшарова, убедительно соотносенные с героическим эпосом угров, позволили реконструировать облик урало-сибирских княжеств дорусской эпохи, разрешив длившиеся десятилетиями споры историков и этнографов относительно «остяко-вогульского феодализма».

В Нижнем Приобье под руководством Н. В. Федоровой велись раскопки Усть-Войкарского городища и памятника Усть-Полуй, давшие богатый материал по архитектуре, военному делу, мировоззрению древнего населения. В ходе раскопок могильника Зеленый Яр обнаружены мумифицированные останки четырех детей и взрослого мужчины. Комплексный анализ памятника, представленный в коллективной монографии¹, включил археологическую типологию, сравнительно-этнографическую панораму, антропологические определения, в том числе молекулярно-генетический анализ мумифицированных останков. Новые открытия в области расогенеза, указывающие, в числе прочего, на выразительность европеоидных/уралоидных черт в Северной Азии задолго до российской колонизации, существенно обновляют источниковую базу уралистики и задают новые ракурсы в изучении механизмов культурной и биологической адаптации человека на Севере.

Второе, «южное», научное направление работ связано с исследованием археологических памятников лесостепных и степных районов Зауралья (Тюменская, Курганская и Челябинская

¹ Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье / Под ред. Н. В. Федоровой. Екатеринбург, 2005.

области). Эти исследования велись по двум тематическим блокам. Первый из них включает исследования памятников раннего железного века лесостепной полосы, второй охватывает работы по изучению проблем археологии и первобытной истории степной зоны Зауралья. Позднее оба этих блока объединены в рамках одного проекта «Становление и развитие комплексных обществ в контактных регионах (Южный Урал и Зауралье)», целью которого является поиск ранних проявлений социокультурной сложности в Уральском регионе. Этот проект является частью долговременной комплексной интеграционной программы междисциплинарных исследований археологических памятников Южного Урала «Эпоха бронзы Севера центральной Евразии» (рук. Л. Н. Корякова), поддержанной Уральским отделением РАН.

Третье направление научного поиска археологов Института сфокусировано на исследовании различных аспектов материальной и духовной культуры древних обществ горно-лесного Урала в контексте культурогенеза и ранних этапов этногенеза народов уральской языковой семьи, взаимодействия этих народов с индоевропейскими (на ранних этапах первобытной истории) и тюркоязычными (в эпоху поздней первобытности) этносами. Оно построено на основе анализа огромной источниковой базы, сформированной многолетними работами Среднеуральского (нач. А. Ф. Шорин), Исетского (нач. В. Д. Викторова), Торфяникового (нач. Н. М. Чаиркина) и Южноуральского (нач. В. Н. Широков) археологических отрядов.

Тематика археологических исследований дополняется раскопками торфяниковых памятников, содержащих уникальные находки бытовых и культовых артефактов из органических материалов (кости, дерева и др.). Эти исследования начаты в регионе в ходе добычи торфа еще в дореволюционный период. Тематика разрабатывается под руководством Н. М. Чаиркиной.

Украшения и элементы уздечки из могильника Кичигино, курган 5

Поселение Шувалки I. Составное деревянное весло. Эпоха раннего металла. Раскопки Н. Чаиркиной

В реализации программы исследования всемирно известных археологических древностей Шигирского торфяника Институт активно сотрудничал с Министерством культуры Свердловской области и Свердловским областным краеведческим музеем.

Исследовалось индустриальное наследие края и археология нового времени. Проведена инвентаризация памятников индустриального наследия Южного Урала, что позволило выявить 160 объектов промышленной истории. Археологические изыскания на памятниках горнозаводского дела Урала XVII – первой четверти XVIII веков вел Е. А. Курлаев. Выявлены и исследованы остатки металлургических заводов и рудников той эпохи. В окрестностях г. Златоуста открыты следы деятельности геологоразведочных экспедиций XVII века. Источниковедческий анализ полевых материалов сопровождается теоретико-методическими разработками, что способствует формированию нового раздела археологии – «промышленной археологии», основанного на интеграции письменных и вещественных источников. Кроме того, при поддержке гранта РФФИ впервые в отечественной практике был реализован проект компьютерного моделирования облика и анимации производственных механизмов и оборудования металлургического завода начала XVIII века (авторы Ю. М. Баранов, Е. А. Курлаев).

Разработана новая методология (антропология движения), открывающая ракурс изучения и мониторинга развития человека и общества с древности до современности в единицах и категориях действия, в измерении динамики и статики, алгоритме мотивационно-деятельностных схем (рук. А. В. Головнев). Этот подход позволяет по-новому рассмотреть целый ряд ключевых явлений в истории Евразии от палеолита до Средневековья, соотношений персональных мотиваций и социальных событий в сценариях развития древних обществ, в том числе викингов, монголов, Руси. Проведено комплексное (теоретико-методологическое, конкретно-историческое) исследование феномена колонизации. Показано, что необходимо отличать колонизацию как праисторическую и историческую универсалию от колониализма как негативно окрашенной идеологемы.

В результате проведенных исследований в фондах Института учтено, зарегистрировано и хранится свыше 500 000 артефактов более чем со 100 археологических памятников. Это собрание древностей включает уникальные артефакты и комплексы предметов, свидетельствующие о неповторимой и многообразной материальной и духовной жизни древнего населения Урала и сопредельных территорий от эпохи палеолита (40 тыс. л. н.) до эпохи позднего железного века.

Международное признание глобальности североведческих проблем, роли уральской археологической и этнологической школ в их решении закреплено статусом Международных Северных археологических конгрессов, подготовку и проведение

которых Институт истории и археологии УрО РАН осуществляет совместно с правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Уральским государственным университетом. I Международный Северный археологический конгресс (САК) состоялся в сентябре 2002 года в Ханты-Мансийске. Целью Конгресса было обсуждение научных открытий на севере Евразии и Америки, переосмысление роли северных культур в праистории планеты. Съехавшиеся в Ханты-Мансийск археологи из большинства стран Северного полушария не только делились размышлениями о сходстве и различиях арктических и субарктических культур, но и отмечали новизну панорамы древней истории человечества, открывающейся с Севера. Действительно, природа Севера стала средой формирования и развития самобытных культур, нередко считавшихся лишь отголосками южных цивилизаций; по ледовитым морям в древности и недавнем прошлом были проложены пути между Старым и Новым Светом.

II САК прошел четыре года спустя, в сентябре 2006 года также в г. Ханты-Мансийске. Он сосредоточился на двух основных направлениях: «Культурные взаимодействия в Северной Евразии и Северной Америке: общие тенденции и региональные проявления» и «Археологические ресурсы: методы, феномены, интерпретации». Конгресс уделил повышенное внимание методологии социокультурных и геополитических интерпретаций в праистории, семиотике древнего предмета, роли археологии как ресурса современной культуры.

III Международный Северный археологический конгресс состоялся в ноябре 2012 года тоже в Ханты-Мансийске. В его работе приняли участие 190 исследователей из 9 стран. Основной темой

*В Президиуме
III Международного
Северного археологического конгресса*

Конгресса стала актуализация наиболее значимых достижений и перспектив изучения и сохранения объектов археологии Севера. III САК проводил работу по пяти основным направлениям: освоение человеком циркумполярной зоны в плейстоцене и голоцене; изменение природной среды и эволюция систем жизнеобеспечения; социокультурная вариативность в древности; археологические проявления и интерпретации; искусство, сакральное пространство и мифоритуальная практика древнего населения Севера; колонизация Севера и взаимодействие культур в Средние века и Новое время; археологическое наследие как общественный ресурс: охрана и использование.

Исследование российской истории

На втором этапе развития Института сложилась уральская академическая школа историков, первостепенное значение получили теоретические проблемы исторического процесса, поскольку стало очевидно, что с отказом от марксизма-ленинизма историческая наука России оказалась в теоретико-методологическом вакууме. Отсюда уход от основополагающих проблем исторического процесса, стремление избегать обобщений и практически ориентированных выводов, что вело к падению авторитета исторической науки, которую не спасала так называемая «архивная революция». Это особенно рельефно проявилось в неспособности дать объективную трактовку сущности российской истории XX века.

Уральская академическая школа историков нашла выход в том, чтобы объяснить отечественную историю сквозь призму цивилизационного своеобразия российских модернизаций, мучительного перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, соотнесения новаций и традиций в этой связи. На повестку дня вышли факторный анализ и математическое моделирование социальных трансформаций, широкое использование компаративного подхода, предполагающего сопоставление изучаемых процессов в региональном, общероссийском и мировом контекстах, концепция фронтальной модернизации. Был подготовлен и издан ряд фундаментальных исследований и исторических энциклопедий, которые активно цитируются в российских и зарубежных публикациях.

Теоретические проблемы с привлечением огромного фактического материала как российского, так и регионального масштаба рассмотрены в монографиях В. В. Алексева, И. В. Побережникова, коллективных монографиях и множестве статей (Алексеев В. В. «Общественный потенциал истории»; Побережников И. В.

И. Побережников

«Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации»; «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.»; «Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации»; «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект»; «Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу»; «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие микро- и макро-процессов»).

В них обоснована необходимость анализа модернизации на различных общественных уровнях и установления соответствия (также как и несоответствия, расстыковки) между ними, что обусловлено всеобъемлющим, многоплановым, многомерным характером модернизации. Идентифицированы факторы, вариации процессов модернизации на различных уровнях. На мир-системном уровне ключевое значение имеет взаимосвязанность динамик развития различных обществ. На цивилизационном уровне в качестве дифференцирующих факторов выступают цивилизационно-культурные контексты, фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, накладывающие отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную.

В итоге разработан теоретико-методологический подход на основе синтеза модернизационной и цивилизационной парадигм, легший в основу исследований. Проведено комплексное изучение модернизаций в контексте цивилизационной динамики России XVIII–XX вв. Определены базовые параметры российской цивилизации, сформулирована теоретико-концептуальная модель модернизации в российском цивилизационном контексте, выявлены универсальные и цивилизационно-специфические параметры российских модернизаций, основные принципы функционирования, доминанты и этапы эволюции Российской цивилизации, установлены каналы и глубина воздействия цивилизационных структур на динамику, темпы и характер модернизации, а также, наоборот, влияние модернизации на культурно-цивилизационный облик России, определено соотношение эволюционных и революционных механизмов на разных стадиях модернизации.

Установлено, что на большом протяжении времени (имперский период) модернизация осуществлялась на основе эволюционных методов, обеспечивших протоиндустриализацию, начальную стадию раннеиндустриальной модернизации. Революционные инструменты широко применялись на протяжении XX столетия, когда действительно был завершен переход

*Беседа
с учениками*

к индустриальному обществу, правда ценой фактической гибели российской деревни. Катастрофизм трансформаций XX века объясняется затянутостью предшествующего эволюционного периода, приведшего в результате к взрывному революционному столетию с его поспешностью, низким качеством процесса и трагедией народа. Выявлена историческая вариативность воздействия научно-технологического прогресса на характер цивилизационной динамики.

Раскрыта роль геополитического фактора в обеспечении цивилизационной и региональной динамики России. Определены основные тенденции и этапы российских модернизаций в страновом и региональном измерениях, установлена вариативность региональных моделей модернизации. Разработана концепция фронтальной модернизации в контексте Российской цивилизации. Дело в том, что цивилизационная специфика России способствовала обретению модернизацией фронтального характера. Российская евразийская цивилизация складывалась постепенно, на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность обуславливалась наличием фронтальных зон, где имели место этноцивилизационные контакты. Зонами такого цивилизационного пограничья в рамках евразийской цивилизации длительное время являлись восточные регионы страны, в частности Урал и Сибирь.

В двухтомнике С. А. Нефедова и коллективной монографии академической школы историков совместно с математической школой академика Н. Н. Красовского (Нефедов С. А. «История России. Факторный анализ». Т. 1–2. 2010, 2011; «Факторный анализ российского исторического процесса») осуществлено фундаментальное исследование истории России с древнейших времен до начала XX века. В монографиях нашли отражение проблемы становления Российской цивилизации, взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов в процессе ее складывания. Комплексное изучение воздействия демографического, технологического, а также географического фактора позволили С. А. Нефедову предложить так называемую «трехфакторную модель», в которой демографические циклы сочетаются с волнами завоеваний и диффузии. Выявлено соотношение географического, демографического и технологического факторов на протяжении имперской модернизации России в XVIII – начале XX веков. Значение географического фактора сказалось в наличии свободных земель на южных и восточных окраинах в процессе колонизации, который в значительной мере смягчал последствия роста населения. Расширение экологической ниши привело к тому, что демографический цикл XVII–XIX веков оказался более длительным, чем известные европейские и восточные циклы. Технологический фактор находил выражение в диффузии европейских инноваций, ускоривших ход российских модернизаций на

протяжении XVIII–XX веков и оказывавших трансформирующее воздействие на природу Российской цивилизации.

В коллективной монографии предложена имитационная модель экономики России конца XIX – начала XX веков на основе массивной базы статистических данных. Демографически-структурный подход, лежавший в основе предлагаемой балансовой модели, подразумевал учет основных показателей развития сельского хозяйства, в том числе важнейших его элементов, крестьянских и помещичьих хозяйств, а также демографических параметров. Большое внимание уделялось проверке достоверности этой информации. Был разработан алгоритм решения поставленной задачи, в котором экономическая динамика каждой из губерний (всего рассматривалось 42 губернии, для которых имеется достаточная статистическая информация) характеризуется примерно двумя сотнями параметров, причем некоторые из них имеют вид функций, описывающих распределение той или иной величины по группам крестьянских хозяйств.

Особое направление исследований составило выявление роли эндогенных и экзогенных факторов в обеспечении модернизационной динамики России, в том числе поступательной и циклической составляющих; определение направлений, каналов, механизмов и результатов проникновения зарубежного опыта в Россию. В результате в серии научных трудов проанализирован исторический опыт взаимодействия Российской и Западноевропейской цивилизаций, осмыслены теоретико-методологические аспекты диффузионизма, выявлена роль диффузии как механизма модернизации, прослежены каналы и агенты распространения европейских инноваций в российском социуме нового времени, представлены модели взаимодействия традиции и новации в контексте модернизации, процессы и результаты проникновения европейских инноваций в различные области российского отечественного бытия периода империи.

С. Нефедов

Впервые в историографии комплексно проанализирована проблема распространения нововведений в контексте российских модернизаций на до- и раннеиндустриальной стадии на региональном материале, показаны закономерности и особенности процессов импорта и усвоения инноваций в промышленности, экономике, обществе, повседневности, их влияние на природу российских социальных институтов и систем культуры. Диффузионистский подход позволил

представить историю России как череду модернизаций под воздействием приходящих с разных сторон диффузионных волн; при этом периоды модернизационных реформ сменялись периодами традиционалистской реакции (Алексеева Е. В. «Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.)»; «Диффузия европейских инноваций в Российской

империи»; «Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.)»).

На базе теоретических разработок школы рассматривались конкретные проявления модернизации на общероссийских и региональных материалах практически по всех сферах жизнедеятельности: государственной, гражданской, демографической, индустриальной, аграрной, военной, научной, культурной, ментальной, повседневной. Наиболее крупные исследования посвящены индустриальной и аграрной сферам. Отличительная особенность уральской школы в рассмотрении индустриальной сферы заключается не только в изучении развития ее отдельных отраслей, но и в анализе промышленной политики в данной области, что принципиально важно для уяснения основных тенденций развития и оценки их практического значения (Алексеев В. В., Сапоговская Л. В. «Исторический опыт промышленной политики в России»; «Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.»). Авторы считают, что изучение промышленной политики предполагает комплексный анализ: во-первых, принципиальных основ и логики ее выработки, во-вторых, непосредственного содержания предпринимаемых мер; в-третьих, методов и механизмов осуществления; в-четвертых, результатов, оцениваемых в кратко- и долгосрочной перспективе с точки зрения степени адекватности потребности развития как промышленности, так и национальных интересов в целом. С этих позиций они рассматривают место и роль промышленной политики в динамике российской экономики, научные и институциональные основы ее формирования, особенности и направления осуществления.

Крупные результаты получены в исследовании истории уральской металлургии и ее индустриального наследия (Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. «Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней»; Алексеев В. В., Алексеева Е. В. «Металлургический Урал: история и наследие» (на французском языке)). В первой монографии комплексно на протяжении более чем трех столетий рассматривается развитие всех отраслей металлургии

огромного региона страны, «опорного края державы», традиционной отечественной «кузницы оружия», включая все действующие в настоящее время и когда-либо ранее существовавшие металлургические и металлообрабатывающие заводы. Выявляются основные особенности становления, развития и функционирования отрасли, предлагается новая трактовка общетеоретических и конкретных проблем ее развития, осуществлен новый подход к концептуальной оценке отрасли в системе мирохозяйственных связей. Вводится в научный оборот, особенно по советскому периоду, большое количество информации, ранее нигде не публиковавшейся. Книга демонстрирует теоретическое и практическое применение концепции исторического опыта.

Во второй выявлено место уральской металлургии в истории мировой индустриальной цивилизации. Показана региональная специфика процессов складывания технологических, социальных, культурно-ментальных черт индустриальной цивилизации на Урале. Промышленное наследие представлено в совокупности результатов промышленной деятельности. Оно включает многокомпонентные заводские и горнорудные комплексы с производственной инфраструктурой, сложным оборудованием и технологией; военно-промышленный комплекс; многочисленные поселения; колоссально преобразованные естественные ландшафты; разветвленные транспортные сети; своеобразную социальную структуру; развитую систему выработки и передачи знаний. В орбите внимания ученых оказалась и специфическая горнозаводская среда с особым менталитетом, характером уральцев, отразившимся в их повседневности и художественном восприятии мира.

Несколько работ посвящено освоению горнорудных месторождений Урала, технологическим новациям в горно-металлургическом производстве, уральским заводчикам и правовому положению горнозаводской промышленности (Манькова И. Л., Курлаев Е. А. «Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVIII в.: у истоков российской промышленной политики»; Гаврилов Д. В. «Горнозаводский Урал XVII – начала XX вв.»; Рукосуев Е. Ю. «Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX – начале XX вв.»; Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. «Технико-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала XVII–XVIII вв.»; Неклюдов Е. Г. «Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения»; Он же: «Посессионное право в истории уральской горнозаводской

Касли. Механические мастерские

промышленности XIX – начала XX в.)). Эти работы интересны привлечением многих уникальных архивных материалов, их сочетанием с археологическими данными и правовыми нормами.

Одним из важнейших результатов промышленной деятельности является обеспечение обороноспособности страны, достигнутой на основе ее модернизации. Военно-промышленному комплексу Урала и его вкладу в победу над врагами Отечества участники научной школы в последние годы посвятили ряд книг: «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней»; «Военная история Урала: события и люди»; Сперанский А. В. «На войне, как на войне...» и др.

Наиболее фундаментальная из них «Щит и меч Отчизны». На страницах книги показан процесс производства оружия в уральском регионе от эпохи неолита (V–IV тыс. до н. э.) до сегодняшнего дня (начало XXI в. н. э.) и его использование в военных конфликтах местного, локального и мирового значения. Авторы работы выявили закономерности и особенности организации и функционирования производства вооружений на Урале, раскрыли тактико-технические характеристики выпускавшегося оружия, проанализировали эффективность его применения в период военных действий. Комплексный модернизационно-технологический подход, примененный учеными в данном исследовании, дал возможность успешно рассмотреть военно-техническую историю Урала с точки зрения эволюции технологических процессов, оказывающих определяющее воздействие на развитие всей человеческой цивилизации.

В том же ключе необходимо рассматривать исследования по истории атомного комплекса Урала (Артемов Е. Т., Бедель А. Э. «Укрощение урана». 1999; Мельникова Н. В. «Феномен закрытого атомного города». 2006). Несмотря на трудность получения материалов из закрытой отрасли, в названных книгах и в серии статей представлен подвиг народа по созданию и развитию в тяжелейших условиях послевоенного лихолетья «оружия возмездия» в ответ на шантаж со стороны западных держав.

Определены основные направления и результативность государственной научно-технической политики в контексте модернизации. В страновом и региональном уральском измерении изучены основные этапы академической науки на Урале (Артемов Е. Т. «Научно-техническая политика в советской модели модернизации»; Денисевич М. Н., Зубков К. И. «Наука и образование России: вызов времени»; «Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале: документы и материалы. 1932–2002 гг.»; «Академическая наука Урала. Очерки истории»; «Академическая наука Урала. Стратегия исследовательского поиска»).

Обоснована значимость трансформации в аграрной сфере в рамках российской модернизации (агропереход), способствовавшей введению прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, сельской электрификации, внедрению научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, развитию рыночных отношений и кооперации, изменению типа воспроизводства сельского населения, демократизации общественно-политической жизни в деревне, преодолению консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, внедрению грамотности крестьянства, формированию в среде крестьянства кадров массовых профессий, изменению сельской поселенческой сети. Выявлены три фазы аграрного перехода в российской деревне: конец XIX – середина XX века; середина XX века – конец 1980-х годов; начало 1990-х – начало 2000-х годов, – направления и формы проявления которых были обусловлены исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов («Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблема источников и историографии»; «Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX вв.: макро- и микропроцессы»; Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В. А. «Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934»; Денисевич М. Н. «Индивидуальное хозяйство на Урале (1930–1985 гг.)»; «Продовольственная безопасность Урала в XX в. Документы и материалы» в 2-х томах; и др.).

На уральских полях

Исследование демографической истории Урала в XVIII–XX веках представлено в ряде монографий и сборников статей. («Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. Историко-социологический подход»; «Исторические аспекты воспроизводства населения Урала в XVIII–XX вв.»; Оруджиева А. Г. «Формирование системы городов Урала в XX столетии»; «Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны. Документы и комментарии»; Михалев Н. А. «Население Ямала в первой половине XX в. Историко-демографический анализ»; Голикова С. В. «Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: демографические процессы».)

Особо следует выделить сборник статей «Исторические аспекты воспроизводства населения Урала», где показаны демографические процессы рождаемости, смертности, социально-демографическая политика, демографическое поведение и демографическое сознание регионального сообщества. Методологической базой исследования стала концепция демографического перехода, первый этап которого завершился на Урале к середине 1960-х годов, когда произошла смена типа воспроизводства, изменилось целостное отношение к детям, сократилась рождаемость. Заслуживает внимания монография Н. А. Михалева, в которой на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов исследуются различные аспекты демографического развития Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине XX века. В работе впервые представлена динамика численности и этнического состава населения Ямала, на основе массовых источников определены основные показатели его вос-

Жители тундры

производства на протяжении длительного промежутка времени. Изучены экзогенные и эндогенные факторы трансформации половозрастной и этнической структур. Выявлена особая роль экзогенного воздействия принудительных миграций на демографическое развитие региона, проанализировано влияние Великой Отечественной войны и масштабных насильственных переселений, значительно трансформировавших половозрастной, этнический состав, а также изменивших численность населения края.

Выявлены факторы, механизмы и агенты модернизации на региональном уровне

(Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв.»; «Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Евразийского Северо-Востока, Урала и Сибири»; Зубков К. И., Побережников И. В. «Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.)»; Зубков К. И., Корепанов Н. С., Побережников И. В., Тулисов Е. С. «Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX вв. Уральское горное управление»; «История Ямала» в 2-х томах, четырех книгах). Значимость названных публикаций заключается в том, что в них на региональном уровне прослежены факторы, механизмы и агенты российской модернизации, выявлены модели отраслевого управления, взаимодействия властных и общественных структур, региональных вариантов индустриализации, межрегиональных экономических связей, сложное переплетение традиций и новаций в производственной, социально-институциональной, управленческих сферах.

С коллегами в институте (слева С. Постников, справа Д. Гаврилов)

На общем фоне публикаций по региональным проблемам выделяются монографии: «Азиатская Россия...», которая представляет собой первое комплексное исследование истории регионов азиатской части страны на протяжении 400 лет их развития в составе Российского государства; «Проблемные регионы ресурсного типа...», где совместными усилиями историков и экономистов доказана возможность регионального использования исторического опыта для решения современных проблем; «История Ямала», являющаяся первым крупным академическим исследованием арктического региона с глубокой древности до конца XX века в контексте Российской цивилизации.

Важные результаты получены в разработке проблемы «Общество и власть в региональном измерении России». Среди публикаций по имперскому периоду выделяется монография В. А. Шкерина «Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I», в которой предпринята попытка проследить судьбу и политическую деятельность «нерепрессированных» декабристов, что является новым словом в декабристоведении. Автор характеризует противоречия между царизмом и либерализмом во взглядах декабристов, оказавшихся на службе этого режима. При всей дискуссионности такого подхода он, безусловно, заслуживает внимания историков.

Проблему «Общество и власть» применительно к переломному рубежу российской истории решают С. П. Постников и М. Н. Фельдман в монографии «Власть и рабочие Урала в 1917 г.: очерки истории и историография». Это исследование позволило определить, насколько социокультурный облик уральских рабочих соответствовал потребностям преобразований индустриальной сферы, каким образом действовала власть в 1917 году в центре и на местах в критической ситуации по отношению к рабочим, и как они реагировали на свержение монархии, Временного правительства и приход к власти большевиков.

Значительным достижением уральской исторической школы стало шеститомное научное издание «Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 гг. Документы и материалы (Пермский край, Свердловская, Челябинская области)», где опубликовано свыше полутора тысяч документов, которые имеют несомненный интерес для ученых и широкой общественности. Большинство из них совсем недавно рассекречено и представляет существенную часть историко-культурного наследия всей России. Не случайно французские ученые предложили провести презентацию этого издания в Сорбонне.

Заметным вкладом в развитие темы является коллективная монография «Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития». В ней проанализирован механизм становления и трансформации этой системы с 1917 по 1985 годы, отражены проблемы ее противоречивого влияния на процессы развития российской модернизации, формирования командно-мобилизационной экономики, геополитических изменений международного характера. Показано неоднозначное воздействие партийно-государственной власти на внешнеполитическую, организационно-административную и социально-экономическую сферы советского общества.

В том же плане можно рассматривать коллективную монографию «Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа», где предпринята попытка исторического осмысления процесса формирования и эффективности действия системы государственного управления в советский период истории России. В книге дан исторический анализ взаимодействия государства и общества на региональном уровне, показан ретроспективный опыт функционирования партийно-государственной власти в уральском регионе, механизм ее взаимодействия с высшим руководством страны, способы влияния на процессы мобилизации народных масс.

Наряду с трансформациями политического пространства в ходе модернизации рассматривается регионально-ориентированная модель гражданского общества, что позволило на примере уральского города проанализировать особенности городской жизни, обусловленные спецификой имперской российской модернизации. На конкретно-историческом материале удалось

проследить, что под воздействием модернизации и ее субпроцессов (профессионализации, демократизации и рационализации) уральский город заметно прогрессировал на пути к гражданскому обществу, дифференцировались городские формы самоорганизации, наблюдалась постепенная замена или трансформация традиционных социальных институтов новыми современными институтами (Казакова-Апкаримова Е. Ю. «Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в.»). В коллективной монографии «Формирование среды гражданской деятельности на Урале второй половины XIX – начала XX в.: социальный аспект» показана роль различных акторов в развитии сферы гражданской деятельности, под которой понимается совокупность внесударственных отношений, где проявляют себя свободные граждане, принимая участие в общественной жизни, в добровольных ассоциациях и организациях (светских и церковных), в органах местного самоуправления, выступая с теми или иными гражданскими инициативами.

Наметились подходы к решению проблемы взаимодействия модернизации и церкви как основы традиционного общества («История православия на Урале»; «Православие в судьбе Урала и России»; «История Екатеринбургской епархии»; Манькова И. Л. «Храм в сердце и памяти. Очерки истории Екатеринбургского Екатерининского собора»; Нечаева М. Ю. «Единение во имя Христа. Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX вв.» и др.). Проанализированы модернизационные процессы, происходившие на микроуровне Русской православной церкви в XVIII – начале XX веков

Екатерининский собор в Екатеринбурге. Начало XX века

(приходы, монастыри, религиозные общественные организации), показана специфика этих процессов: одновременность преобразований на различных уровнях церковных организаций; незавершенность реформ; направленность преобразований в церковной жизни не на ликвидацию влияния церкви в целом, а на аккумуляцию этого влияния в сфере духовной жизни человека; мотивация реформ возвратом к исконным христианским принципам религиозной жизни. Данные выводы, а также исследование религиозных организаций XIX – начала XX века позволили пересмотреть сложившуюся в историографии концепцию глубокого кризиса Русской православной церкви в конце XIX – начале XX веков, показать процессы оживления церковной жизни на уровне локальных религиозных сообществ, искусственно прерванные революционными событиями. Введенные в научный оборот уникальные источники (Алексеев В. В., Нечаева М. Ю. «Воскресшие Романовы...? К истории самозванчества в России XX в.» в 2-х ч.) позволили проследить трансформацию сознания верующих в условиях разрушения религиозных сообществ и репрессий в советскую эпоху.

Опубликовано несколько обобщающих монографий. Назовем наиболее колоритные из них: «Урал в панораме XX века», «Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири». В первой книге, одной из немногих в России такого плана, подводятся итоги двадцатого столетия на материалах Урала. Она содержит авторские оценки разных периодов, которые дополняются историческими очерками о важнейших событиях и личностях. Во второй монографии впервые совместными усилиями историков и экономистов исследуются основополагающие проблемы экономической интеграции европейских и азиатских регионов страны за длительный исторический период. Это есть

реальное обобщение исторического опыта в его приложении к задачам современности.

Методика и практика этих исследований изложена в монографии «Актуализация потенциала исторической науки», которая является одной из немногих специальных крупных публикаций по данной проблеме в российской историографии. В ней раскрыты предпосылки практического использования исторического опыта в социальной практике и ее прогнозировании, дан анализ места и роли исторического опыта в структуре исторического познания, предложены способы совершенствования различных исторических дискурсов, ориентированных на выявление реальности структурных компонентов, тенденций, закономерностей, которые могут послужить базой для экстраполяции их в настоящее и будущее.

Такой подход дополняется серией моих статей по проблемам исторической прогностики, на чем остановлюсь немного подробнее. Дело в том, что в прогнозах редко учитываются исторические предпосылки. В лучшем случае принимаются во внимание реалии последних десятилетий, между тем история коварна, она требует заглянуть глубже. Ее корни тянутся очень далеко и продолжают питать современность своими соками, которые нередко смывают огромные пласты казалось бы на века возведенного будущего и возвращают общество назад, но в измененном качестве. Весь вопрос в том, как уловить это «второе дыхание», которое позволит увеличить надежность прогноза.

А возможен ли исторический прогноз в принципе, учит ли чему-нибудь история? Многие ученые отрицают такую возможность, но Г. Плеханов еще в конце XIX века утверждал, что «будущее способен предвидеть тот, кто понял прошедшее». В современную эпоху приходится считаться с остатками прошлой жизни, которые неожиданно дают о себе знать в самых разных проявлениях. Хорошо известно, какие катаклизмы вызвал развал Римской империи, как далеко и долго гремело его эхо. Нечто подобное происходит после распада Советского Союза.

Требуется такой подход, который позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как свершившийся факт, а как возможность ее проявления в будущем, и тем самым подойти к прогнозу. Подобное было сделано в кружке Римского-Корсакова и представлено в записке, переданной князем Голицыным Николаю II в ноябре 1916 года. В ней предсказывалась грядущая революция, а «после сверженной монархии и поголовной резни виделось на горизонте будущей России восстановление Самодержавной царской, но уже мужичьей власти в лице нового царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между собой соседями самого государства Российского». Точно то и произошло в России ровно через год, что хорошо известно в деталях современным историкам. Позднее мало кто мог предположить, что нечто подобное случится с ней в конце XX века, когда на мощной волне популизма, подогретого извне, ее снова перевернул «мужик». Не исключено такое и впредь. Продолжая эту линию рассуждений, необходимо добавить, что начала четырех последних столетий для России были критическими: смута 1613 года, война со Швецией (Полтавская битва 1709 года), нашествие Наполеона 1812 года, революция 1917 года. Не исключено, что 2013–2017 годы могут оказаться аналогичными. К тому же надо иметь в виду, что полная смена элит в стране происходит каждую четверть века со всеми вытекающими последствиями.

Отсюда следует, что для прогнозирования перспектив развития страны прежде всего необходимо обращаться к ее историческому пошлону, которое таит в себе огромное количество самых

*Справочник
«Правители
стран мира...»*

разнообразных материалов для понимания связи между прошлым, настоящим и будущим. Теперь в такой процесс включается факторный анализ и математическое моделирование, для которых требуются надежные статистические ряды, но это проблема специального рассмотрения¹.

Участниками исторической школы и привлеченными ими специалистами из вузов, а также из социально-экономических структур региона подготовлено и издано 5 энциклопедий. Они разнообразны по тематике, но их объединяет одно – стремление полнее представить историю Урала («Уральская историческая энциклопедия», 2 издания; «Металлургические заводы Урала XVIII–XX вв. Энциклопедия»; «Атомные города Урала. Энциклопедия. Город Снежинск; Город Лесной»; «Екатеринбург. Энциклопедия»; «Историки Урала, XVIII–XX вв.»).

К этой же категории можно условно отнести уникальное справочное издание международного характера – Е. Ю. Рукосуева, Г. Н. Григорьева. «Правители мира с древнейших времен до наших дней» в 3-х т. Кн. 1. Европа; кн. 2. Азия; кн. 3. Африка, Америка, Австралия, Океания, – в котором представлены сведения о главах государств и правительствах практически всех существовавших на земном шаре в различные исторические эпохи государственных образований с древнейших времен до наших дней. Такая работа выполнена впервые, она имеет важное значение для дипломатической службы и всех интересующихся всемирной историей.

Литературные студии

Разработка теоретической истории литературы XX века велась в аспекте исследования взаимодействия историко-литературных художественных систем. Актуальность подобного исследования связана с тем, что большинство работ по истории литературы XX века, созданных на протяжении второй половины столетия, носило локально-фрагментарный либо жестко идеологизированный характер, не претендуя на описание и типологизацию ведущих тенденций развития литературы.

При изучении системных процессов XX века в качестве исходной была принята гипотеза о взаимодействии в отечественной литературе направлений и течений различного качества – «классических» и «неклассических». Именно в XX веке сформировался неклассический, модернистский тип культуры

¹ См. подробнее: Алексеев В. В. Исторический прогноз: возможности и ограничения // Прогноз и моделирование кризисов мировой динамики. М., 2009. С. 110–120.

с принципиально новым выбором мирообраза, поэтому чрезвычайную актуальность приобретает исследование взаимодействия между «гармонизирующими» (романтизм, сентиментализм и т. п.) и «хаографическими» (авангардизм, постмодернизм и т. п.) литературными направлениями, а также анализ генезиса вторичных художественных систем (неореализм, неоромантизм и т. п.) и функционирования художественных течений (экспрессионизм, акмеизм, натурализм и т. п.).

Углубилось изучение литературы Урала. Это закономерно потому, что важнейшим аспектом исследования историко-литературных систем русской литературы в условиях отечественной культуры, имеющей существенные национальные и региональные отличия, оказывается разработка концептуальных подходов к проблеме взаимодействия регионального и национального начал в общероссийском литературном процессе. Вначале в этой области велись частные разработки, общей задачей которых было определение места отдельных литературных явлений региона в общероссийском литературном пространстве. В результате проведенных исследований обозначилась необходимость создания истории литературы региона Большого Урала. Для осуществления этого проекта и координации научно-исследовательской деятельности ученых из различных городов в 2004 году был создан сектор истории литературы Урала, который возглавила доктор филологических наук Е. К. Созина.

Вопрос о научном описании истории региональной литературы имеет давнюю традицию, и представление о некоей гомогенности было господствующим на протяжении почти двух веков, несмотря на отдельные весьма авторитетные попытки создания литературной регионалистики. Возникшая в 1920-е годы так называемая школа «областников» (И. Гревс, Н. Пиксанов, М. Богословский, В. Богданов и др.) укрепила статус литературного краеведения. Разработка семиотических подходов к анализу «места», формирования культурной географии как самостоятельной научной дисциплины вызывали всплеск интереса к исследованиям региональной литературы, но они велись спорадически, и уральский регион в центр таких исследований попадал крайне редко.

Отчасти это объяснимо тем, что Урал издавна имеет репутацию региона, в котором искусство слова занимало и занимает третьестепенное место. Поскольку в логоцентрической стране, каковой является Россия, развитость или неразвитость литературы является важнейшим показателем уровня культуры региона в целом, то в конечном счете, даже в самосознании жителей региона, как показывают опросы, Средний Урал не признается областью с поступательно развивавшейся духовной культурой. Он воспринимается как центр золотодобычи и горного дела, и тяжелого машиностроения, но не как регион, где формировались своеобразные «культурные гнезда». Во второй половине

П. Бажов

Д. Мамин-Сибиряк

XX века сложилась уральская искусствоведческая школа, обстоятельно описавшая отдельные тенденции в развитии искусства края. Представление о реально существовавшей, хотя и не написанной пока, богатой и полноценной истории литературы края нельзя считать общепринятым, по-прежнему доминирует мнение об Урале как о промышленном регионе, в котором изредка и непонятно откуда вдруг возникали гениальные литераторы-одиночки вроде П. Бажова, создателя уникальной региональной мифологии.

Собираемый и вводимый в научный оборот материал по истории литературы Урала остро ставит вопрос о системном описании литературного процесса региона в его ведущих художественных стратегиях, в движении и развитии различных художественных форм, соотносимых, с одной стороны, с общероссийским историко-литературным процессом, с другой – с конкретными историческими реалиями литературной и культурной жизни региона. Литературный процесс любой территориальной общности, в свою очередь, нередко заслуживает свою «производность» от более общих и скорее экстрахудожественных – социокультурных, политических – факторов, имеющих свою специфику в каждом регионе страны.

Собственно литературный процесс в пределах уральского региона формируется, начиная с последней трети XVIII века. О его становлении свидетельствуют тобольские журналы, выпускаемые ссыльными поэтами, в частности, знаменитый «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», а также литературная деятельность местных поэтов-самоучек, публиковавшихся в столичных журналах. С конца 1810-х годов нечто вроде «культурного гнезда» создается в Оренбурге, затем в Перми и Казани: так, через

культуру транслируется логика движения цивилизационных процессов. Оживление литературной жизни в глубокой уральской провинции (Чермез, Нижний Тагил и др.) наблюдается к 1860-м годам, когда репрезентативным для всей русской литературы реализма становится «народный роман» Ф. Решетникова, а затем и творчество Д. Мамина-Сибиряка.

В ходе подготовки обобщающего исследования и разработки его генеральной линии был издан проспект истории литературы края, подвергшийся широкому обсуждению и необходимой коррекции. Издано несколько крупных исследовательских работ. Вышла в свет монография Л. С. Соболевой «Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности». В коллективной монографии «Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв.» на основании изучения рукописных и письменных источников XIV–XVIII веков выявлен механизм формирования образа и концепта «Урал» в общероссийском и региональном сознании, обрисовано развитие историко-литературного процесса в регионе со времени миссионерской деятельности Стефана Пермского до завершения периода рефлексивного традиционализма – начала XIX века.

В результате многолетней целенаправленной работы уральских литераторов созрели условия для издания многотомной фундаментальной «Истории литературы Урала». В 2012 году под редакцией В. В. Блажеса и Е. К. Созиной вышел первый том, посвященный XIV–XVIII векам, он, являя собой новаторский опыт систематического изложения истории региональной литературы на протяжении средневекового и нового времени, стал важнейшим событием литературной жизни региона. Объект изучения – уникальный пласт словесности и литературы, никогда прежде не исследовавшийся наукой в таком объеме и целостности.

В издании представлена древняя и средневековая литература Урала – ровесница таких памятников древнерусской словесности, как летописи, повести о защите русскими князьями своей земли, агнографические тексты, «хождения» и т. д. Анализируются основные книжные собрания региона (церковно-монастырские, крестьянские, частные библиотеки), рассматриваются различные формы литературной традиции, складывающейся на Урале: фольклор, словесность, книжная традиция, виды научно-деловой и производственной письменности, собственно литература, которая отчетливо формируется на Урале лишь во второй половине XVIII века (тобольские журналы и первые авторские индивидуальности). Особое место занимает анализ агнографической повествовательной традиции и памятников старообрядческой письменности, во многом определивших своеобразие культурно-исторической судьбы северо-восточных регионов страны. Последовательно прослеживаются не менее значительная традиция башкирской словесности, вначале

находившейся в составе общетюркской письменности, а также национальные литературные традиции народов Коми и Удмуртии.

Впервые все они исследуются в общем контексте региональной истории, его единой, хотя и развивавшейся порой по независимым друг от друга путям полиэтнической культуры. Вместе с тем литературы народов, с древности населяющих Уральский регион, рассматриваются параллельно и в общем ряду с русской литературой, что также составляет безусловную новизну книги. Авторы не боятся сказать о том, что русская культура на Урале была «пришлой», первоначально книжно-читательской, а уж потом авторско-креативной, что не помешало ей, однако, постепенно занять лидирующие позиции в регионе. Исследуются образы Урала в национальном сознании России и Запада, анализируется формирование просветительной парадигмы, замыкающей XVIII век.

Таким образом, положено начало осуществлению многолетних чаяний уральцев о систематической информации по литературному процессу на своей территории, что имеет принципиальное значение для регионального самосознания и объективного имиджа «опорного края державы» в мировом сообществе после расстрела здесь царской семьи и места гибели тысяч жертв сталинских репрессий. Первый том «Истории литературы Урала» вызвал большой научный и читательский интерес. Вскоре после выхода в свет был раскуплен весь тираж издания. Поступили восторженные отзывы не только от россиян, но и от зарубежных читателей, прежде всего из Великобритании.

Интеграционные и организационные проблемы

Институт активно включился в выполнение междисциплинарной программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Исследования велись по трем проектам: «Истоки культурного наследия древнего населения Урала» (рук. А. Ф. Шорин); «Диалог культур и этничности в контексте колонизации» (рук. А. В. Головнев); «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» (рук. В. В. Алексеев).

Остановимся на третьем проекте, где впервые на основе синтеза цивилизационного и модернизационного синтетического подходов определена культурно-цивилизационная специфика российской модернизации, место страны в мировом процессе, цивилизационная и модернизационная динамика, выявлены

основные факторы и механизмы внутренних и внешних импульсов, детерминирующих социокультурное, институционально-политическое и социально-экономическое развитие России. Новизна полученных результатов обусловлена вышеназванным новаторским теоретико-методологическим подходом. Впервые в отечественной историографии сформулирована концепция фронтирной модернизации как цивилизационно-специфического механизма модернизации.

Сопоставление полученных результатов с мировым уровнем показывает, что они опровергают широко распространенную в зарубежной литературе трактовку российской модернизации как тоталитарной, поскольку подобная оценка теряет свой смысл в контексте разработанной в данном проекте цивилизационной теории модернизации. В то же время она корреспондирует с теорией множественных модернов основоположника концепции модернизации Ш. Эйзенштадта, которая сегодня завоевывает все большее число сторонников, что открывает широкую перспективу компаративных исследований модернизации в мировом масштабе.

В Институте была разработана программа «Эпоха бронзы севера Центральной Евразии», в основу которой положен междисциплинарный подход. Она начала реализовываться сначала на основе неформального сотрудничества ученых нескольких институтов УрО РАН, а затем, с 2009 года – в рамках междисциплинарного проекта (рук. Л. Н. Корякова), финансируемого Президиумом УрО РАН. В это же время к исследованиям присоединилась большая группа ученых Франкфуртского университета. В течение нескольких лет сложился работоспособный научный коллектив специалистов различного профиля. Состав участников: Институт истории и археологии (координатор проекта), Институт геофизики, Институт экологии растений и животных, Институт минералогии УрО РАН, Институт праистории

Находки уральских археологов эпохи бронзы

Франкфуртского университета. Цель проекта – получение нового знания о природе, культуре и обществе Южного Урала в древности на примере отдельного микрорайона.

Поскольку проект имеет междисциплинарный характер, работа в нем организована по направлениям, соответствующим отдельным научным дисциплинам, изучаемым участвующими в проекте учеными. В рамках археологического направления работы были сосредоточены на раскопках поселения «Каменный Амбар» (Ольгино). В ходе геофизических работ получена детальная информация об объектах без разрушения культурного слоя. Биологические исследования сконцентрированы на сборе образцов для широкого спектра анализов: споро-пыльцевого, фитолитного, археоботанического, археозоологического, радиоуглеродного и др. Геологические работы сосредоточены на поиске месторождений полезных ископаемых, которые могли использоваться в древности. Кроме того, проведена серия петрографических анализов каменного инвентаря.

Основной целью междисциплинарного проекта «Историческая динамика России: факторы, модели, прогнозы» (рук. В. В. Алексеев) был анализ роли различных факторов в российском историческом процессе и создание вербальной модели, которая бы объясняла российскую историю. В ходе исследования были выявлены три основных фактора, повлиявших на российский исторический процесс: демографический, технологический и географический. Для этих факторов существуют теории, которые позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать их действие. В частности, описывающая роль демографического фактора неомальтузианская теория в качестве конкретного следствия указывала на такие результаты аграрного перенаселения, как социальный кризис, революция, гражданская война и демографическая катастрофа. Таким образом, главная проблема, стоявшая перед учеными, заключалась в том, чтобы ответить на вопрос: была ли русская революция начала XX века закономерным следствием аграрного перенаселения или же ее вызвали иные, может быть, случайные факторы.

Для решения этого вопроса совместно со специалистами Института математики и механики УрО РАН была построена имитационная экономико-математическая модель и выполнен анализ возможных альтернатив социально-экономического развития. Расчеты по модели показывают, что такие меры как отмена выкупных платежей или земельная реформа существенно улучшают положение крестьянства, но в дальнейшем быстрый демографический рост приводит к падению потребления, и в итоге социальный кризис оказывается лишь отсроченным на 10–15 лет. Выход из революционной ситуации мог быть достигнут только за счет использования технологического фактора, проведения аграрной модернизации, начиная уже с 1880–1890-х годов. По существу, это было «стольпинское лекарство» от рево-

люции, но в реальности его начали применять слишком поздно, когда ситуацию уже нельзя было исправить. Кроме того, в самом столыпинском рецепте имелись технические ошибки: он упирал на введение плодопеременных систем, но последующее развитие аграрной модернизации показало, что главным фактором является распространение минеральных удобрений.

Самым масштабным междисциплинарным, точнее межведомственным проектом была «История Ямала» (рук. В. В. Алексеев). На подходе к нему решалось множество организационных, финансовых, теоретических, источниковедческих проблем, апробировались предварительные результаты. Кроме сотрудников академического института в нем участвовали преподаватели многих вузов Урала и Сибири, администраторы Урала и Москвы, прорабатывались сложные вопросы внеакадемического финансирования, сбора огромного фактического и иллюстративного материала.

Дело в том, что по этой далекой окраине государства с экстремальными природно-климатическими условиями, слабой заселенностью, крайне незначительным исследовательским потенциалом, а с другой стороны, в связи с мировой известностью по добыче нефти и газа, не существовало обобщающих исторических исследований археологического, этнографического, конкретно-исторического плана. Много приходилось начинать с нуля. С этой целью был создан Ямальский филиал Института истории и археологии, проведено несколько крупных научных экспедиций, конференций, авторских совещаний, опубликовано около трех десятков монографий, сборников статей и документов. Состоялось специальное выездное заседание Президиума УрО РАН в Салехарде. Особую трудность представляла выработка структуры и методологии исследований. В качестве методологической основы после долгих дискуссий было принято цивилизационное своеобразие российских модернизаций, а структура издания приняла вид двухтомника в четырех книгах¹.

Среди регионов мира Ямальский является одним из богатейших по культурному потенциалу, ресурсным запасам, по градусу пассионарности населяющих его обитателей. Он занимает особое место в рамках планетарной циркумполярной зоны. Своеобразие Ямала связано, во-первых, с его пограничным положением между европейским и азиатским северными ареалами, с его контактным

*Символ
столицы ЯНАО
г. Салехарда
«Полярный круг»*

¹ История Ямала: в 2 томах / Под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2012. Т. 1. Ямал традиционный. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы. 416 с., Кн. 2. Российская колонизация. 342 с.; Т. II. Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации. 386 с., Кн. 2. Индустриальное развитие. 328 с.

характером; во-вторых – с удивительной по сравнению с другими регионами Европы и Северной Америки сохранностью традиционной культуры. И, в-третьих, оно обусловлено той важной ролью, которую он играл в процессах освоения восточных территорий России, становлением Российской цивилизации, и тем, что сегодня он сохраняет ведущее значение в энергетическом обеспечении экономического развития страны, да и значительного числа стран Евросоюза.

Это своеобразие глубоко проанализировано в названном фундаментальном труде. Он является первым академическим обобщающим историческим исследованием края, освещающим развитие Ямала с глубокой древности до конца XX века в широком общероссийском контексте. Опираясь на цивилизационную парадигму, авторский коллектив дал комплексную характеристику жизнедеятельности уникального арктического региона, включающую такие значимые аспекты как формирование и дальнейшая эволюция моделей освоения человеком северных широт, складывание и совершенствование систем хозяйственной и биологической адаптации, взаимовлияние культур в широтном и меридиональном направлениях, механизмы сохранения и передачи этнических традиций, вхождение края в состав Российского государства, административно-управленческая, экономическая, культурно-цивилизационная интеграция края в страновое пространство. Проанализированы процессы модернизации, развернувшиеся в XX столетии. Предпринята попытка осмысления

*Ямальская
тундра*

исторического опыта социально-демографического, экономического, общественно-политического и культурного развития Ямала в условиях интенсивного нефтегазового освоения второй половины XX века. Осмыслен исторический опыт освоения и включения в сферу государственных интересов России огромного северного региона на пути от традиционного к индустриальному обществу.

Нефтяная скважина на Ямале

С одной стороны, «История Ямала» рождалась на базе ряда гуманитарных проектов, а с другой стороны, выйдя в свет, она породила новые проекты. В 2011 году был реализован государственный контракт с Департаментом науки и инноваций Администрации ЯНАО на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Опыт инновационной региональной политики на российском и зарубежном Севере. Социально-управленческая сфера (XX – начало XXI вв.)» (рук. К. И. Зубков). Научно-исследовательская работа в рамках выполнения данного контракта была сфокусирована на анализе зарубежного и российского опыта северной региональной политики в XX веке как базы формирования ее новой парадигмы – инновационной региональной политики развития Севера. Исследовательским коллективом обосновано понятие «инновационная региональная политика», выявлены ее особенности применительно к условиям Севера, задачам его дальнейшего освоения и развития, определена ее новизна в социально-управленческом аспекте по сравнению с традиционными моделями региональной политики на Севере.

Становление основ инновационной региональной политики на зарубежном и российском Севере на рубеже XX–XXI веков изучалось на базе комплексов оригинальных документов правительств северных стран (Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Канада, США, СССР/Россия), посвященных разработке стратегий регионального развития Севера на перспективу XXI века. Такие стратегии освоения Севера и Арктики были приняты всеми северными государствами в 2006–2011 годах в условиях обострения борьбы между ними за геополитическое, экономическое и военное присутствие в Арктике. Тщательному анализу подвергнуты также различные региональные программы, правительственные отчеты и другие документы, касающиеся северного развития. Основное внимание исследовательского коллектива было сосредоточено на социально-управленческих

аспектах северной региональной политики, что позволило выявить ее наиболее общий абрис, составить представление об изменении ее целевых ориентиров, секторально-отраслевых пропорций, финансовых приоритетов, методов и инструментов при переходе к инновационной парадигме развития Севера.

В 2012 году по заказу «Научного центра изучения Арктики» началось изучение «Модели пространственной организации социума в процессе освоения российской Арктики XV–XX вв. (рук. И. В. Побережников). Разработаны теоретико-концептуальные основы исследований, определено содержание понятий «пространственная организация», «пространственный порядок», «пространственная динамика», «эволюция пространственной структуры», модель пространственной организации применительно к процессам российского освоения Арктики на базе синтеза концепции «пространственных социальных порядков». Составлена библиография зарубежных и отечественных публикаций по данному вопросу. Осуществлена апробация разработанного теоретико-методологического подхода на материале ЯНАО. Опубликованы материалы, посвященные теоретико-концептуальным и программным вопросам проекта организации социума в процессе освоения российской Арктики в сравнительной перспективе.

Проанализированы особенности пространственной организации арктических социумов в условиях современной глобализации, актуализирующей проблемы развития северных регионов планеты не только как потенциальных объектов освоения, но и с точки зрения их перспективного позиционирования в общемировой структуре экономических, социальных и культурных возможностей человечества. Установлено, что традиционная зависимость развития Севера, и особенно Арктики, от темпов и масштабов ресурсной эксплуатации с начала XXI века сменяется ориентацией на инновации, что впервые делает важнейшим условием общего прогресса северных территорий мира человеческий капитал. Поэтому все современные оценки прогресса, достигнутого северными территориями, фокусируются на положении его населения.

Прежние способы эксплуатации ресурсов Севера имели своим следствием определенные параметры социально-демографического развития: как правило, редкое, разбросанное на огромной территории население, для которого в целом были типичны более низкий, чем на юге, уровень образования, худшие показатели состояния здоровья, большая уязвимость перед безработицей. Значительная удаленность Севера от расположенных на юге центров политики и культуры дополняет этот негативный фон психологическим дискомфортом – чувством изоляции от «большой» и «настоящей» жизни. Концентрированным отражением этих тенденций становится миграция с Севера в расположенные на юге более крупные города самой молодой и перспективной части его населения. Основной мотивацией этого механического оттока

населения является поиск открываемых глобализацией больших жизненных возможностей и более разнообразных удобств.

На основе новой методологии проанализировано место региона Ямал в общестрановых модернизационных процессах на протяжении XIX – начала XX века. Установлено, что при доминировании традиции общестрановые модернизационные процессы, тем не менее, оказывали

Дети Ямала

влияние на регион. К началу XX века были достигнуты определенные успехи в интеграции крайнего севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Однако процессы интеграции протекали неравномерно и в различной степени захватили компоненты общества. Реальностью края оставались полиморфизм, многоукладность в сфере социальных отношений, в экономической области, в институционально-политической и в социокультурной.

Анализ демографических аспектов пространственной организации социума в процессе освоения Ямальского Севера показал, что особое экономико-географическое положение Ямало-Ненецкого округа предопределило особый состав и особенности развития его населения. Последнее, в конце XIX – первой трети XX веков характеризуясь подавляющим удельным весом представителей коренных этносов в своей структуре, в дальнейшем формировалось как за счет их прироста, так и в немалой степени за счет крупных внешних миграционных потоков, носивших в рассматриваемый период преимущественно насильственный характер. Результатом хозяйственного освоения территории края в первой половине XX века стало постепенное проникновение в районы традиционного проживания коренного населения пришлых жителей, которые, наращивая свое присутствие в составе населения региона, неизбежно усложняли ее структуру, увеличивали общую численность населения округа, развивали его поселенческую сеть.

Разработаны принципы формирования инновационных подходов к организации систем регионального управления на российском Севере, которые должны представлять собой комплексное единство экономической, социокультурной и управленческой стратегий; иметь в качестве артикулированной цели благосостояние человека и воспроизводство человеческого капитала; быть ориентированными на выход из институциональных

ловушек; иметь оптимальный баланс между ответами на вызовы глобальной экономики, потребностями промышленного роста и качеством среды обитания.

По предложению того же центра создан учебно-методический комплекс «История Ямала» (рук. Г. Е. Корнилов). Разработана программа курса «История Ямала», которая соотносена с фундаментальным ядром содержания общего образования по истории и программой курса истории России. Она представлена в трех вариантах: в качестве систематического, элективного и кружкового курса для учащихся основной школы. Написан учебник в соответствии с требованиями, предъявляемыми к учебникам Федеральным экспертным советом по учебной литературе. В хрестоматии «Ямал в панораме российской истории» представлены различные письменные исторические источники, дополняющие и иллюстрирующие основные положения текста учебника. Знакомство с историей и культурой региона позволит учащимся изучить и оценить его природные и культурные богатства, опыт взаимодействия народов, населяющих Ямал, осознать значимость региона для современной России. Погружение в прошлое и осмысление настоящего Ямала важно также с точки зрения определения перспектив проживания в данном регионе, выбора жизненной траектории подрастающим поколением. Обращение к истории края чрезвычайно важно, так как способствует социализации личности, расширяет кругозор учащихся, приобщает их к духовно-нравственным ценностям, национальной культуре, формирует чувство уважения к предкам, культурным ценностям, целым народам и каждому человеку в отдельности.

Взаимодействие с руководством Свердловской области было менее масштабным. Остановлюсь на необычном примере. Вскоре после вступления в должность губернатора А. С. Мишарин пригласил к себе ведущих ученых Уральского отделения РАН.

*Председатель
правительства
Свердловской
области В. Кок-
шаров (справа)
и Председатель
Уральского отде-
ления РАН В. Ча-
рушин (в центре)
в Институте
истории и архео-
логии, 2009 год*

Академики разных специальностей вносили предложения по использованию их научных результатов в экономике области. Под конец встречи очередь дошла до меня. Мое предложение стало неожиданностью – откорректировать имидж Урала в глазах зарубежной общественности в связи с необходимостью увеличения инвестиций. Напомнил, что Урал широко известен своим промышленным потенциалом, но он нередко за границей воспринимается сквозь призму других неблагоприятных факторов – расстрела царской семьи и использования автомата Калашникова в многочисленных кровавых конфликтах. Этому необходимо противопоставить славное экономическое и духовное прошлое региона. Губернатор спросил: «А вы располагаете для этого убедительным материалом?». В ответ наш Институт передал администрации области большой невьянский антикварный сундук, битком набитый книгами сотрудников, что вызвало немалое удивление.

На базе совместного научно-образовательного центра «Социальная история» Института и Уральского федерального университета по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» выполнено несколько проектов. Остановлюсь на одном из них. Он называется «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов» (рук. Д. А. Редин). В процессе проведенного исследования специфицировано переходное качество эпохи модернизации, то есть периода движения от традиционности к современности. Модернизационный транзит характеризуется как сложный «агрегат», имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых существенно варьировала. Установлено длительное сосуществование в контексте переходной эпохи разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционировали в плотном историческом контексте, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям.

На основе сопоставления различных познавательных моделей, применяемых при изучении процессов перехода от традиционного к современному обществу, была разработана усовершенствованная теоретическая схема модернизации, которая включает социокультурную обусловленность процессов развития, многовариантный и циклический характер транзитных процессов, влияние на результаты модернизации внешнего контекста; в теоретическую модель был включен фактор исторической случайности, подчеркивающий роль социальных акторов, обладающих возможностью трансформировать исторические ситуации. Пересмотру подверглось прежнее жесткое представление о системном характере процесса модернизации, на смену которому пришло понимание разновекторного поведения различных социальных сегментов, приводящего к постоянным

В суровую зимнюю пору...

противоречиям и конфликтам, требующим рефлексивного разрешения в контексте модернизационного перехода.

Очевидно, что наряду с объективными мотивами, побуждающими социальные структуры к адаптации, существенную роль в этом процессе играют субъективные установки. Адаптирующаяся социальная структура может стремиться предельно сохранять свою особость по отношению к среде, добиваясь лишь равноправного или, по крайней мере, нейтрального положения по отношению к другим социальным структурам; может преследовать цель форсированного вертикального восхождения в социальной

иерархии общества-реципиента при сохранении относительной собственной идентичности; может осознанно взять курс на ассимиляцию. Эти субъективные мотивы весьма существенно влияют как на стратегию, так и на результаты адаптации.

Принципиальные различия в формировании социальных форм модерна, представленных, в первую очередь, в сфере гражданской активности в России и европейских странах, касаются степени политической зрелости и самостоятельности гражданских ассоциаций. В самом деле, автономия гражданских ассоциаций Запада, имевшая длительную историю развития, была шире, средний класс – мощнее и многочисленнее. Это создало объективную предпосылку как для формирования определенных политических позиций гражданских структур, так и для относительно широкого проникновения в общественное сознание политических идей и теорий.

В России гражданские организации находились под опекой власти; их деятельность касалась главным образом социальной сферы, была лояльна по отношению к государству и политически не ангажирована. В странах Запада гражданское сообщество активно принимало участие в политической жизни через целую систему представительских учреждений. Там уровень гражданского развития создавал возможности для формирования политических партий, готовых отстаивать на региональном и национальном уровне определенные политические идеи. В России предпосылки для создания легальных и относительно массовых политических партий были несопоставимо слабее. При всей аполитичности и лояльности общественных организаций России именно они вольно или невольно становились основой развития либеральных идей, реформаторских движений и оппозиции политического абсолютизма. При первой возможности легального политического самовыражения русское общество ответило взрывом политической активности. Начало XX века показало весь

спектр русского либерального политического движения, со своими правым и левым флангами, не таким уж беспомощным и недееспособным, как принято изображать в научной литературе.

Совместно с Уральским федеральным университетом осуществляется проект «Урал в системе евразийских взаимодействий: гуманитарный аспект». Его цель состоит в изучении исторических оснований и характеристике роли современных политико-экономических, социально-институциональных и культурных факторов, детерминирующих межрегиональное взаимодействие в евразийском пространстве в широком геополитическом контексте, обобщение опыта государственного регулирования этих процессов в России и сопредельных государствах в интересах повышения обоснованности управленческих решений. Исследования позволяют создать объективную картину динамики интеграционных связей регионов постсоветского пространства в разных исторических условиях; выявить геополитические приоритеты в системах межрегиональной интеграции и их преемственность; провести гуманитарную экспертизу программ сотрудничества регионов.

Интересные результаты получены в ходе реализации российско-китайского проекта «Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны» (рук. В. В. Алексеев и Ли Чунлун), что имеет не только историческое, но и современное практическое значение для формирования миграционной политики России. В историографии известны исследования о китайской эмиграции на Дальний Восток, но почти не существовало информации об этом процессе на Урале. Вышедшая в 2010 году монография по данному вопросу ликвидировала этот пробел. В нее включены материалы 30 фондов государственных архивов, охватывающих

*Профессор
Ли Чунлун
(справа)*

период 1913–1917 годов и обширные комментарии к ним. Публикация состоит из трех разделов: «Трудовая миграция китайцев на Урал – политико-правовые условия»; «Условия труда и быта китайских рабочих»; «Конфликты с участием китайских рабочих». К сентябрю 1917 года на уральских предприятиях было занято 11 тыс. китайцев, то есть каждый 10-й рабочий был китайцем. Они трудились на тяжелых работах в горно-рудной промышленности и на лесозаготовках, компенсируя убыль местной рабочей силы в связи с призывом в армию в годы Первой мировой войны, что имело важное народно-хозяйственное значение. В ходе революции и гражданской войны большая часть китайцев покинула Урал, но небольшое количество осталось до конца 20-х годов. К началу 30-х китайская диаспора исчезла.

Выход этой книги не случаен, поскольку в двухтысячные годы мне приходилось много взаимодействовать с китайскими коллегами, особенно с одним из ведущих специалистов по истории России вице-президентом Академии марксизма при Китайской Академии общественных наук У Энюанем. В 2000 году первая после полувекового перерыва встреча с Пекином удивила кардинальными изменениями в нем. Оставаясь восточным городом, он поражал высотными современными зданиями, построенными, тем не менее, в национальном стиле. Время замерло лишь на площади Тяньаньмэнь и в дворцовом комплексе Гугун. Китай восхищал исключительным динамизмом развития экономики, культуры, науки.

Осенью 2003 года в Пекине состоялась крупная Международная научная конференция «Русская идея и судьба России». Выступая на открытии конференции Чрезвычайный и Полно-

*Среди участников
форума «Мысли-
тели XXI века»
(Пекин, КНР)*

мочный Посол России в КНР И. А. Рогачев, отметил, что «тема «русской идеи» очень актуальна и сегодня, несмотря на то что поиском и определением ее занималось не одно поколение ученых не только России, но и многих стран мира». Мой пленарный доклад «Судьба России в XX веке» вызвал большой интерес и множество вопросов. Ответить на них было предложено в загородной резиденции у Великой Китайской стены. Собралось около 70 человек. Дискуссия продолжалась до позднего вечера, в конце которого российский посол благодарил за квалифицированные ответы на многие острые вопросы. В 2006 году довелось участвовать в Международном форуме «Мыслители двадцать первого века» в Пекине.

В сентябре 2007 года в Нанкине проходила Международная научная конференция «Октябрьская революция и восточный путь». На нее съехались представители разных стран. Мне было предложено приветствовать конференцию от имени иностранных ученых. В своем выступлении подчеркнул необходимость объективного подхода к оценке крупнейшего события XX века, не допустить превращения «белых пятен» в его освещении в «черные». Большинство ораторов поддержали такой подход. В докладе «Русская революция в контексте индустриальной цивилизации» сконцентрировал внимание на вопросе о том, почему в преимущественно аграрной стране победила пролетарская революция, и как она стала индустриальной державой. Такой подход вызвал оживленную дискуссию. После конференции состоялось несколько любопытных экскурсий. Первая – к мемориалу основателя Китайской Республики Сунь Ятсена. Впечатлила мраморная лестница, ведущая к нему. В ней 392 ступени, символизирующих 392 млн китайцев, живших в стране на момент смерти вождя в 1925 году. Так китайцы чтят лидера нации.

Обычно после выступления на крупных форумах мне предлагали посетить провинциальные университеты. В одном из них моя лекция привлекла более 500 студентов. Вопросы сыпались градом. В конце официальной встречи подошел студент второго курса

В командировке в Китае

В президиуме конференции в Нанкине (КНР)

*На Великой
Китайской стене*

и попросил объяснить причины распада Советского Союза. При этом он рассказал, что был потрясен случившимся и пытался найти ответы в трудах Мао Цзедуня и Ленина, но тщетно, предпосылок не обнаружил.

В другой раз состоялась поездка на могилу Конфуция. Несмотря на то что он умер почти за половину тысячелетия до новой эры, интерес к нему не угас до сих пор. Могила тщательно сохраняется, ее не дали разрушить даже хунвэйбинам во время культурной революции. Более того, в районе могилы находится кладбище, где хоронят только его родственников. А рядом город, в котором живут его наследники. Китайцы свято хранят память о своих великих предшественниках, не то что в России, где почти каждый новый правитель подвергает уничтожающей критике своих предшественников. Возвращаясь с мемориала Конфуция, на одном из

сельских рынков встретился с крестьянином-миллионером. На вопрос о том, как ему удалось добиться этого, он ответил, что упорно трудился и умело продавал свою продукцию, в отличие от русских, которые неуважительно относятся к торговле.

В ноябре 2004 года читал цикл лекций по русской истории в Цзилинском университете. Это одно из крупнейших учебных заведений Китая. Его кампус около Чанчуня занимает огромную территорию, насчитывает много прекрасно оборудованных корпусов. Лекции предназначались молодым преподавателям и аспирантам. Их набиралось больше сотни. Переводил профессор Ли Чунлун. Слушали очень внимательно. Задавали много вопросов, а после лекций обычно устраивался обед из множества китайских блюд, в котором принимали участие руководители факультета, преподаватели, аспиранты, студенты. Здесь проходил обмен мнениями, звучали цитаты и шутки, которые было поручено записывать за мной одному из молодых сотрудников. Однажды, прибыв в корпус гуманитариев, обнаружил большую красивую рекламу с моей фотографией, а под ней цифру 20. Оказалось, что я двадцатый лектор по проблемам Российской цивилизации, причем первый русский среди американцев, англичан, немцев и др.

Позвали в Чанчунский педагогический институт. Во время лекции в битком набитой аудитории обратил внимание на китайца старше других. Это был историк – владелец фирмы по производству медицинских препаратов. Он пригласил нас с женой в ресторан, а потом в свою фирму, где мы наблюдали новейшие лекарства, только что входящие в медицинскую практику. На прощание состоялась лекция в Хейлудзянской

Академии наук (г. Харбин), которая обсуждалась десятком крупных китайских ученых и получила высокую оценку. Почти месячное пребывание в Китае (Далян, Чанчунь, Харбин) позволило глубже познакомиться с экономикой, наукой, культурой, обычаями китайцев, которые заслуживают глубокого уважения и понимания.

Не менее интересно участие в европейских научных форумах. В августе 2000 года на девятнадцатом Мировом конгрессе исторических наук в Осло (Норвегия) было поднято множество исторических проблем. Их анализ не предусматривается в данном тексте, коснемся только интерпретации исторического процесса в России. В докладе В. В. Алексеева и Е. В. Алексеевой «Модернизация России: назад в будущее?» сформулировано отношение к концепции модернизации и ее преломлению к российской истории. Авторы исходят из тезиса о том, что исторический процесс определяется сменой технологических способов производства, а модернизация – переход от традиционного, аграрного к современному индустриальному обществу, начатый 500 лет тому назад в Западной Европе, есть явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен мировой истории. Теория модернизации в какой-то степени близка марксизму, хотя они расходятся в трактовке механизмов общественных перемен. Их основным отличием является то, что марксова социальная теория относится к конфликтным моделям, а теория модернизации – к эволюционным. В отличие от теории модернизации, торившей универсальный большак к идеалу – современному обществу западного типа, марксистская теория допускала различные пути, ведущих к заветной коммунистической цели.

В докладе отмечается, что в начале XX века перед Россией стояла дилемма: идти по пути модернизации, следовательно, повторить давно пройденное западными нациями для того, чтобы не отстать от передовых стран, то есть двигаться назад в свое будущее, или идти самобытным путем, приспособив западные новации к своим традициям. Она пошла промежуточным

*Рыбалка
в норвежских
фьордах*

путем, пытаясь использовать пройденное Западом, но не на своей самобытной основе, а опять-таки на западной марксистской теории пролетарской революции и социализма. На этом пути были достигнуты определенные успехи, но окончательной победы социализма достигнуть не удалось. Российская модернизация застопорилась на перепутье между XX и XXI веками. Снова пришлось определяться в перспективах своего развития для того, чтобы заклинившие жернова российской истории, перемолов и переломав столько судеб, закрутились в конце концов не вхолостую, а эффективно и производительно.

В ноябре того же года в Акурейри (Исландия) проходил форум северных исследований, который назывался «Север встречается с Севером». Мой исторический доклад «Российский Север на перепутье эпох» потонул в серии многочисленных практических выступлений по проблемам арктической политики и ее осуществления разными странами. Зато Исландия существенно пополнила мое представление о Севере. На первый взгляд она сурова: каменные плато, очень скудная растительность, бесконечная даль океана с серыми верхушками волн. Однако ее согревает Гольфстрим и многочисленные гейзеры. Настоящих холодов здесь не бывает, хотя ноябрьский морозец при сыром ветре с Атлантики давал о себе знать.

В памяти осталось посещение Арктического университета в Акурейри, где в отличие от наших вузов преподавание носит сугубо практический характер: олени, собачьи упряжки, рыболовные снасти, ловля и обработка рыбы и т. д. В столице республики – г. Рейкьявике состоялась встреча с Президентом республики Олафуром Гримссоном, который пригласил к себе домой на ужин группу участников форума. Его дом на пустынном берегу океана поразил удивительной простотой: несколько комнат с почти деревенской мебелью и специфической утварью. Хозяин с северной добросердечностью и теплотой провел с нами целый вечер, угощая национальными блюдами. Много рассказывал, как в Исландии используются экстремальные условия в интересах человека: тут и небольшие геотермальные

*На конгрессе
в г. Хельсинки
(Финляндия)
академики
Ю. Поляков,
В. Алексеев,
Б. Ананич,
А. Фурсенко*

электростанции, жилища из специальных недорогих конструкций, защитные сооружения от шквальных северных ветров, материальное и моральное стимулирование поморов, удовлетворение их культурных потребностей и др.

Для участия в работе XIV Международного Конгресса экономической истории в Хельсинки (август 2006 года) прибыли академики В. В. Алексеев, Б. В. Ананич, В. А. Виноградов, Ю. А. Поляков,

*Круглый стол
в Будапеште.
2009 год*

А. А. Фурсенко. На вокзале нас встретил Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Финляндии А. Ю. Румянцев. Пригласил в свою машину, но все в нее не входили, тогда он галантно предложил посадить первой женщину (мою жену). Мы с Валей поехали в отель, а академики во главе с послом остались на вокзале. Возникшая неловкость растворилась в шутках, когда дипломат пригласил нас к себе в посольство.

Этот конгресс был самым представительным из всех предшествующих, начиная с их организации в 1960-х годах. В нем участвовали почти полторы тысячи человек. В 123 секциях прозвучало около тысячи докладов. Мой посвящался региональным аспектам российской модернизации, обсуждался в секции № 98 «Экономические отношения империй с их окраинными регионами в XIX–XX вв.». Конгресс проходил в корпусах Хельсинкского университета, связанного с именем Российского императора Александра I. Уникальна Славянская библиотека университета, одна из крупнейших в Европе. Она имеет долгую и сложную историю. В ней хранится множество редких книг по русской истории. Персонал библиотеки исключительно квалифицирован. Сотрудники говорят на нескольких иностранных языках.

В 2005–2010 годах состоялось несколько визитов в Венгрию и Сербию. В Центре русистики Будапештского университета (рук. профессор Дюла Свак) прошли конференции по региональным школам русской историографии и уралистике, которые продемонстрировали международную значимость трудов уральских историков. В Сербии удручающее впечатление произвели следы натовских бомбардировок Белграда. Мое

*На берегу Дуная
(Венгрия). Слева
профессор Д. Свак*

*В Париже
(Франция)*

удивление вызвали бурные аплодисменты при упоминании имени Сталина на лекции о роли СССР во Второй мировой войне.

Обо всех зарубежных визитах не напишешь. Их состоялось более пятидесяти, преимущественно за счет принимающей стороны. Расскажу о последнем, седьмом, посещении Парижа. Оно состоялось в ноябре 2008 года, когда был приглашен Домом наук о человеке на презентацию шеститомного издания документов «Общество и власть: Российская провинция 1917–1985 гг.» под моей редакцией. В выступлении перед большой аудиторией поставил несколько животрепещущих проблем взаимоотношений народа и власти в России. Приведу несколько тезисов из него. Проблема общества и власти всегда была сложной для России, особенно после реформ Петра I, когда в XVIII веке образованная по европейским меркам верхушка общества отмежевалась от многомиллионной массы неграмотного крестьянства. В XIX веке была сформулирована триада «Самодержавие. Православие. Народность», которой предстояло символизировать единство власти и народа, но революционные события начала XX века похоронили ее. После революции, с одной стороны, большинство народа воодушевилось гигантской социальной трансформацией и терпело лишения ради достижения «светлого будущего» – коммунизма. С другой стороны, сначала обиженные революцией слои, а затем значительная часть народа, разочаровавшись в советской власти, выступили против нее, похоронив под обломками дискредитировавшегося режима могущество великой державы. На развалинах советской власти в эпоху Горбачева

и его «нового мышления» начали оживать «истинный марксизм» и «истинная демократия», но они вскоре переросли в искоренение привилегий и утверждение либеральных ценностей, провозглашенных Ельциным. Борьба с привилегиями кончилась невиданной коррупцией, а либерализм – служением интересам противников России.

Западная трактовка взаимоотношения власти и общества в России основывалась на страшилке коммунистической угрозы, которая после краха троцкистско-ленинской идеи мировой пролетарской революции, а позднее – опасности всемирного ядерного коллапса потеряла всякий смысл. Между тем в ходе мировой индустриальной модернизации XV–XX веков аналогичные проблемы взаимодействия власти и общества отмечались и в западном мире. Например, там массовая экспроприация крестьянских земель в связи с развитием промышленности привела к практически полному исчезновению крестьянства. Или другой факт: в годы Второй мировой войны переселение некоторых народов СССР с их исконных территорий в глубь государства по причине симпатий к фашизму объявляется «чудовищным преступлением сталинского тоталитаризма», тогда как подобные меры в США против лиц японского происхождения, а в Англии – немецкого, всячески замалчиваются. Такой двойной стандарт в обществоведении недопустим. Вот это-то и стало «пусковым крючком» дебатов в Париже после моего выступления. Развернулась острейшая дискуссия, которая завершилась согласием с моими взглядами части молодых профессоров. Любопытно, что после официальной встречи ко мне подошли ученые с предложениями разработки совместного проекта на материалах Нижнего Тагила. На вопрос: «Почему именно на этих материалах?» – последовал ответ: «Потому что там самая большая колония заключенных». Вот в чем, оказывается, главный интерес к сегодняшней России! Это следствие нагнетаемого ажиотажа вокруг вопроса о правах человека в нашей стране.

Много усилий тратилось на организацию проведения научных конференций внутри страны: общероссийских, уральских, посвященных конкретным проблемам и юбилейным датам. Всего за годы своего существования институт провел около 150 научных конференций, семинаров, школ, на которых присутствовали сотни ученых из российских и зарубежных научных центров. Они решали назревшие

*Французский профессор
Ф. Кокен на юбилее
В. Алексеева.
В центре – внучка Алина*

Семья сына Алексея и дочери Елены

научные проблемы, выдвигали и обсуждали новые идеи. В начале июля 2004 года в Екатеринбурге состоялась Международная научная конференция «Социальные трансформации в российской истории», посвященная моему 70-летию. На ней решались три основные группы взаимосвязанных проблем: цивилизационная динамика России в контексте мировой истории; региональные аспекты российской модернизации; онтология революций и реформ. Она привлекла большое количество докладчиков, коллег и друзей юбиляра, ознаменовалась многочисленными приветствиями, а также поздравительными телеграммами Президента РФ В. Путина и Президента РАН Ю. Осипова.

Важной формой организации научных исследований стали проекты и гранты различных государственных структур и фондов. За последние пять лет по программам фундаментальных исследований Президиума РАН осуществлено 6 проектов, программ отделения историко-филологических наук – 17, конкурсам Российского гуманитарного научного фонда – 45,

Поздравительные телеграммы Президента РФ В. Путина и Президента РАН Ю. Осипова

грантам Президента РФ – 3. Продемонстрирую их тематику и результаты на примере двух своих проектов. Первый пример – проект Президиума РАН «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект». При его осуществлении впервые в историографии на основе синтеза цивилизационного и модернизационного теоретических подходов определена культурно-цивилизационная специфика российской модернизации, место страны в мировом процессе цивилизационной и модернизационной динамики. В результате представлена теоретико-концептуальная модель модернизации в российском цивилизационном контексте. В рамках этих исследований также произведен анализ процессов диффузии инноваций в истории. Проанализирована проблема распространения нововведений в контексте российских модернизаций. Выявлены закономерности и особенности процессов импорта и усвоения инноваций в промышленности, экономике, обществе, повседневности, их влияние на природу российских социальных институтов и систем культуры. Результаты исследований обобщены в серии монографий и сборников научных статей.

Второй пример – три гранта Президента РФ по поддержке моей ведущей научной школы по проблемам модернизационной динамики России. Она провела комплексное многоуровневое исследование российских модернизаций. Впервые выявлен механизм взаимодействия модернизационных процессов в страновом, региональном, локальном масштабах, взаимовлияние макро-, мезо- и микроуровней на формирование российской модели модернизации. Опора на многоуровневый подход дала возможность по новому взглянуть на модернизационные процессы в России, получить новые научные данные о динамике и темпах индустриализации, урбанизации, профессионализации, формировании сферы гражданской деятельности в общероссийском, региональном и локальном преломлении, о восприятии данных процессов различными социокультурными группами. Научные результаты нашли отражение в многочисленных статьях и коллективной монографии «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микро-процессов».

С каждым годом нарастала публикаторская активность сотрудников Института. В общей сложности ими опубликовано свыше 300 монографий и более 170 научных сборников. Примечательно, что большая часть монографий издается за счет привлечения средств через гранты и хозяйственные работы. Результаты ученых публиковались не только в Екатеринбурге, но и в Москве, Кембридже, Оксфорде, Париже, Нью-Йорке, Пекине,

На выставке трудов института

*Академик
В. Черешнев*

Будапеште и других городах мира. За последние годы резко выросло количество публикаций в рецензируемых журналах ВАК.

В результате многочисленных сокращений предельная численность коллектива Института Президиумом Уральского отделения определена в 96 человек, в том числе 60 научных сотрудников. Среди них два члена Российской академии наук, 25 докторов и 30 кандидатов наук. Доля исследователей в возрасте до 39 лет составляет 35%, средний возраст 45 лет. Четверть средств от внутренних затрат Института покрывается за счет внебюджетного финансирования. В Институте работает научная школа по истории российских модернизаций, которая фактически переросла в Уральскую академическую школу историков, получившую международное признание. Ученые Института регулярно выезжают за рубеж для участия в научных форумах и чтения лекций в уни-

верситетах Великобритании, США, Франции, Италии, Венгрии, Норвегии, Польши, Китая, Индии и других странах.

Обращаясь к проблеме кадров Института, хочется высказать много добрых слов о его сотрудниках, которые преданы исторической науке, внесли весомый вклад в ее развитие, но всех не назовешь, выделять одних в ущерб другим не стоит. Коснусь только ключевых фигур. Евгений Тимофеевич Артемов – мой заместитель по научной работе, Николай Анатольевич Михалев – ученый секретарь, молодой перспективный ученый. Алена Александровна Кондратьева – главный бухгалтер, глубокий знаток своего дела, исключительно ответственный работник. Елена Маратовна Иванова – референт директора – исполнительный, отзывчивый человек, надежный помощник. С этой командой дружно проработал много лет без всяких сбоев, за что ей бесконечно благодарен.

Забываясь о своем преемнике, в 2003 году выдвинул в члены-корреспонденты РАН Андрея Владимировича Головнева. Он был избран, но не проявил должного интереса к научно-организационной работе, даже отказался возглавить сектор этноистории, организованный специально для него, не создал научную школу, увлекся визуальной антропологией. Но в нынешней ситуации во главе академического Института должен стоять не просто известный ученый, а к тому же хороший администратор, соответствующий рыночным условиям. Между тем из числа сотрудников Института выросли два крупных вузовских руководителя. Михаил Николаевич Денисевич стал ректором Уральского гуманитарного института, а Сергей Павлович Постников – ректором Уральской архитектурно-художественной академии.

Институт активно включен в научную и общественную жизнь Уральского отделения. Наиболее полно это проявилось в работе Дома ученых. Создать его было непросто. Такая структура не значилась в составе Отделения, и получить средства для нее не было никакой возможности. Тогда я предложил председателю отделения В. А. Черешневу открыть его на базе нашего Института, что и произошло в декабре 2000 года. Для Дома ученых как нельзя кстати подходил памятник архитектуры, в котором мы располагались. Сотрудники Института разработали программу, открыли клубы по интересам, организовывали всевозможные выставки и вечера по проблемам науки, поэзии, живописи, медицины, новогодние приемы и елки для детей. Работал интеллектуально-деловой клуб, объединяющий в своих рядах представителей академической, отраслевой и вузовской науки, а также деловые круги, заинтересованные в укреплении сотрудничества и внедрении передовых технологий. Материалы «Круглых столов» Клуба публиковались в периодических изданиях, неизменно вызывая интерес у читателей.

27 декабря 2012 года состоялся последний Новогодний прием Председателя УрО РАН В. Н. Чарушина в Доме ученых. У меня настроение было далеко не праздничное. Чувствовалось приближение многолетней развязки гонений на Российскую академию наук и попыток Свердловской областной администрации выселить Институт из здания-памятника архитектуры XIX века. Об этом упомянул в своем выступлении перед гостями, что вызвало раздражение у оптимистов. Но на этот раз победил пессимизм: через полгода по инициативе Правительства РФ Академия оказалась на грани разрушения, а нашему Институту было предъявлено ультимативное требование покинуть красивое здание.

1 февраля 2013 года Институт отметил свое 25-летие. Преодолев невероятные трудности становления в условиях развала страны, он вырос в авторитетное научное учреждение России, получил международную известность. Сотни его монографий и тысячи статей прочно вошли в российскую историографию. По ряду направлений он сыграл важную инновационную роль. Научными исследованиями Института охвачены основные аспекты российской истории, его публикации представляют возможность как теоретического, так и фактического осмысления, с одной стороны, российской истории, с другой – региональной.

*У Новогодней елки
2013 года*

Они могут быть использованы как в многотомной истории страны, так и в освещении роли Уральского региона в истории России. Все это свидетельствует об эффективности работы института и его перспективах. Считаю создание и четвертьвековое развитие Института истории и археологии УрО РАН одним из главных своих научных результатов.

С юбилеем Институт поздравили крупные российские и зарубежные ученые, многочисленные государственные структуры, с которыми мы сотрудничаем. Приведу для примера выдержки из нескольких поздравлений.

«Глубокоуважаемый Вениамин Васильевич!

Сердечно поздравляю Вас и всех сотрудников Института истории и археологии Уральского отделения РАН со знаменательным юбилеем, 25-летием. Создание Института, без сомнения, стало одним из важнейших событий в истории Уральской академической науки, придало новый импульс ее развитию. За прошедшее время пройден значительный путь, остались позади трудности становления, связанные с вхождением в большую науку. Сегодня Институт является одним из ведущих исследовательских центров гуманитарного профиля, сложившаяся в нем под Вашим руководством Уральская академическая школа историков по праву заслужила признание как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Уверен, что интеллектуальные возможности возглавляемого Вами научного коллектива, помноженные на славные традиции и впредь будут служить на благо российской гуманитарной науки. Я очень горжусь, что был активным участником создания Института в 1988 году

*Руководители
Уральского
отделения РАН
на 25-летнем
юбилее
Института*

и искренне желаю новых перспектив, творческих идей, смелых решений и успехов во всех начинания. Вице-президент РАН, академик Г. А. Месяц».

Декан исторического факультета МГУ им. Ломоносова, академик РАН С. П. Карпов писал: «За 25 лет своей деятельности Институт получил высокую репутацию одного из передовых центров российской исторической науки. Ваши сборники научных статей и монографии, выпуски журнала «Уральский исторический вестник» оказывают заметное влияние на российскую историографию. Конференции, которые поводит Институт, имеют общероссийский резонанс».

В итоге второго этапа пребывания на Урале были покорены две вершины – создана Уральская академическая школа историков, получена высшая неправительственная награда – Демидовская премия (2006 год).

Вдали маячили новые вершины, но пришла пора остановиться в движении к ним и уступить дорогу молодым. Еще до юбилея Института поставил в известность Председателя Уральского отделения о том, что не намерен баллотироваться на очередной директорский срок, руководствуясь принципом: «Как важно вовремя уйти, чтоб навсегда потом остаться». Предложил на пост директора своего ученика, известного исследователя, талантливого организатора науки, поработавшего моим заместителем более десяти лет, доктора исторических наук Евгения Тимофеевича Артемова. В ходе рейтингового голосования на Ученом совете он получил сто процентов голосов, а затем был избран собранием Уральского отделения и утвержден Президиумом Российской академии наук. После выборов нового директора сдал все административные полномочия и по постановлению Президиума Российской академии наук от 21 мая стал советником РАН. Так завершилась моя почти шестидесятилетняя организаторская работа, начатая с первых студенческих лет.

Это совпало с началом кардинальной реформы РАН, объявленной Правительством РФ. Снова, как и раньше, оказался на перепутье эпох, от которого зависела судьба почти трехсотлетней Российской академии наук. Реформаторы попытались «запрячь Пегаса в плуг», что вызвало бурю возмущения в стране. Случился типичный российский парадокс – «созданное вчера считалось дурным завтра, и создавалось сегодня то, что было уничтожено вчера».

Е. Артемов

ТАЙНА ВЕКА

Хмурым июльским утром 1991 года сотрудники уральских силовых служб в тайне от руководства Института истории и археологии доставили археолога Л. Корякову в Поросенков Лог под Екатеринбургом и приказали вскрыть мостик под шпалами на Коптыковской дороге, где за плотным дощатым забором под дождем уже работали солдаты. Вскрытие обнажило груды человеческих костей, которые тут же были объявлены царскими останками, хотя еще долго из болотной хляби вылавливали их обломки, а костяки почти семь лет валялись на столах доморощенных и иноземных распознавателей, так и не сумевших убедить православный мир в их подлинности. Такое отношение к человеческому праху явно не христианское.

Оказалось, что еще в 1979 году екатеринбургский геолог А. Авдонин вместе с помощником Министра внутренних дел СССР Г. Рябовым вскрывали это погребение, изымали из него три черепа и возили их неизвестно куда в течение почти двух лет. Затем они были возвращены и обнаружены Л. Коряковой в ящике, который находился в том же могильнике. Вопрос о том, те ли черепа положены в ящик, остается открытым.

Такой зигзаг сделала посмертная судьба царственных великомучеников, которая началась в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Тогда по официальным данным из Ипатьевского дома в Екатеринбурге исчезла семья последнего российского императора Николая II, что стало одной из самых загадочных тайн XX века. Она долгое время была покрыта мраком государственных секретов, которые обросли пеленой мифов. Ее пытались разгадать многочисленные толкователи, породившие добрую сотню книг, но отделить здесь зерна правды от плевел непросто.

Археологические раскопки останков царской семьи, 1991 год

В этом трудном деле довелось поучаствовать и мне как директору Института, сотрудница которого вскрывала захоронение, а ее коллеги вели последующие поиски. Меня включили сначала в состав областной, а в последующем Государственной комиссии по царскому делу, что открыло возможность познакомиться с документальными материалами Президентского архива РФ, центральных и местных служб ФСБ, а также с позициями зарубежных коллег. Учитывая множество предшествующих публикаций, постараюсь представить проблему крупнее, не отвлекаясь на второстепенные детали, потерявшие ныне принципиальную значимость.

Широко известно, что после отречения от российского престола Николай II находился под стражей в Царском Селе. В августе 1917 года его вместе с семьей по настоянию масонов отправили в Тобольск. Об этом мне рассказал в Нью-Йорке Предводитель российского дворянства за рубежом князь Алексей Павлович Щербатов на основе предсмертного сообщения ему А. Керенского. Почему не в Англию, а в Тобольск? До конца не ясно и сегодня. В Тобольске бывший царь относительно спокойно прожил до апреля 1918 года. После началась серия загадочных, труднообъяснимых событий, приведших его к смерти, которая до сих пор остро дискутируется во всем мире.

Через неделю после ратификации Брестского мира, 1 апреля 1918 года, состоялось постановление Президиума ВЦИК, которое предусматривало усиление надзора за Романовыми в Тобольске и возможность их перевоза в Москву. Через пять дней вышло новое постановление

Члены Свердловской областной комиссии совместно с экспертами обсуждают проблему идентификации царских останков

*Государь
Император
Николай II*

*Государыня
Императрица
Александра
Федоровна*

*Комиссар
В. Яковлев*

о переводе всех арестованных с царем на Урал. Вывоз царской семьи из Тобольска объяснялся якобы подготовкой монархического заговора с целью освобождения Николая II и отправки его за границу. Однако ни колчаковский следователь Н. Соколов, ни советские исследователи не смогли это доказать. Тогда возникает вопрос: зачем советскому правительству понадобилось срочно вывозить царя? Исчерпывающего ответа на него нет. По мнению ряда советских и зарубежных историков, был взят курс на Москву, а далее мнения диаметрально расходятся. Одни считают, что там должен был состояться суд над Николаем II, другие видели в этом акте использование царской семьи на переговорах с немцами.

Секретная миссия по осуществлению перевозки царя была возложена на чрезвычайного комиссара ВЦИК В. Яковлева, который до недавнего времени оставался загадочной фигурой.

Одни считали его полномочным представителем советского правительства, другие называли предателем большевизма и пособником монархических сил. Работая в начале 1990-х годов с секретными архивами ВЧК, мне удалось в какой-то мере приподнять завесу тайны над этим человеком. Важным источником послужили его телеграммы в Москву по пути следования царского поезда в Екатеринбург и письма 1930-х годов генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину, наркому НКВД Н. Ежову, а также личное удостоверение, подписанное Ф. Дзержинским. Свое назначение он получил от председателя ВЦИК Я. Свердлова, который заявил при этом: «Совет народных комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал». Тут же в Екатеринбург ушла правительственная телеграмма: «Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева – доставить Николая в Екатеринбург живым и сдать Белобородову или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте. Сговоритесь в деталях с Яковлевым». Вместе с телеграммой в Государственном архиве РФ, где она была обнаружена, находится большой пакет инструкций, регламентирующих каждый шаг царской семьи и ее охранников.

Комиссар Яковлев появился со своим вооруженным отрядом в Тобольске в 20-х числах апреля. Он очень торопился. Сроки вывоза «багажа» (так в секретной переписке именовалась царская семья) были жесткие. Ранним утром 26 апреля Николай Александрович с Александрой Федоровной и их дочерью Марией были посажены в повозки и по льду Иртыша, готовому в любой момент тронуться, перевезены на другой берег. Через

сутки в Тюмени Яковлев посадил Романовых в поезд, который двинулся в сторону Екатеринбурга, но после первого же перегона изменил маршрут, пошел обратно – на восток к Омску. Яковлевская рокировка широко известна из ранее опубликованной литературы, но в чем ее смысл? Об этом гадают почти 100 лет. Ультрареволюционное руководство Урала увидело в таком шаге измену, предательство интересов революции и обратилось с телеграммой к Ленину и Свердлову, в которой требовало арестовать Яковлева и вместе с Николаем II доставить на расправу в Екатеринбург. Некоторые западные исследователи в действиях Яковлева тоже усматривают предательство, его стремление увести бывшего царя за границу. Отдельные российские авторы постперестроечного периода пытаются разглядеть в этой рокировке дьявольски хитрые замыслы центрального большевистского руководства. Возможно, что-то пока осталось за кадром, но имеющийся в нашем распоряжении обмен телеграммами между Яковлевым и Свердловым во время данного инцидента показывает, что все обстояло проще.

В самом начале своего трюка Яковлев телеграммой сообщил Я. Свердлову: «Только что привез часть багажа. Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа. Отряд особого назначения дал отпор, едва не дошло до кровопролития... Не добившись своей цели ни в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом... Если это расходится с центральным мнением, то безумие везти весь багаж в Екатеринбург... Предлагаем все это перевезти в Симский горный округ, где мы его сохраним как от правого крыла, так и от левого. Предлагаю свои услуги в качестве постоянного комиссара по охране багажа вплоть до ликвидации. Я вас предупредил, и теперь решайте».

В ответ на это Свердлов телеграфирует Уралоблсовету: «Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз – никакого вмешательства». А Яковлеву сообщает: «Немедленно двигай обратно в Тюмень. С уральцами договорились. Приняли меры – дали гарантии личной

Я. Свердлов

Голощекин и Белобородов принимают привезенных из Тобольска Государя, Государыню и Великую княжну Марию

ответственностью областников (имеются в виду екатеринбургские большевики. – В. А.)). Комиссар выполнил данную ему директиву – 30 апреля доставил Романовых в Екатеринбург и сдал под расписку председателю областного Совета А. Белобородову. Очевидно, что у центрального руководства был специальный план переброски Романовых на Урал, где сформировалось наиболее радикальное и надежное крыло партии, куда были перевезены многие ценности государства и секретные архивы. В 20-х числах мая бывший матрос, советский активист Павел Хохряков доставил из Тобольска в Екатеринбург дочерей Николая II Ольгу, Татьяну, Анастасию и сына Алексея со слугами.

78 дней, проведенных Романовыми в Екатеринбурге, наполнены множеством событий, в том числе загадочных. Этому была посвящена специальная конференция, проведенная нашим Институтом весной 1993 года. Тогда возникло предложение пригласить на нее Великую княгиню Марию Владимировну, живущую в Испании. На наше приглашение через день пришел ответ: «Принимаю вашу конференцию под Свое Высочайшее покровительство. Мария». Так и записали в Программе. Когда представил ее академику-секретарю отделения истории И. Ковальченко, он смутился: «Вы в Екатеринбурге заикнулись на царе. Еще и присягать начнете». За шутливым тоном проступила былая советская настороженность.

Мария Владимировна действительно приехала на конференцию. На ее пути к Академии государственной службы, где

Дом инженера Ипатьева, 1918 год

проходила конференция, двумя шпалерами выстроились казаки. Весь путь от проезжей части улицы до дверей здания был усыпан розами. На открытии конференции она выступила с краткой речью. Вечером в ресторане «Большой Урал» состоялся банкет в ее честь, который устроили казаки. Присутствовали представители новой элиты города. Между столами в зале бегал ее маленький сын Георгий. Назавтра за городом казаки устроили парад, где поверстали знатного отпрыска в атаманы.

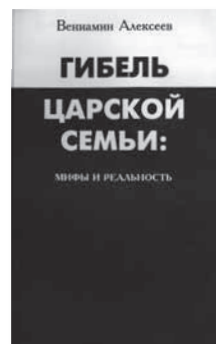
С одной стороны, конференция проходила в русле авдонинского толкования обстоятельств гибели царской семьи. Он объявил себя автором находки останков и занял господствующие позиции в их интерпретации, инициировал всевозможные медицинские, баллистические и прочие экспертизы. С другой стороны, стала проясняться необходимость исторической экспертизы, которую он, как говорится, «на дух не принимал». Началась конфронтация, особенно после того как привезли только что вышедший тираж моей книги «Гибель царской семьи: мифы и реальность» (Екатеринбург, 1993), в которой на основе недавно рассекреченных документов ВЧК по царскому делу содержалась далеко не однозначная и заставляющая учитывать исторические обстоятельства картина произошедшего. Все это расценивалось «обретателем мощей» как покушение на его монополию.

Через три месяца после выхода в свет книги – крайне незначительный для начала 1990-х годов срок для распространения провинциального издания – Международный комитет по сохранению индустриального наследия пригласил меня в Копенгаген (Дания) для сообщения о состоянии промышленных памятников на Урале. Разумеется, приглашение не имело никакого отношения к «екатеринбургским останкам», но в аэропорту меня встретила незнакомая женщина, которая держала над головой мою книгу. На вопрос: «Зачем?» – ответила, что является корреспондентом королевской газеты и желает выяснить у меня ряд вопросов. Состоялась продолжительная беседа, записанная на магнитофонную ленту.

В знак благодарности дама предложила выполнить любые просьбы. Выказал пожелание познакомиться с досье по делу Анны Андерсон (Анастасии), которое почти 30 лет слушалось в немецком суде. Оно хранилось в королевском архиве. Последовал обнадеживающий ответ: «Нет ничего проще. Там работает архивариусом мой однокурсник. Он все обеспечит». Назавтра она пришла очень расстроенная и сообщила, что на эти материалы королева наложила гриф «Совершенно секретно». Оказывается, королевской династии есть что скрывать от постороннего взгляда в судьбе Романовых.

Великая княгиня Мария Владимировна Романова с сыном Георгием

В том же 1993 году для идентификации останков была создана специальная «Правительственная комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи», которая функционировала более четырех лет, до конца января 1998 года, когда она приняла решение перезахоронить останки в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Руководство Комиссии неоднократно менялось. Первым ее председателем был вице-премьер российского правительства В. Яров. Последним – тоже вице-премьер Б. Немцов. Она провела многоплановую работу, главным образом криминалистическую. Большинство заседаний начиналось и кончалось выступлениями следователя Генеральной прокуратуры В. Соловьева (не являющегося членом Комиссии). Речь преимущественно шла о генетических заключениях. Другим вопросам не придавалось должного внимания, в то время как рассматривалось не обычное уголовное дело, а гибель коронованных особ, состоявшаяся три четверти века тому назад. Положенная в основу деятельности Комиссии записка Я. Юровского, которая была путеводной звездой в поисках захоронения Авдониным и Рябовым, оказалась под сомнением.

На первом заседании Комиссии я предложил начать изучение царских останков с их исторической экспертизы, на что заместитель председателя Комиссии А. Собчак отреагировал резко отрицательно: «Вы, ученые, будете годами изучать архивы, а нам надо срочно хоронить». Кого и почему срочно? Возможно, предполагалась «рокировка»: Николая II – в царскую усыпальницу, а Ленина – на Волково кладбище, на чем тогда настаивали антикоммунисты. В дальнейшем на мои неоднократные требования исторической экспертизы следователь В. Соловьев отвечал категорическим отказом. В этом тексте речь пойдет не об огульном отрицании решений Комиссии, но о проблемах исчезновения царской семьи, не до конца исследованных, что вызывает много вопросов и ставит под сомнение выводы Комиссии.

Заседание Правительственной комиссии. В центре – митрополит Ювеналий

В Заключении Комиссии утверждается, что вся царская семья вместе со слугами была расстреляна в Ипатьевском доме в ночь с 16 на 17 июля 1918 года и захоронена в Порошковом Логу под Екатеринбургом. Девять человек – под мостиком из шпал на Коптяковской дороге, а двое – где-то рядом. При этом приводится большое количество криминалистических и генетических доказательств с явным ущербом для исторических, которые представляют собой своего рода вводную часть Заключения.

Она выдается за историческую экспертизу, выполненную якобы под руководством академика И. Ковальченко. Однако он был лишь на одном заседании Комиссии, после которого посадил меня к себе в машину и стал расспрашивать об исторической подоплеке событий. Выслушав и немного подумав, сказал: «Мне лучше не ввязываться в сомнительное дело. Я сюда больше не ходок». Действительно, названное заседание для него было первым и последним. Вскоре он умер. Мог ли этот выдающийся и авторитетный ученый, но не специалист по Романовым, реально участвовать в подготовке заключительного акта Комиссии?

Не согласившись с Заключением Комиссии, я представил ее руководству Особое мнение, в котором обосновал неправомочность выводов, недооценку исторической экспертизы, высказал сомнение в целесообразности перезахоронения предполагаемых останков в Санкт-Петербурге и предложил их упокоение на месте убийства (в Екатеринбургском Храме-на-Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших) впредь до окончательного объективного рассмотрения вопроса. Оно было поддержано и мотивировано с позиций российского законодательства широко известным юристом профессором А. Бастрыкиным¹ (ныне Председатель Следственного комитета РФ).

Мои сомнения основывались на сопоставлении официально опубликованных и архивных данных. Воспроизведу некоторые разработки того времени. О расстреле Николая II было объявлено в советской газете «Известия» 19 июля 1918 года, что можно признать свершившимся фактом, а о гибели остальных членов семьи нигде никогда официально не сообщалось. Некоторое исключение составляет широко известная телеграмма, якобы обнаруженная белым следствием на Екатеринбургском почтамте после ухода большевиков и расшифрованная помощниками следователя Н. Соколова. Она гласит: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации». Поверить в такой откровенный подарок большевикам трудно. Настораживает и то, что телеграмма три четверти века без всякой проверки цитируется по Соколову.

¹ Бастрыкин А. И. Процессуально-криминалистический анализ материалов, связанных с обнаружением и исследованием захоронения неизвестных лиц, обнаруженного в 1991 г. в окрестностях г. Екатеринбурга // Правда о екатеринбургской трагедии. М., 1998. С. 79–94.

*Екатеринбург.
Храм-на-Крови*

Я. Юровский

Что касается воспоминаний Я. Юровского, то, во-первых, они по определению не могут восприниматься как вполне достоверное свидетельство, во-вторых, доказано, что они написаны историком М. Покровским, который в расстреле не участвовал. Попытки же искать однозначную ленинскую директиву на расстрел представляются бесперспективными. Скорее всего, если и было какое-то решение, то письменно оно не фиксировалось, потому что за него не хотели нести ответственность. К тому же в условиях острейшего кризиса советской власти в первой половине июля 1918 года среди большевиков не было единства, и разные группы имели своих наблюдателей в Екатеринбурге. Следовательно, какой-либо серьезной документальной основы о гибели всей семьи Романовых нет, по крайней мере, она не обнаружена.

О самом расстреле написано много, едва ли не поминутно и чуть ли не о каждой пуле и каждом

участнике, но почему-то полностью игнорируется версия о том, что узники Ипатьевского дома могли покинуть его не одной партией. Приведем три из многочисленных доказательств, обнаруженных в архивах. Первое. 4 ноября 1918 года в Екатеринбургском уголовном розыске в связи с дознанием об убийстве императора была допрошена официантка из Ипатьевского дома Е. Томилова. Она показала: «Хорошо помню и категорично это утверждаю, что в тот день, когда большевики на митинге объявили о расстреле бывшего Государя, я носила обед для царской семьи и лично видела в столовой Государя и всю его семью... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего Государя мне выдали обед для царской семьи только на девять человек (раньше было 11. – В. А.), и я опять унесла в Ипатьевский дом, но бывшего Государя, доктора и третьего мужчину я не видела, а видела лишь дочерей Государя ... 23 июля в советской столовой уже не было поваров, и обед для царской семьи я не носила ... я решила сходить за посудой ... во всех комнатах было пусто и никого из царской семьи уже не было видно». Этот рассказ подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка. Второе. Сестра председателя Уральского ЧК Ф. Лукоянова Вера, попав в плен к белым, призналась (на основе известной ей от брата конфиденциальной информации), что убит один император, а его семья вывезена в Пермь. Правда, позднее она подкорректировала свои показания, но от этого они не утратили своей значимости.

Третье. До десятка свидетелей, в том числе известный доктор П. Уткин, подтвердили следователю А. Кирсте, что за р. Камой (недалеко от Перми) при попытке к бегству была схвачена женщина, которую называли Великой княжной. По свидетельству

доктора, она ему призналась: «Я дочь государя Анастасия». Вообще пермский след царской семьи, основательно проработанный в западной историографии (А. Саммерс и Т. Мэнгольд, М. Ферро), остался незамеченным в России. Между тем на этот счет существуют доказательства. Они представлены в досье Никандра Миролюбова, хранящемся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США), где приводится ряд свидетельств по данному вопросу, в частности зафиксировано, что «царская семья была в Перми и жила в доме акцизного управления»¹.

Вызывает много вопросов сокрытие предполагаемых трупов членов царской семьи и их последующее обнаружение. Об этом написано немало, но до сих пор документально не подтверждено, что именно они в июле 1918 года были закопаны под мостиком из шпал на Коптяковской дороге под Екатеринбургом, а в июле 1991 года извлечены. В архиве ФСБ по Свердловской области обнаружил директиву заместителя Л. Берии В. Кобулова, датированную мартом 1946 года, которая ставила задачу возвращения к царскому делу, но с итогами выполнения этой директивы мне не разрешили познакомиться. В печати промелькнуло сообщение о том, что она касалась захоронения Романовых. На меня обрушился град критики за сомнение в подлинности царской могилы 1918 года. Однако через пять лет появилось сообщение хорошо информированного профессора Дипломатической академии РФ В. Сироткина о том, что в 1946 году американцы подняли вопрос о наследнице романовских драгоценностей – Анастасии (Андерсон), в ответ на который «Сталин поручает в том же году соорудить под Екатеринбургом «могилу» расстрелянной царской семьи, закрывая вопрос о Великой княжне»². Эту операцию под названием «Крест» курировал ближайший соратник Сталина Молотов. В данной связи любопытно, что, по оценке современного следствия, «царскому» захоронению на момент обнаружения было 40–50 лет³. Следовательно, оно возникло не в 1918 году, а в середине 40-х годов.

Есть принципиально иные указания места упокоения Романовых. По свидетельству заведующего хозяйством рабочего клуба Верх-Исетского завода Кухтенкова, который подслушал разговор участников расстрела, трупы членов царской семьи были захоронены в двух разных местах. А екатеринбургский машинист Логинов доверительно сообщил своей пермской родственнице, что он по указанию комиссаров увозил тело расстрелянного

¹ См. подробнее: Алексеев В. В. Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института войны, революции и мира // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 208–214.

² Сироткин В. Царево золото // Мир истории. 2002. № 12. С. 39.

³ Неволин Н. Исследования костных останков // Тайна царских останков. Екатеринбург, 1994. С. 61; Попов В. Судебно-стоматологические исследования останков. Там же. С. 83.

Николая Романова на станцию Богданович. Возможно, это последнее сообщение и не соответствует действительности, хотя находится в корпусе авторитетных документов, но оно так же имеет право на рассмотрение, как и воспоминания Я. Юровского, на которых базируется вся «коптяковская» версия.

Теперь о прижизненных медицинских свидетельствах. Остановимся на черепе № 4, приписываемом Николаю II. В Государственном архиве Российской Федерации нашел представление прокурора Казанской судебной палаты от 26 ноября 1918 года, в котором сообщалось, что «по заявлению доктора Деревенько (врача наследника. — В. А.) характерной и неизгладимой приметой трупа государя Николая II может служить костная мозоль на виске — след от удара в голову во время его посещения Японии в бытность наследником престола». Эта информация напрямую адресована современным судмедэкспертам, но они не придали ей должного внимания, сообщив общественности, что костной мозоли нет, да и быть не могло в связи с незначительностью ранения.

Пытаясь докопаться до истины, представил в Комиссию материал консилиума русских врачей, состоявшегося 29 апреля 1891 года (в день ранения Николая Романова) в г. Киото. Из него следует, что в ране был найден клиновидный осколок кости длиной 2,5 см и шириной 2 мм. Вырубленный кусок кости не мог не оставить следа. По крайней мере, этот след в течение 27 лет (1891–1918 гг.) наблюдался придворным врачом и был назван в описании путешествия наследника на Восток, где фиксировалось, что в черепной кости, растреснутой после удара японской саблей, «началось разрушение костного вещества, процесс шел

в обе стороны». Косвенным подтверждением сильного удара по голове наследника является и то, что, по воспоминаниям близко знавшей его М. Кшесинской, он страдал после этого постоянными головными болями.

Любопытно, что когда в 1979 году после вскрытия екатеринбургского захоронения Г. Рябов предъявил судмедэксперту С. Абрамову фотоснимки и слепки черепов, то последний установил по особенностям зубо-челюстного аппарата и следу от удара острорубящим орудием, что второй череп принадлежал Николаю II. Позднее ничего этого на черепа уже не находили. Комментируя создавшуюся ситуацию, авторитетный судмедэксперт В. Звягин констатировал: «Единственное, что здесь приходит в голову: либо Сергей Сергеевич (Абрамов. — В. А.) имел дело с другими черепами, либо те слепки, которые ему предъявлялись, имели те следы, которых не имеет названный череп».

*Николай Романов.
В военном лагере
на Южном Урале,
1891 год*

В этот вопрос пора внести ясность. Сумели же российские ученые методом исторической экспертизы восстановить полную клиническую картину проникающего ранения в голову русского полководца М. И. Кутузова. Так почему же с такой же убедительностью нельзя идентифицировать череп Николая II, расстрелянного на 150 лет позднее ранения Кутузова?

Стремление к истине побуждает привести другой пример, который может противоречить основной линии наших рассуждений, но он показателен с точки зрения возможностей исторической экспертизы. Из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника мне удалось извлечь так называемую «Папку Ренделя», которая принадлежала сыну популярного в Сибири дантиста Марии Рендель. Зимой 1917–1918 годов, в период Тобольского заточения царской семьи, к М. Рендель обратился за помощью Николай II (имеется 7 записей по этому поводу в его дневнике). Каково же было ее изумление, когда она обнаружила у бывшего царя «полный рот гнилых зубов».

Этот суровый диагноз имеет принципиальное значение, поскольку исследователь стоматологического статуса черепов из екатеринбургского раскопа петербургский профессор В. Попов пришел к выводу, что «изменения зубов и альвеолярных отростков челюстей (черепа № 4) указывают на имевшиеся при жизни выраженные пародонтоз и хронический воспалительный процесс в области 4–8 зубов по типу одонтогенного остеомиелита». Сопоставление двух диагнозов может пролить свет на идентификацию царских останков и позволит ответить на вопрос: имел ли царь больные зубы и ему ли принадлежит череп № 4?

Дополнительный свет на события в Ипатьевском доме могут пролить впервые опубликованные нами фрагменты екатеринбургского дневника бывшей императрицы Александры Федоровны. Там есть одна любопытная деталь, относящаяся к 7 июля: «Во время завтрака пришел пред[седатель] обл[астного] ком[итета] с несколькими людьми ... Двое человек затем заставили нас показать все наши драгоценности, которые мы имели с собой, и затем переписали их детально, и забрали у нас (куда, насколько, почему (??) не знаю). Оставили мне только два моих браслета, которые я не могла снять, и детям по одному браслету каждой, которые мы дарили и которые нельзя было снять, не забрали обручальное кольцо N., которое нельзя было снять». Такая запись оставляет много вопросов. Остановимся на двух полярных. Если драгоценности забрали до расстрела, то что тогда снимали с трупов убийцы? Браслеты и кольцо Николая Александровича? Давно известно, что на месте предполагаемого уничтожения трупов найден человеческий палец. Может быть, он принадлежал Николаю II? Видимо, надо искать отрубленные руки женщин, с которых надо было снять браслеты? Это важные свидетельства для идентификации останков.

*Семья Императора
Николая II*

Перечень подобных исторических свидетельств можно умножить, но уже из приведенных видно, что они крайне необходимы для идентификации останков царской семьи, без них невозможно замкнуть цикл исследований по этому делу. Следует подчеркнуть, что речь идет не об истории вопроса гибели Романовых, а об использовании исторических доказательств в качестве равноправных наряду с традиционными следственными процедурами, поскольку рассматривается не тривиальное убийство, а состоявшаяся три четверти века назад гибель императорской семьи. Подобные документы могут подтвердить устоявшуюся версию гибели семьи и сокрытия останков, а могут и опровергнуть ее.

Редкие, а в ряде случаев уникальные документы хранятся в зарубежных архивах. Выше уже упоминалось так называемое «досье Никандра Миролюбова» из Гуверовского института. Его ценность заключается в том,

что екатеринбургский прокурор Иорданский посылал своему шефу, казанскому профессору криминалистики Миролюбову, те сведения первичного следствия, которые не нашли отражения в известном деле Соколова. Интересно, что Иорданский постоянно ссылается на военную разведку, в руки которой поступают важные документы по царскому делу, но они не стали достоянием официального следствия.

Не все намеченные материалы удалось получить. Работая в Президентском архиве РФ, обнаружил документ, принадлежащий российскому послу в Германии А. Иоффе, который писал, что Дзержинский ему рассказывал, как В. Ленин категорически запретил кому бы то ни было сообщать о гибели царской семьи. «Пусть Иоффе ничего не знает, – говорил Ленин, – ему там в Берлине легче врать будет». Вот так и врали, пока в этом была надобность, по крайней мере до поражения Германии в Первой мировой войне и аннулирования условий Брестского мира. Однако какую-либо конкретную информацию о гибели царской семьи не удалось получить из документов, принадлежащих Ф. Дзержинскому, Л. Троцкому и другим лидерам большевизма, которые могли знать суть проблемы.

Обратился в архив ФСБ за разрешением познакомиться с делом Ф. Голощекина, бывшего одним из организаторов расстрела, а потом обвиненного в троцкизме. Дело в двух томах представили. На первой странице сообщалось, что у него при аресте изъяты два пистолета и две папки документов. Одна из папок относилась к екатеринбургскому периоду его деятельности. Подумал, что в ней-то наверняка есть материалы о царском рас-

стреле, и они будут свидетельствовать о верности обвиняемого сталинскому режиму, но ничего искомого не попадало. Наконец на предпоследней странице второго тома предстало решение о расстреле подозреваемого в троцкизме. Его пистолеты передавались в собственность государства, а папки как не имеющие отношения к троцкизму уничтожались. Вот так гибли многие документы принципиальной исторической важности.

Нечто подобное произошло с документами ЦК партии большевиков и ВЧК по периоду второй половины 1918 года, которые при подходе «белых» к Екатеринбург были эвакуированы в Вятку. Они не найдены до сих пор. Сразу после расстрела Романовых Я. Юровский увез в Наркомат внутренних дел большой баул с документами. Где он теперь? В свое время была подготовлена закрытая «История Уральской ЧК», в которой имелся раздел об операции по расстрелу царской семьи, подготовленный на оригинальных документах. Она отправлена в Москву. Где ее найти? Во время работы многочисленных комиссий, в частности ЦК КПСС под руководством А. Яковлева, из уральских архивов в столицу были затребованы важнейшие документы по царскому делу. Теперь их трудно найти.

Представленные в данном тексте исторические материалы не являются полноценной исторической экспертизой. Высказанные сомнения по поводу достоверности выводов Правительственной комиссии перекликаются с выводами других историков, особенно убедительно и более развернуто с заключениями судебно-медицинского эксперта-криминалиста Ю. Григорьева в его книге «Последний император России. Тайна гибели» (2009).

Что касается генетической экспертизы, то не будучи специалистом в данной области, не решаюсь комментировать ее результаты в идентификации царских останков. Очевидно одно: ее роль была преувеличена в ущерб другим экспертизам. Более того, ряд ведущих мировых специалистов в этой области не соглашаются с результатами, представленными в Правительственную комиссию. Так, директор департамента судебной медицины университета Китадзато в Японии профессор Тацуо Нагаи пришел к прямо противоположным выводам. Аналогичную позицию занял Стэндфордский университет в США. Российский генетик Л. Животовский считает, что до достижения единства мнений по этому принципиально важному историческому вопросу нельзя делать окончательных выводов.

*Члены Президиума Уралсовета:
Толмачев, Белобородов,
Сафаров, Голощекин*

В этой связи не могу не отметить курьезный случай, произошедший на одной из московских конференций по проблеме царских останков. После выступления эксперта Правительственной комиссии П. Иванова, который проводил их генетическое исследование, встал молодой священник и смущенно спросил у него: «Господин ученый, почему у вас останки только на 99% царские? Вот у нас в церкви если вода святая, то на 100%». В зале раздался громкий смех. В итоге приходится констатировать, что история с царскими останками в ходе работы Правительственной комиссии не только не прояснилась, но и стала еще более запутанной, чем прежде.

Отсутствие исторической экспертизы, недоверие к генетической обострило существовавшие ранее три позиции в оценке судьбы царской семьи. Первая исходила из того, что погибла вся семья, вторая не исключала сохранение отдельных ее членов, третья – сводилась к попытке доказательства выживания всей семьи. Первая позиция широко известна, зафиксирована в заключении Правительственной комиссии в январе 1998 года и присутствует в большинстве книг по данной теме. Вторая породила большую плеяду самозванцев с претензиями на российский престол и коронные драгоценности. Третья, видимо, опиралась на статью 21 Брестского мира, где было записано: «Подданным каждой из договаривающихся сторон, которые жили на территории другой стороны, должно быть предоставлено, путем соглашения с властями этой стороны, право возвращения на родину в течение десяти лет после ратификации мирного договора»¹. Возможно, имелось в виду немецкое происхождение царицы и ее детей. Известно предположение, что у Брестского мира имелись секретные приложения, в которых якобы фиксировалось обязательство советской власти сохранить царскую семью, по крайней мере царицу и ее детей, но они пока не явлены миру. Кроме того, могли использоваться уклончивые выступления советских руководителей сразу после Брестского мира о том, что если не вся семья, то, по крайней мере, ее женская часть осталась жива. Американский автор А. Ричардс категорически заявляет: «Есть все основания полагать, что Романовы не только спаслись от коммунистов, но и от смертного приговора Соколова (колчаковского следователя, который в свое время убедил мир, что вся семья была расстреляна и сожжена. – В. А.)». Свой вывод Ричардс подтверждает детективной историей о том, как секретарь Григория Распутина Арон Симонович выделил крупные деньги на спасение Романовых, с помощью которых доверенные люди якобы сумели подкупить охрану Ипатьевского дома, разлить там ведро человеческой крови, бросить в костер соседнего леса горсть бриллиантов и увезти царскую семью к западной

¹ Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 143.

границе. Близких взглядов придерживаются известный французский историк Марк Ферро и российский писатель Лев Сонин.

В пользу возможности сохранения жизни царской семье свидетельствует противоречивая информация о совершенно секретном подмосковном объекте № 17. Писатель И. Бунич в книге «Быль беспредела, или синдром Николая II» пишет о том, что бывшему самодержцу сохранили жизнь и содержали его на этом объекте вплоть до естественной смерти. К нему будто бы не раз ездил сам Сталин. Уральский историк профессор И. Плотников считает, что на этом объекте содержался генерал-адъютант граф И. Татищев, который был доверенным лицом императора и хранил информацию о царских ценностях. По версии Плотникова, к нему дважды, в 1933 и в 1936 годах, тайно приезжал Сталин для получения сведений о сокровищах Романовых, особенно об исчезнувшем в 1918 году в Екатеринбурге и разыскиваемом долгие годы «пакете Николая II» с ценными бумагами и важными документами.

Из сопоставления этих версий можно сделать два вывода. Первый – сомнительный. Вряд ли Сталину лично требовалось «трясти» старого генерала. В НКВД делали это не менее успешно. Если и стоило кому нанести визит, так это, конечно же, бывшему самодержцу, особенно во время нарастания угрозы со стороны Германии. Второй вывод – утвердительный. Если в открытую печать просочилась информация о суперсекретном объекте, то он, по-видимому, существовал, а следовательно, несет уникальную информацию о царском деле. Судя по некоторым фактам, обнародованным Буничем, хотя его произведение художественное, они имеют историческую ценность и коррелируются с опубликованными мной документами в книге «Гибель царской семьи: мифы и реальность».

Наиболее масштабная полемика развернулась по поводу возможного спасения царской дочери Анастасии и сына Алексея.

*Великая княжна
Анастасия
Романова*

Цесаревич Алексей

Версия об Анастасии имеет две противоположные трактовки. Первая сводится к тому, что ее спас охранник дома Ипатьева Чайковский, вывез к западной границе, откуда она попала в Германию и долгое время фигурировала под именем Анны Андерсон. Ее узнавали и не признавали противоположные группировки разных ветвей дома Романовых.

На этот счет сохранились любопытные документы в личном фонде представителя династии Романовых Великого князя Андрея Владимировича, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. В письме на имя Великого князя Кирилла Владимировича от 10 января 1927 года он отмечал «странный факт, что дело это вызывает у людей две реакции: одни вполне сознают необходимость дальнейших расследований, другие же, напротив, с пеной у рта протестуют против всяких расследований... Во всяком случае, вокруг дела разгораятся страсти». Князь пишет о «данных из большевистских источников, довольно достоверных, что из Екатеринбурга кому-то из царской семьи удалось спастись... С самого первого дня после екатеринбургской драмы большевики искали Анастасию Николаевну».

Профессор С. М. Руднев отмечал сходство госпожи Чайковской с младшей дочерью Николая II. Он напомнил больной, как в начале Первой мировой войны видел ее в Кремле со стороны Троицких ворот. Она призналась, что бросила тогда в окно скомканную бумагу, о которой говорил доктор. Накануне операции, которую он ей делал, разговор с ней шел по-русски с его стороны, а она отвечала на плохом немецком. Под наркозом бредила по-английски.

Доктор медицины Ф. Эйтель из немецкого санатория Штиллахгауз во врачебном заключении о состоянии здоровья Анастасии Чайковской в декабре 1926 года констатировал у нее наличие сильного отклонения большого пальца правой ноги в сторону (Hallux Valgus) – отличительный признак Анастасии Романовой, очень редко встречающийся. В результате продолжительных наблюдений больной, разговоров с ней, анализа ее высказываний о жизни в царской семье он делает вывод: «После наблюдения, вместе с данными профессора Руднева, и состоявшееся здесь свидание с госпожой Мельник, дочерью лейб-медика царя Николая II, дают нам основание прийти к заключению, что госпожа Чайковская есть Ее Высочество Великая княжна Анастасия Николаевна». Дело Анны Андерсон почти тридцать лет рассматривалось в немецком суде, который принял «соломоново» решение – не признал, но и не отверг ее претензии на принадлежность к царской семье.

Вторая трактовка исходит из того, что Анастасию вывез в Грузию офицер царских спецслужб (в то время работник ЧК) Верховский, где она прожила до 101 года под фамилией Билиходзе. Об этом много писали газеты в первой половине 2002 года, но каких-либо официальных доказательств не последовало. Как

одновременно Анастасия Николаевна могла жить в Западной Европе и в Грузии? Это уже совсем тугое запутывание клубка тайны XX века. До каких пор трагическую страницу русской истории будут превращать в пошлый детектив?

В печати прошло немало сообщений о чудодейственном спасении сына Николая II Алексея. В 1990 году долго муссировалась версия о том, что Алексей спасся после расстрела в доме Ипатьевых, прожил довольно долгую жизнь под именем В. К. Филатова и умер в 1988 году в районном центре под Астраханью, оставив четверых детей. Семья Филатовых при поддержке ряда ученых потратила немало усилий для доказательства своей принадлежности к дому Романовых, но признания не получила.

Во время работы Правительственной комиссии по царским останкам ее первый председатель В. Яров поручил мне встретиться с одним из претендентов на российский престол Н. Романовым-Дальским. На мой телефонный звонок ответил ироничный женский голос: «Вас интересует Его Величество? Попытаюсь соединить». В трубке послышался солидный мужской баритон: «Чего изволите?». На предложение встретиться последовал уклончивый ответ. Встреча не состоялась. Вскоре в журнале «Чудеса и приключения» встретил удивительную статью «Цесаревич Алексей не расстрелян в Екатеринбурге. Внук Николая II жив». В ней сообщалось, что по распоряжению Ю. Андропова офицер внешней разведки В. Новоселов в течение 12 лет искал и нашел Алексея Романова, объявленного Николаем III. Это и есть Николай Алексеевич Романов-Дальский. Оказывается, его отец – цесаревич Алексей спасся от расстрела в Ипатьевском доме под прикрытием отпущенного поваренка Седнева. Тогда возникает вопрос: «Кого же похоронили вблизи основной могилы царской семьи и чьи мужские останки были найдены в 2007 году?».

Их история такова. В то лето недалеко от местонахождения девяти жертв расстрела 1918 года были обнаружены небольшие фрагменты еще двоих – юноши и девушки, которых после скорой генетической экспертизы объявили Алексеем и Марией. Из множества вопросов, возникающих в данной связи, есть странный. Как сообщили сотрудники нашего Института, участвовавшие в раскопках, в докладной записке на мое имя, там были обнаружены монеты 1930-х годов. Убедительного объяснения на этот счет пока нет.

Монеты с места раскопа 2007 года

Расчистка кострища, где сжигали предполагаемые останки Алексея и Марии (Большой раскоп), август 2007 года

На волне тайны века объявлялись толпы мелких самозванцев. По подсчетам писателя В. Кашицы, за советский период появилось более 200 только «царевен». Вспомним, что в расцвет самозванчества в начале XVII века в России фигурировали лишь 12 самозванцев. Не останавливаясь на широко известных фактах самозванчества, приведу архивные данные по Уралу. Нам удалось извлечь из ранее совершенно секретных архивов материалы о 18 самозванцах. Их деятельность продолжалась с 1922 по 1952 годы и охватила весь Урал, нередко выходя за его пределы, вплоть до Алтая и Украины. Здесь «обнаружились» «царь», «царица», «царевич Алексей», «князь Михаил», «княжны Анастасия, Мария, Ольга, Татьяна» и некий «Гриша не простого рода».

Самозванцы основывались на безусловной вере духовенства и простого народа в то, что православный царь – помазанник божий, и его дети таинственным образом спаслись и рано или поздно должны вернуться на престол, избавить страну от ненавистного советского строя, «являющегося властью Антихриста». Один из таких самозванцев Михаил Поздеев признался следственным органам в апреле 1952 года в том, что в своих выступлениях распространял ложные слухи о том, что царь Николай II будто бы жив, что он со своей семьей скрывается в пещерах около г. Верхотурья Свердловской области, внушал присутствующим, что скоро советская власть в России будет уничтожена, царь Николай займет снова свое место. Для большей убедительности выдавал себя за брата Николая II – Михаила.

На поприще признания или непризнания самозванцев разгорались не только политические страсти и криминальные разборки, но и семейные драмы. Когда Иван Гаинцев из Бузулука узнал, что его жена Прасковья «стала приверженкой Поздеева М. А. и украдкой снабжает его продуктами, одеждой, деньгами, я тут же не стал с ней жить. И с 1945 г. порвал с ней всякую связь как с женой». Другая претендентка в Романовы бывшая монашка Екатерина Шангина-Бочкарева выдавала себя за дочь Николая II Марию. Она убеждала уральцев в том, что царь спасся и живет за границей, наследник Алексей с двенадцати лет жил в Камышлове, там окончил школу и уехал в Читу, где проживает под вымышленной фамилией.

Подобные разговоры привлекали внимание многих. В конечном счете они выливались в антисоветскую пропаганду. В апреле 1937 года в беседе с Феклой Евдокимовой «Мария» доказывала: «Вот советская власть скоро придет к гибели, потому что народ весь ослаб, стал бессилён, потому что не признает Бога. Скоро будет старая власть, тогда мы заживем по-старому», и продолжала: «Ведь на Советский Союз идет самая сильная воинственная страна Япония. Она, конечно, победит Советский Союз. И ты тоже, наверное, хочешь вместе с коммунистами попасть под расправу этой страны». За такие речи Шангина-Бочкарева была приговорена тройкой НКВД по Челябинской области к расстрелу, кото-

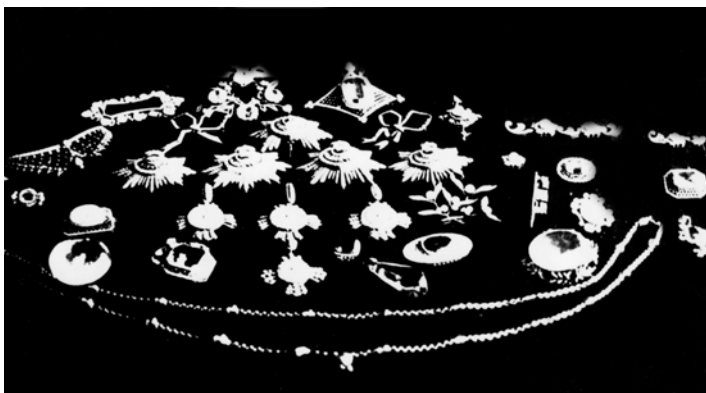
рый приведен в исполнение 30 октября 1937 года¹. Не только подлинных, но и мнимых Романовых продолжали уничтожать через двадцать и тридцать лет после их отречения от престола. Это ли не рецидивы столетней революции в России!

Самозванчество на поприще Романовых приобрело международный характер. То из Германии, то из США, а то из Японии или Китая поступала информация о том, что там видели кого-то из этой семьи. Многие из них предъявляли настойчивые притязания на российский престол. 31 декабря 1963 года в США была организована трогательная «встреча Алексея и Анастасии».

Покров тайны лежит не только на судьбе царской семьи, но и на ее драгоценностях. Семья имела при себе огромные ценности. По данным англичанина Д. Тревина, при выезде из Царского Села только Александра Федоровна и Великие княжны имели драгоценностей на один миллион рублей. Надо полагать, что вся эта сумма исчислялась в твердой валюте, которая многократно выросла в ходе инфляции за время гражданской войны. Многие изделия представляли собой уникальные произведения искусства и составляли национальное достояние.

Какова судьба фамильных драгоценностей Романовых? Ответить на данный вопрос трудно. До недавнего времени он даже не поднимался. В ходе поисков документов о расстреле царя мне удалось выявить в архивах бывшего КГБ любопытные материалы о судьбе царских драгоценностей, которые считались бесследно исчезнувшими в кровавых событиях лета восемнадцатого года. На самом деле большая их часть попала в руки советской власти, а вот куда они ушли потом, трудно сказать.

Сразу же после расстрела царской семьи организатор этой акции Юровский отвез в Москву и передал коменданту Московского Кремля Малькову значительные ценности. Акт передачи скреплен подписями и печатями с той и с другой стороны. В архиве сохранились списки золотых и серебряных изделий, многочисленных предметов домашнего обихода. В перечне золотых вещей обозначено 60 предметов, среди которых мужские и дамские часы, портсигары, в том числе знаменитый платиновый с сиреневой эмалью в золотой ажурной оправе с бриллиантами чистой воды. В перечне личных вещей семьи соболиные,

Царские драгоценности: общая картина медальонов, панагий и брошей

¹ См.: Алексеев В. В., Нечаева М. Ю. Воскресшие Романовы?... К истории самозванчества в России. Ч. 1, 2. Екатеринбург; Челябинск, 2000–2002.

Тобольск
начала XX века

горностаевые, котиковые шапки, муфты, накидки, вуали, пледы, гвардейские бушлаты, черкесские кафтаны и прочее.

Вторая более крупная партия драгоценностей шла к подвалам Московского Кремля долго, сложнейшим и мучительным путем, о чем повествует трехтомное досье на 21 человека Уральского ОГПУ за 1922–1941 годы. В нем приводятся данные о том, как перед отъездом из Тобольска в Екатеринбург Александра Федоровна передала кожаный чемоданчик с золотом и бриллиантами местному духовенству. По одной версии, он сначала попал к священнику Тобольской Благовещенской церкви Алексею Васильеву, но в 1929 году он умер, а ценности продолжали хранить родственники. По другой версии, они были отданы камердинером Т. Чемодуровым игуменье Тобольского монастыря Дружининой, которая незадолго до смерти передала их своей помощнице благочинной Марфе Ужинцевой. Возможно, эти версии где-то пересекаются, поскольку фамилии, названные в том и другом случае, перекрещиваются на очных ставках.

На допросе 29 ноября 1933 года Ужинцева показала, что она со священником Васильевым была вхожа в дом, где размещалась царская семья. Перед отъездом Романовых в Екатеринбург Чемодуров принес ей большой сверток и попросил передать игуменье в монастырь, что она немедленно и сделала. Там ценности хранились до закрытия монастыря в 1923 году, после чего вернулись в руки Ужинцевой, которая спустила их сначала в колодезь, а потом зарыла в могиле на монастырском кладбище.

Измученная тяжелой тайной, Марфа потеряла сон и аппетит. Отчаявшись, решила бросить ценности в реку Иртыш. «Перед тем как исполнить это решение, – сообщила она следствию, – я обратилась за советом к В. Корнилову – местному рыбопромышленнику, который был связан с нашим монастырем и с которым я была знакома. Когда я сказала о своем решении, он страшно испугался и замахал на меня руками: «Что ты, что ты? Ведь установится настоящий порядок, настоящая власть, тогда с тебя от-

чет спросят. Ведь в Иртыш тебя заставят за ценностями лезть». «Я совсем растерялась, не знала, что делать. Потом попросила Василия взять ценности на хранение к себе... Через несколько дней после разговора с Корниловым я пришла к нему на квартиру, принесла с собой ценности, две стеклянные банки и два туеска. В эти банки и туески я переложила ценности из свертка, спустилась с Василием в подполье, и там вместе и зарыли их».

Через некоторое время Корнилов уехал из Тобольска. В доме на протяжении нескольких лет жили разные люди, в том числе милиционеры, ищущие царские сокровища и не подозревающие, что они у них под ногами. Марфа между тем ходила мимо и скорбела о судьбе своего тайника, пока чекисты не арестовали ее в октябре 1933 года и не заставили указать место хранения драгоценностей. Туески были вскрыты, их содержимое легло на стол ОГПУ и составило перечень более чем 150 наименований: золотые с драгоценными камнями диадемы и подвески, браслеты, множество колец с бриллиантами и изумрудами, рубинами, жемчугом.

Пресса разных стран сокрушается о потерянной на Урале знаменитой броши Александры Федоровны, поистине бесценном сокровище с бриллиантом в 100 карат. Эта брошь под номером 1 значится в описи изъятых драгоценностей. Там же присутствует царский герб из бриллиантов; уникальный турецкий подарок царю – бриллиантовый полумесяц с пятью большими камнями по 70 карат и россыпью средних бриллиантов; роскошные панагии и многое другое.

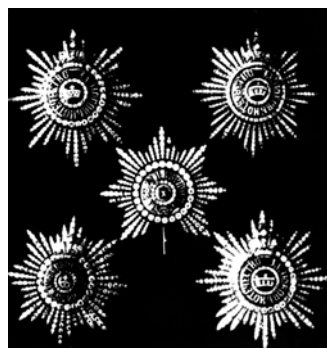
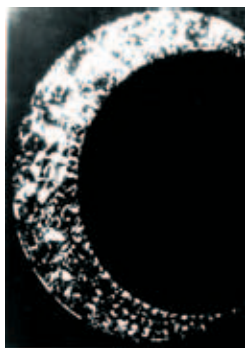
Общая стоимость обнаруженных драгоценностей составила значительную по тому времени сумму – 3,3 млн золотых рублей. По всей вероятности, она выше, если учесть их художественные достоинства и мировые цены. Вряд ли это могли сделать приглашенные чекистами оценщики, судя по оформлению документов, малограмотные люди – Зверев и Боровских. Первый даже не мог расписаться. Вместо подписи он поставил три креста.

Судьба царского золота время от времени продолжает возникать в СМИ. Для прояснения этого вопроса я пригласил на методологический семинар Института руководителя Международной ассоциации по защите материальных прав собственников

Бриллиантовый полумесяц с пятью большими камнями (по 70 карат каждый)

Бриллиантовая брошь с камнем в середине (100 карат)

Звезды ордена Андрея Первозванного

российской недвижимости и авуаров за рубежом «Эритаж» («Наследие») профессора В. Сироткина. В исключительно энергичном, убедительном и увлекательном докладе он представил судьбу «царева золота» за границей, а позднее опубликовал некоторые материалы на этот счет.

В его интерпретации проблема выглядит следующим образом: «В феврале семнадцатого (до отречения) царь отправил пять с половиной тонн личного золота через Японию в США и далее в Англию для помещения на личный семейный счет в банке «Братья Беринги». Документы о размещении золота до банка дошли, а золото – нет»¹. Общая стоимость «царского» имущества за границей оценивалась им в 300 млрд, а золота – в 100 млрд долларов. В сентябре 2000 года Б. Березовский и Р. Абрамович предложили Президенту РФ В. Путину задаток в 200 млрд долларов (сумма внешнего долга России на 1 января 2000 года) за распоряжение всей «царской», советской и российской недвижимостью и авуарами за рубежом, но права на них были переданы МИДу и Управлению делами Президента².

Неизменный интерес к результатам идентификации предполагаемых царских останков питало зарубежье. В 1989 году в Нью-Йорке образована Российская зарубежная экспертная комиссия под председательством П. Колтыпина-Валовского, которая немало сделала для проработки данного вопроса. Находясь в Чикаго, получил от нее приглашение выступить в Синоде Русской православной церкви за границей с докладом о судьбе царской семьи. В аэропорту меня встретили председатель Комиссии и Предводитель российского дворянства за рубежом князь А. П. Щербатов. Беседа затянулась далеко за полночь. Они попросили передать в Российскую комиссию свой Меморандум, что и было сделано, но реакции на него не последовало, хотя он требовал серьезных размышлений. Они же тогда предложили забрать несколько коллекций уникальных книг, ранее принадлежащих вымершим русским дворянским семьям в США.

Обещали даже переправить эти книги в Россию за свой счет. Мои попытки организовать прием книг на Родине не увенчались успехом.

А выступление в Синоде получилось впечатляющим. Собрались около 200 представителей русской эмиграции разных волн. Слушали очень внимательно, задали множество вопросов. Встреча продолжалась более четырех часов. В первом ряду, прямо передо мной

*Князь
А. Щербатов
(1910–2003)*

¹ Сироткин В. Указ. соч. С. 36.

² Там же. С. 38.

сидел очень старый мужчина и все время утирал слезы. Это был казачий атаман. В завершение встречи подошел к нему и поинтересовался его вопросами. Он ответил, что все понял, встал, повернул меня лицом к иконостасу, перекрестил со словами: «Благословляю на поиск правды в государевом деле». Заплакал и, тяжело шаркая ногами, пошел к выходу. Эта встреча стала для меня знаковой.

Неожиданный эпизод произошел с моей второй книгой о гибели царской семьи «Последний акт трагедии» (на англ. яз.) в Англии, куда был приглашен на «Неделю науки» в г. Шеффилд. Интереснейшее мероприятие завершилось королевским приемом в старинном замке. Я оказался за одним столом с ректором местного университета. Узнав, что перед ним профессор из Екатеринбурга, он стал задавать вопросы о ходе идентификации царских останков, попросил прислать ему некоторые публикации. В ответ предложил ему свою книгу, ту самую на английском языке. После краткого замешательства мой визави попросил разрешение представить ее принцессе Анне, которая сидела через стол от нас. Принцесса взяла книгу, приветливо улыбнулась и поблагодарила меня, сказав, что книга ей очень нужна и будет храниться в ее личной библиотеке.

В России интерес к царской теме притуплен долголетней советской пропагандой о «кровавом Николашке». Тем не менее он существует. Как проявляется, покажу на собственных примерах. Позицию верующих выразил Патриарх Алексий II. Узнав о моих расхождениях в трактовке судьбы царской семьи с Правительственной комиссией, он пригласил меня к себе. Выслушав аргументы, резюмировал: «Пока вы (ученые) не докажете, что останки те, я не махну кидлом на похоронах». Так и поступил, а эта фраза с ремаркой «из беседы Патриарха Алексия II с академиком В. Алексеевым» обошла многие газеты.

В дальнейшем мне приходилось не раз видеть свою книгу «Гибель царской семьи: мифы и реальность» зачитанную, что называется, «до дыр», в частности у следователя Генеральной прокуратуры России по царскому делу В. Соловьева. А однажды в больничной палате Екатеринбурга встретила уборщица, которая, увидев мою фамилию над кроватью, воскликнула: «Так это Вы?». Вздрыгнув от неожиданности, спросил: «А в чем дело?» – «Мы читали Вашу книгу, молимся за упокой души

*Патриарх
Московский
и всея Руси
Алексий II*

*Следователь
Н. Соколов*

убиенных», – ответила она, выходя из палаты. Кто они, так и не узнал, но после ее ухода один из больных, обращаясь к остальным, растерянно произнес: «Вы посмотрите, его читает народ». Такой высокой оценки ни раньше, ни позже не приходилось слышать о своих публикациях.

По-другому относятся «твердокаменные авдоницы». На своих конференциях из года в год «клюют» академика, который не согласен с ними. Некая Н. Розанова в книге «Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба» со ссылками на авдоницкие конференции и соловьевские заключения шельмует всех, кто не согласен с Авдониным по вопросу о подлинности царских останков, отвергает необходимость исторической экспертизы, явно не понимая, что это такое. Хуже того, выдает за нее тривиальные исторические описания из архивов комиссии и абсолютно неквалифицированные выкладки музейных работников.

О какой исторической экспертизе может идти речь, когда в заключении одного из главных материалов комиссии «Сравнительный анализ документов следствия 1918–1924 гг. с документами советских источников и материалами следствия 1991–1997 гг.» делается вывод: «Детальное сопоставление этих и иных материалов дела дает основания для утверждения, что существенных, исключаящих друг друга противоречий в «Советских материалах» и материалах Соколова Н. А. нет, имеется лишь различное истолкование одних и тех же событий»¹. Если исходить из названия этого документа, то получается, что нет противоречий между следствием 1918–1924 гг. и последующим материалами. Тогда как понимать соотношение выводов Н. Соколова и В. Соловьева? Ведь первый утверждал, что трупы членов царской семьи полностью уничтожены, а второй доказывает, что они найдены под Екатеринбургом.

Трудные вопросы в царском деле не разрешены до сих пор. Продолжают выходить новые книги, но убедительных ответов нет. Коротко остановимся на публикациях противоположного характера. Ю. Жук в монографии «Вопросительные знаки в «царском деле» (2013 г.) действительно поднимает многие нерешенные вопросы этого дела, но он по многим проблемам фактически отстаивает официальную позицию. Ряд исторических документов, не укладывающихся в эту позицию, обходит стороной, по крайней мере, не объясняет их, что по-прежнему остав-

¹ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи. Избранные документы. М., 1998. С. 238.

ляет поле для сомнений. Иногда автор действует по принципу «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Так исключаются ряд событий только на том основании, что кто-то из участников к названному времени занимал другую должность. К сожалению, Ю. Жук встраивается на марше в колонну тех, кто шельмует всех не согласных с официальной точкой зрения, причем делается это сомнительным образом. На стр. 577–578 (сноска 14) предъявляется необоснованное обвинение одному автору, а ссылка № 14 на стр. 631 дается на другого.

На иной позиции стоит А. Голицын с книгой «Кому же верить?» (2011 г., второе издание 2013 г.) В ней подняты куда более острые вопросы, чем в предшествующей, на которые нет ответа почти целый век. Автор, будучи членом Правительственной комиссии, опирается на ее документы, фиксирует бесконечные противоречия и справедливо ставит вопрос: «Кому же верить?». В частности, он обоснованно критикует сочиненную советской властью версию гибели царской семьи, которую настойчиво пыталась подтвердить Правительственная комиссия. В этом же ряду необходимо упомянуть книги В. Корна, особенно изданную в 2012 году «И была надпись вины его: «Царь». Екатеринбургское злодеяние в свете последних исследований», а также многочисленные публикации в интернете, в которых автор последовательно, настойчиво и объективно раскрывает тайну за тайной преступления века.

Таким образом, по официальной версии, в 1918 году под корень была вырублена династия Романовых, а в 1977 году даже

*Разрушение
дома Ипатьева*

срезали скалу, на которой стоял дом Ипатьева, где был уничтожен последний император России. Такая «зачистка» наводит на глубокие размышления. Видимо, трагедию Романовых надо понимать шире, чем просто большевистский произвол. В брошюре архимандрита Константина «Памяти последнего царя», изданной в Джорданвилле (США) в 1968 году, есть любопытная мысль: «Все готовы обличать большевиков. На этом все сходятся. А разве в этом дело? С большевиков взятки гладки! Они ведь только произнесли последнюю букву страшной азбуки, которую выдумали не они! Задуматься же над тем, где начинается этот жестокий мерзостный алфавит, мало кто хочет».

Очевидны настойчивые попытки скрыть правду о гибели Романовых как в начале XX века, так и в его конце. Широко известны маневры большевиков по этому поводу, меньше – представителей белого движения и совсем не проанализированы действия современных политиков. А они, между тем, имеют большое значение для раскрытия тайны века. Обратите внимание на два, казалось бы, разнородных, но удивительно совпадающих по времени фактора. В июле 1975 года Юрий Андропов написал записку в Центральный Комитет КПСС о сносе дома Ипатьева (что вскоре и было сделано). А в августе следующего года туда командировается Гелий Рябов, который с помощью Александра Авдонина начинает искать царскую могилу.

В 1977 году снесен дом Ипатьева, а в 1979 году вскрыта могила. Изъято три черепа и продолжительное время находятся неизвестно где. В 1981 году происходит канонизация страстотерпцев Русской православной церковью за границей, чему предшествовали отчаянные попытки западных спецслужб разобраться в екатеринбургской трагедии (выход в свет книги А. Саммерса и Т. Мэнгольда «Досье Романовых»). Вскоре Г. Рябов направляется в Англию и ведет там широкие консультации по вопросу о гибели Романовых. Волей-неволей напрашивается вывод о связи советских и зарубежных инициатив. В чем они состоят, кому и зачем были нужны? В этом еще предстоит разобраться, чего нельзя сделать без обнародования первичных отчетных материалов руководителей уничтожения следов царской семьи. Очевидно, что тайна века еще не раскрыта до конца и неизвестно, сколько пройдет времени, пока это будет сделано.

*Участник раскопок
2007 года Н. Ерохин
демонстрирует
академику
В. Алексееву
обломки сосуда
из-под серной
кислоты*

НАЦИЯ ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

В последней четверти XX века над советской империей сгустились тучи. С одной стороны их нагоняли ветры мировых перемен уходящего столетия, а с другой – питал внутренний вулканизм советской тектоники, давшей глубокие трещины, из которых поднимались клубы наболевших проблем, что привело в итоге к гибели империи. Встал вопрос: что от нее осталось? Обострились дискуссии о российской нации, между тем как в нынешних условиях продуктивней обсуждать проблему перспектив Российской цивилизации. Заговорили о новой национальной идее. Названный комплекс проблем тесно взаимосвязан. Мне привелось участвовать в их обсуждении. Не претендуя на окончательные решения, попытаюсь довести до читателей свои размышления.

Гибель империи

В декабре 1991 года, возвращаясь из бельгийской командировки на родину, в аэропорту Брюсселя во время ожидания рейса у меня в голове то и дело почему-то всплывали слова из советской песни: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз». Развернул в салоне самолета свежий номер «Известий». Там сообщалось о прекращении существования страны, из которой улетал в командировку. Советский Союз распался. Вздрыгнул от неожиданности. Душа переполнилась горечью и обидой за державу.

Об этом эпохальном событии написаны горы книг на разных языках с различных политических позиций. Не вдаваясь в детали разноречивых толкований, представлю свой взгляд¹. Его главная мысль – взаимодействие между империей и модернизацией. Невозможно не заметить, что в истории России шли параллельно два необычайно важных процесса: имперский и модернизационный. Определяя суть первого из них, отметим, что в нашем понимании империя – это прежде всего великая держава, стремящаяся к максимальному увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической, культурной власти над другими территориями. С этой точки зрения форма государственного правления оказывается второстепенным фактором. Главным выступает сущностное содержание – метаисторическая реализация доминирующей власти над крупными регионами мира. В этом смысле к империям можно отнести и современное демократическое государство – США. Между романовской и советской империями существует преем-

¹ См. подробнее: Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20.

С. Александровский. «Федор Иванович Тютчев»

ственность. Еще Ф. Тютчев писал: «Империя не умирает. Она передается».

Любая историческая эпоха есть результат ответа человеческого общества на те вызовы, которые ставит перед ним жизнь. Главным вызовом России в XVIII–XX столетиях стала модернизация, понимаемая как комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества, происшедших в мире с XVI века и достигших своего апогея в XX веке в облике современности (modernity). Российские революции и застои, беды и победы являлись плодами перехода от традиционного, патриархального, сельского аграрного общества к современному, индустриальному, городскому, демократическому. Россия вошла в XX век аграрной страной, а вышла индустриальной. Поэтому такое значительное событие, как крушение одной из

крупнейших империй современности, логично осмысливать в контексте модернизационного перехода. Если суммировать ключевые характеристики рассматриваемых понятий – империи и модернизации, то получим их следующие обобщенные характеристики.

Типичным набором признаков традиционной империи являются:

- авторитарное правление; сильная централизация; стремление к неограниченной гегемонии; интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении пространства в единый социально-политический организм;

- доминирование одной нации над другими; контроль имперского центра над ресурсами, идеологией, территорией и народами, удерживаемыми в рамках полного или частичного подчинения силой; дифференциация уровней политического, экономического и культурного развития территорий (метрополии и колоний, центра и периферии); ограниченность ассимиляции народов, вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение ими своих этнокультурных особенностей;

- ведущая роль в формировании политики, ценностей и культуры эпохи; опора на традиционную легитимацию; универсальная политическая и культурная ориентация; религиозное и политическое сплочение; сакральный характер власти, осуществляемой без посредства промежуточных (между правителем и народом) органов и учреждений.

В свою очередь, модернизационный переход предстает совокупностью таких субпроцессов, как индустриализация, урбанизация, демографический рост, эрозия традиций, бюрократизация, профессионализация, демократизация, диверсификация, плюрализм и так далее. В качестве критериев модернизации в различных областях общественной жизни выделяются:

– в экономике: применение технологий, основанных на использовании научного (рационального) знания, высокоэффективных источников энергии; углубление разделения труда и обмена деятельностью; появление вторичного (индустрия, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйств; развитие рынков товаров, капиталов и труда; растущие уровни производительности труда, а также промышленного и аграрного производства; увеличивающаяся доля промышленного (в противоположность аграрному) сектора в валовом национальном продукте; расходование на накопление как минимум до четверти валового национального продукта;

– в социальной сфере: разделение функциональных ролей, выполняемых индивидами в обществе, в частности, разделение между обязанностями в общественном производстве, политике, семье; вытеснение отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости; смена социального критерия сословности или этнической принадлежности на критерий классовой принадлежности; вытеснение традиционной сословной элиты «новыми людьми»; высокая урбанизация; растущее равенство между полами и увеличение числа женщин, работающих вне дома и получающих зарплату; низкая смертность; позднее вступление в брак; невысокие темпы рождаемости и естественного прироста населения;

– в политике: образование централизованных национальных государств и разделение властей; интеграция широких масс населения в политический процесс; формирование осознанных интересов различных общественных групп;

– в области культуры: дифференциация культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризация образования и распространение грамотности; развитие средств трансляции информации; утверждение ценностей индивидуализма; рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями¹.

Будучи сложнейшими историческими явлениями, оба процесса сосуществуют в многофакторной взаимосвязанной динамике, особенно на национальных этапах, придавая друг другу мощные импульсы для дальнейшего обоюдного развития. В то же время теоретическая рефлексия убеждает в том, что традиционный имперский и модернизационный векторы по многим параметрам оказываются разнонаправленными. Антагонистами, оппозиционное напряжение между которыми динамизирует историю, выступают: авторитарность – демократия; зависимость – свобода; централизация – диверсификация; стремление к неограниченной гегемонии – высокотехнологичные механизмы сдерживания; интеграция гетерогенного в этнокультурном

¹ Красильщиков В. А., Гутник В. П., Белоусов А. Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 7–19.

отношении пространства в единый социально-политический организм – регионализация; ведущая роль одной из наций, ее стремление осуществлять контроль над ресурсами, идеологией, территорией и народами, удерживаемыми силой, – самостоятельное развитие в рамках национальных государств; сохранение ярко выраженных этнокультурных особенностей – интернационализация и космополитизм; дифференциация уровней развития центра и периферии – тенденция к сглаживанию различий в уровнях развития; опора на традиционную легитимизацию – эрозия традиций; религиозное или идеологическое сплочение – конфессиональный и идейный плюрализм; сакральный характер власти – рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями, интеграция широких масс населения в политический процесс.

Переходя от понятий к явлениям, рассмотрим, на каком этапе и при каких обстоятельствах модернизация становится катализатором развития российского общества, в конечном итоге уничтожившим традиционную империю. Позиционируя российский имперский цикл на шкале модернизации, выделим три этапа: доиндустриальный, раннеиндустриальный и позднеиндустриальный. Разумеется, история не однолинейна, и говорить об отдельных империях в рамках четко очерченных циклов создания, процветания, упадка, дезинтеграции и постимперского существования – упрощение. Тем не менее грубое деление эволюции империй на определенные стадии представляется полезным. В истории Российской империи можно условно выделить большой (1721–1991) и два малых (1721–1917 и 1917–1991) цикла. Доиндустриальная модернизация, сопряженная с первоначальным вызовом, брошенным патриархальному укладу современностью, появлением и консолидацией новой элиты, началом

Карта Российской империи

тектонических подвижек от традиционности к современности коррелирует с восходящим периодом имперской эволюции. Первый имперский цикл реализуется на последней стадии развития традиционного общества, являясь его «лебединой песней». Индустриальная модернизация страны – основа модернизационного перехода – оказалась «разорвана» на два этапа (до- и послереволюционный) социальным взрывом. «Запал» к нему, созданный из противоречий традиционного и нового, имперской формы государственной организации и требований современности, был ее же (модернизации) собственным производным, а под осколками чуть было безвозвратно не рухнула империя, основанная Романовыми.

Впустив современность в распахнутое в начале XVIII века окно, имперская Россия в течение двух столетий переживала фундаментальный кризис традиционализма. Восстав Фениксом из пепла войн и революций, в новом имперском облике она просуществовала до 1990-х годов. Первый цикл занял около 200 лет, второй – менее 100. Финал оказался предсказуемым – все империи рано или поздно распадались под напором требований перемен в обществе, неспособном разрешить накопленный конфликтный потенциал традиционными способами. (Высшая и в значительной степени не оспаривавшаяся имперская власть Рима просуществовала также около трех столетий.)

Исчерпанность традиционной империи как исторического явления обусловлена прежде всего введением в действие новых, неимперских механизмов мондиализации, наиболее адекватно описываемых теорией модернизации. «В эпоху, когда эти механизмы начинают определять государственную политику, традиционная (средневековая) имперская система перестает быть основным «орудием» созидания мировой истории, что последовательно приводит любую империю к кризису идентичности, а затем к неминуемому распаду»¹. Кризис традиционной империи реализуется на фоне интенсивных технологических, социальных, ментальных подвижек, характеризующих этапы индустриальной и позднеиндустриальной модернизации.

Возрождение империи в облике СССР переплетается с индустриальным и позднеиндустриальным этапами модернизации. Советская империя была воссоздана на основе советской

*Э. Фальконе.
«Медный всадник».
Памятник Петру I,
Санкт-Петербург*

¹ Каспэ С. И. Империи: генезис, структура, функции // Полис, 1997. № 5. С. 45.

*Карта Союза
Советских
Социалистиче-
ских Республик*

индустрии, став уникальным примером не только евразийской, но и синтетической традиционно-современной империи, своеобразное развитие которой, ее прорывы и провалы детерминировались геополитическими, культурно-историческими и социально-политическими реалиями XX века. Не сумев вписаться в постиндустриальный этап модернизации, советская империя в очень короткий срок их лишилась и оказалась в начале 1990-х годов в ситуации тотального социально-экономического, политико-административного и культурно-цивилизационного кризиса.

Наиболее масштабная модернизация состоялась в советский период имперской истории. Тогда страна шла по этому пути в условиях, когда основные игроки на мировой политической сцене – ведущие государства Западной Европы и США – практически завершили свою модернизацию. Дистанцию, по которой компактная Европа шла около пяти столетий, Россия, выведенная на дорогу модернизации Петром I, была вынуждена преодолеть по просторам одной шестой части земной суши за период вдвое короче. Отсюда известный сталинский прессинг для последнего рывка: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Ценой огромных человеческих жертв эта задача была решена.

Как уже сообщалось выше, в результате первых пятилеток СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. В 1937 году на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции, что свидетельствовало о важном шаге на пути модернизации России, движении от традиционного аграрного общества к индустриальному. Советский Союз превращался в страну с современным производственно-техническим и научно-образовательным потенциалом. Модер-

низация была важна для укрепления обороноспособности страны, что имело принципиальное значение накануне Второй мировой войны, знаменовавшей собой очередную историческую схватку за лидирующее место на мировой арене. Она спасла Россию от фашистского рабства, что сыграло решающую роль в ее судьбе. Модернизация обеспечила централизацию государства, восстановила историческую преемственность великой империи. «Изумительные достижения сталинизма» в области модернизации признает даже такой ненавистник Советской России и апологет западного мира, как З. Бжезинский.

Послевоенные годы советской империи отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые достижения были получены в атомной энергетике, ракетно-космической технике, электроэнергетике, машиностроении и в других отраслях экономики. СССР (наряду с США) стал страной, способной производить любой вид промышленной продукции. Тем самым было преодолено стадияльное отставание России от индустриально развитых стран мира. В середине 1980-х годов СССР входил в число мировых промышленных гигантов, занимая ведущие места по многим показателям индустриального прогресса.

Советская экономика постепенно двигалась к постиндустриальному развитию. В 1989 году в структуре ВВП на долю услуг приходилось около 32%, более 60% занимало производство товаров. Около 40% занятых в народном хозяйстве РСФСР имели высшее и среднее специальное образование, что вплотную приблизилось к показателям США. В силу этого советская экономика на начальном этапе движения к постиндустриальному обществу была в состоянии справиться с задачами научно-технического прорыва при условии концентрации ресурсов в перспективном направлении.

В середине 1970-х годов, когда потребовалось активное вытеснение отмирающих и неэффективных технологий, этого не произошло, что привело к падению темпов роста в стране. Культом советской индустриализации была тяжелая промышленность, но в ее структуре слишком большой удельный вес занимали добывающие отрасли, производящие продукцию на экспорт. Сырьевая направленность экономики, с одной стороны,

З. Бжезинский

Шагающий экскаватор

*Запуск ракеты
«Восток»*

не обеспечивала должного развития высоких технологий, которые приходилось ввозить из-за рубежа, а с другой – обрекала империю на роль сырьевого придатка западного мира.

Решающее влияние на ход экономического развития СССР оказало противостояние с США. Историческое соперничество двух сверхдержав вместе с возглавляемыми ими военно-политическими блоками породило горы оружия, базировавшегося на достижениях модернизации, и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений. В 1980-е годы на долю оборонного комплекса приходилось 20–25% валового национального продукта. Треть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работали непосредственно на военные нужды.

В результате такого напряжения удалось добиться стратегического паритета с США. Паритет принципиально важен, но нужен ли он был на столь высоком уровне? Такая гонка за лидером привела Россию к разорению, на что и рас-

считывали США. Советская империя «рухнула... потому, что... финансовый гнет из-за военных затрат оказался ей не по силам», – утверждает Р. Макфарлейн, бывший помощник советника президента США Р. Рейгана по национальной безопасности и вошедший в историю американской внешней политики главным идеологом и организатором программы «стратегической оборонной инициативы» (СОИ).

Внутренние проблемы Советского Союза накапливались по мере нарастания противоречий между имперской формой его существования и углублением модернизации; гипертрофированным развитием военно-промышленного комплекса и сдерживанием прогресса гражданских отраслей; жестким укладом командно-административной системы и требованием перемен в обществе. Все это привело к глубокому кризису империи, но у нее остался еще значительный запас прочности, если бы государственное руководство не оставалось в шорах ушедшей эпохи, воспрепятствовало бы центробежным тенденциям, не допустило бы перерождения властных функций, остановило бы разрастание теневой экономики и вмешательство извне, использовало бы оставшиеся пережитки традиционного общества для сохранения имперскости.

Условно можно выделить три главные причины распада СССР: историческая предрасположенность; внутренняя эрозия; внешняя «мировая» агрессия. Первая причина связана с рассмотренным сложным противоречивым характером взаимодействия между империей и модернизацией. Хотя развитие империи теснейшим образом переплеталось с модернизацией,

более того, модернизация постоянно подталкивала империю к переменам, но она же и подрывала традиционную империю. А незавершенность российской модернизации, неспособность руководства страны вывести страну на новый виток развития в конечном счете привели к распаду великого государства, к потере исторической возможности его трансформации в мощную современную державу.

Непосредственным поводом к этому послужило объявление, а затем и реализация принципа самоопределения наций, составивших великую страну. Возможность распада советской империи была изначально заложена в тех основах, на которых строился СССР. Все входившие в него республики и созданные в них автономные образования были сформированы по национальному признаку, хотя в некоторых регионах нация, давшая имя республике или автономной области, составляла меньшинство ее населения. За каждой республикой признавалось право свободного выхода из Союза, чего нет ни в одной федерации мира. Право выхода из Союза подтверждалось Конституциями СССР 1936 и 1977 годов, а в последней к тому же был провозглашен безусловный суверенитет каждой союзной республики. Делалось это в пропагандистских целях, для украшения политического фасада: руководители СССР были уверены, что этими правами никто и никогда не воспользуется – вернее, не осмелится воспользоваться.

Административно-политическое деление по национальному принципу такой огромной многонациональной и мультиконфессиональной страны привело к тому, о чем еще в начале XIX века предупреждал декабрист П. Пестель. Убежденный в неприемлемости федеративного устройства для России, состоящей из разнородных в социально-экономическом, этноконфессиональном, политико-административном плане регионов, в своем основном программном документе – «Русской Правде» – он писал, что «ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами»¹.

Модернизация национальных окраин страны способствовала их значительному экономическому и культурному росту, подъему национального самосознания, которое в условиях заката империи начало перерастать в национально-

*Е. Пестель.
«Павел Пестель»*

¹ Пестель П. И. Русская Правда. Гл. 1. § 4 // Восстание декабристов. Документы. Т. VII. М., 1958.

*Митинг украин-
ских национали-
стов. 1990 год*

*Армяно-
азербайджанский
конфликт*

сепаратистские движения, пытавшиеся воскресить нереализованные национальные притязания прошлых эпох. В последний год существования СССР на его территории было зафиксировано свыше 100 таких ситуаций. Они имели глубокие корни, уходящие в предшествующие столетия и даже тысячелетия. Территорию СССР населяли многочисленные народы, пришедшие сюда в разные исторические эпохи с разным цивилизационным багажом. В отличие от стран Западной Европы, они вплоть до конца XX века не прошли стадию формирования гражданского общества, не сложились в мононациональные государства, да и не могли этого сделать в силу уникальной пестроты этнического состава и принципиально иных социально-экономических и внешнеполитических условий.

Вторая причина, порожденная первой, связана с неуклонным нарастанием центробежных тенденций в империи по мере осложнения экономического положения государства и ослабления его политической роли, разложением центральной власти, зарождением в ней криминогенных кланов, возрастанием претензий национальных элит на окраинах, стремящихся к поиску собственного выхода из затруднительного положения. Долговременная ориентация на экстенсивные факторы индустриального развития привела к тому, что по мере их исчерпания

страна оказывалась во все более критическом положении. Масштабы ресурсоемкого типа воспроизводства, характерные для ранних стадий индустриализации, не только не сокращались, но и возрастали, обрекая великую страну на положение сырьевого придатка Запада.

Неспособность советского руководства провести своевременно коррекцию экономического

*Дж. Форд
и Л. Брежнев
подписывают
договор о сокра-
щении атомных
вооружений
ОСВ-1 во Владиво-
стоке. 23 ноября
1974 года*

курса привела к тому, что страна споткнулась за переход от среднеразвитого к зрелому индустриальному обществу. Позднее акцент был сделан на критике индустриальной модели социализма, в то время как кризис переживал и индустриальный капитализм. Если Западный мир нашел выход из своего кризиса на пути своевременного перехода к постиндустриальному обществу, то Россия надолго застряла в неопределенности выбора своего пути. Достигнутое благодаря модернизации относительно высокое благосостояние народа со временем деформировалось, когда советская экономика втянулась в «потребительскую гонку» с Западом. Ей оказались не под силу две беговые дорожки одновременно – соревнования в области вооружений и массового высокого потребления. Западная система, имея многовековой опыт модернизации, загнала неокрепшую советскую экономику в тупик, что трагически сказалось на судьбе России в конце XX столетия.

«Гонка»

Мировые достижения советской модернизации уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс гражданских отраслей терял темпы, не поспевая за техническими достижениями Запада, особенно в области высоких технологий. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и услуг, ограничивало рост благосостояния народа. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село, тем самым свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному, но по причине догматической трактовки роли села в экономике страны и в связи с волюнтаристской политикой на селе сельское хозяйство все более деградировало, перестав удовлетворять потребности народа в продовольствии, а промышленности – в сырье. Индустриализация, осуществляемая в значительной степени за счет крестьянства и сельского хозяйства, привела их к деградации, от которой они не смогли оправиться до конца советской власти, когда страна, имевшая максимальные посевные площади на душу населения, импортировала более 40 млн т зерна ежегодно, тратя на это огромные валютные резервы, и оказывалась неспособной преодолеть дефицит продуктов питания. Советская модернизация фактически уничтожила многовековую крестьянскую Россию.

Советская система хозяйствования становилась все менее эффективной, росла денежная эмиссия, деньги обесценивались, потребительский рынок разрушался. Темпы роста номинальных денежных доходов вышли из-под контроля. Назревала гиперинфляция, грозившая всеобщей разрухой и обнищанием. Стремительно таяли золотовалютные резервы. В 1991 году золотой запас сократился до беспрецедентно низкого уровня – 279,6 тонны (царское правительство после двух с половиной лет тяжелой

войны сохранило к февралю 1917 году и передало Временному правительству 1,3 тыс. тонн золота).

Развивался процесс внутреннего разложения советского общества. Повышался экономический интерес, связанный с личными доходами и собственностью. Все большее значение приобретала близость индивида к товаропроизводящей сети. Административный ресурс постепенно конвертировался в личные привилегии, а государство между тем утрачивало монополию на власть, уступая ее политическим кланам, военной и хозяйственной бюрократии. Собственность государства постепенно переходила в руки отраслевых и региональных корпораций. Расцветали «черные рынки», через которые перекачивалась все возрастающая часть государственных ресурсов.

Наряду с официальной формировалась теневая экономика, которая вела к постепенному перерождению советского строя и социалистических методов модернизации, усиливала центробежные тенденции. Многие предприятия, особенно на Кавказе и в Средней Азии, создавали подпольные производства. В те годы теневая экономика обеспечивала, по некоторым оценкам, не менее 25% доходов населения. В первой половине 1980-х годов ее оборот достиг 70–90 млрд руб. На дефиците продуктов промышленности и сельского хозяйства вырастали тысячи подпольных миллионеров. К концу 1980-х годов масштаб теневой экономики увеличился до 120–130 млрд руб., приблизившись к пятой части национального дохода СССР, а к концу 1990-х достиг 50%¹.

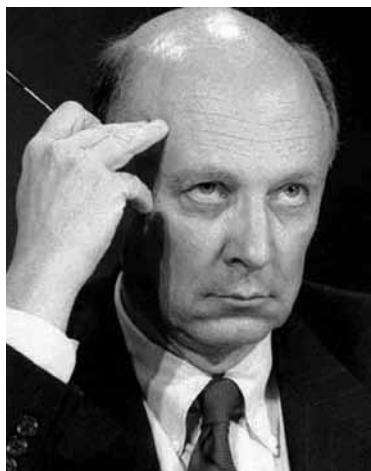
Горбачевская перестройка во второй половине 1980-х и либеральные реформы 1990-х годов не дали положительных результатов, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям. После официально провозглашенного разрыва с социалистической идеологией в духовной жизни российского общества образовался вакуум. Поощрялось возрождение архаических форм социальной, экономической и политической жизни. Началось масштабное разворовывание страны. За рубеж уходили сотни тысяч тонн ценнейшей продукции.

Третья причина проистекает из поражения страны в холодной войне и «мирного» наступления ее главного соперника – США. «Советский Союз потерпел крах не сам по себе, – пишет П. Швейцер, – не потому, что время было на нашей стороне. Если бы Кремль не столкнулся с кумулятивным эффектом СОИ, ростом расходов

Очередь в Макдональдс в Москве, 1990 год

¹ Куликов А. Преступление и наказание // Слово не воробей... М., 2001. С. 143.

на оборону, геополитическими препятствиями в Польше и Афганистане, потерей десятков миллиардов долларов в твердой валюте, поступавших за экспорт энергоресурсов, ограничением доступа к технологиям, разумно полагать, что он бы смог выдержать бурю. Советский коммунизм не был организмом, обреченным на самоуничтожение в любой международной среде. Американская политика могла изменить и изменила курс советской истории»¹.

Известны откровенные признания виднейших американских государственных и общественных деятелей, утверждающих, что «победа США в холодной войне была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза». В частности, Дж. Вулси во время сенатских слушаний при утверждении его директором ЦРУ сказал о бывшем Союзе ССР: «Да, это мы прикончили гигантского дракона». Советник Буша по национальной безопасности Б. Скаукрофт сообщал в своем интервью корреспонденту «Независимой газеты», что его «первой реакцией на окончательный спуск советского флага над Кремлем было чувство гордости за ту роль, которую мы сыграли в достижении этого. Мы упорно работали над тем, чтобы продвинуть Советский Союз в этом направлении...»².

За этим стояли специальные программы президентов Рейгана, Буша, не говоря уже о широко известных директивах предшествующих администраций, начиная со стратегии борьбы с СССР, предложенной в конце Второй мировой войны А. Даллесом. В основе всех этих планов ведения «холодной войны» против СССР лежала установка взорвать Советский Союз изнутри

П. Швейцер

Дж. Вулси

А. Даллес

¹ Schweitzer P. Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. N. Y., 1994. P. 282.

² Цит. по: Вдовин А. И., Корецкий В. А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России. М., 2000.

с помощью его разложения и старых как мир приемов натравливания одних народов на другие. Целью не только США, но и других стран Запада было не просто уничтожение расплывающегося по планете коммунизма, но и ослабление, расчленение Советского Союза, овладение его огромными природными ресурсами в условиях глобализации мировой экономики. Следовательно, это была борьба гигантов за гегемонию в мире, имевшая геополитический, всемирно-исторический характер.

Таким образом, рассмотренные глубинные причины распада СССР говорят не в пользу трактовки его автоматического краха в 1991 году. Катализирующую, роковую роль сыграла горбачевская перестройка, которая не имела четкой программы и привела к хаосу в стране. Непродуманная политика ускоренного прогресса закончилась стремительным регрессом. В результате номинальный объем ВВП России конца 1990-х годов соответствовал 15% советского ВВП (1980) и составлял 5% ВВП США. Между тем мировой опыт указывает на необходимость завершения технологической модернизации для продвижения экономики к постиндустриальной модели развития. При декларации курса на постиндустриальное развитие терялось накопленное до перестройки. С 1985 по 1997 годы из научной сферы ушли 2,4 миллиона человек. Численность работающих по специальности ученых возвратилась к уровню первых послевоенных лет, а выезд научных работников за рубеж достигал 300 тыс. человек в год. Потери, вызванные утечкой за рубеж интеллектуального капитала за годы реформ, составили порядка 60–70 млрд долларов¹. Широко известны провалы в образовании и потери квалификации рабочих на остановившихся предприятиях. С таким багажом в постиндустриальном обществе делать нечего.

СССР выдержал Вторую мировую войну, сопротивлялся суровым испытаниям холодной войной, но не вынес удара в спину

тройки предателей: Бориса Ельцина, Леонида Кравчука и Владислава Шушкевича, подписавших в Беловежской пуще вердикт о его роспуске. Такого масштабного предательства своей Родины не знала история. Вот уж воистину русский размах. Куда смотрели лидеры новых политических партий, почему не встал на защиту Отечества простой народ? Политики всегда спекулируют

*Л. Кравчук,
В. Шушкевич,
Б. Ельцин
в Беловежской
пуще*

¹ Иноземцев В. Д. Современное индустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 273.

на чаяниях народных, нередко на диаметрально противоположных. Хрущев – на коммунизме, Ельцин – на антикоммунизме.

Распалась великая держава, которую потом и кровью создавали наши предки. 30 млн соотечественников остались за пределами Родины бедствовать на чужбине. Россия оказалась разделенной страной. Минуло более двадцати лет с того времени, когда под влиянием внутренних разломов и цунами, обрушившихся на СССР с Запада, советский материк повторил судьбу Атлантиды. Сегодня, согласно различным социологическим опросам, о распаде СССР сожалеют три четверти всех россиян. «Кто не сожалеет об этом, у того нет сердца», – сказал Президент РФ В. Путин.

Развиваемый в этом тексте подход был апробирован мной на международных конференциях: «Причины распада СССР и его влияние на Европу» (Пекин, май 2000 г.); «Распад СССР и глобальный кризис капитализма» (Варна, август 2001 г.), а также на «Урало-Сибирских исторических чтениях», посвященных 275-летию РАН» (Екатеринбург, апрель 1999 г.). Наибольший интерес представляют материалы пекинской конференции. В ней наряду с китайскими учеными приняли участие известные европейские, американские, австралийские профессора: Н. Верт (Франция), Г. Нойберт (Германия), Д. Пауэлл (США), К. Петров (Австралия). Россию представляли В. В. Алексеев, В. Г. Буров, В. К. Волков. Мой доклад «Регионализм в России: истоки и уроки» стоял в программе первым. Он вызвал очень острые дискуссии, потому что представлял собой оригинальную точку зрения, не совпадающую с западноевропейскими концепциями.

В докладе болгарского ученого М. Килева был подвергнут острой критике хрущевский ревизионизм как предтеча горбачевской перестройки и ельцинских реформ. Он ссылаясь на известного итальянского политика Д. Андреотти, который писал: «Без XX съезда КПСС едва ли когда-нибудь на горизонте могла появиться звезда Михаила Горбачева». Эту мысль развил австралийский профессор К. Петров. Он назвал «перестройку» и «гласность» «главными политическими рычагами дезинтеграции и распада», «донкихотовскими миражами». По его мнению, Горбачев создал «машину без тормозов, которая неслась с бешеной инерцией в пропасть».

Китайский профессор Чень Чжихуа, раскрывая глубинные причины распада СССР, акцентировал внимание на догматизме советских руководителей, которые зациклились на методах 30–40-х годов и не учитывали реалий послевоенного мира. Он отдал должное успехам

Картина на берлинской стене. «Горбачев – автор перестройки»

СССР, отнеся 20–40-е годы «ко времени восхождения и расцвета», но отметил: «За долгий период руководители Советского Союза не смогли в конечном счете осуществить коренной эффективной реформы этой системы, что явилось, несомненно, смертельным фактором», а «стабильность в конце концов обернулась застоєм». Однако, по его мнению, «распада СССР можно было избежать».

Профессор Сюй Тяньсинь в докладе «Крестьянский вопрос и распад Советского Союза» и профессор Чжаю Чанцин в докладе «Национальный фактор распада СССР» рассматривают наиболее острые проблемы СССР. Делаются выводы: «Проблема модернизации крестьянства длительное время не получала разрешения, что привело к возникновению ряда негативных последствий, которые в конце концов явились основной причиной распада СССР и неудачи социализма». С точки зрения китайских ученых, беда в том, что лидеры КПСС разных поколений, от Сталина до Горбачева, не признали наличия национального вопроса в СССР. Хуже того, Горбачев, выдвигая лозунги «гласность», «не оставлять белых пятен в истории», не учитывал, какие последствия могли возникнуть. Как раз после провозглашения этих лозунгов немедленно выявились проблемы национальных отношений, что застало Горбачева врасплох.

В 2001 году мой старый знакомый, профессор Сиднейского университета (Австралия), болгарин по происхождению Койчо Петров пригласил меня в Варну на Международную научную конференцию «Распад Советского Союза и кризис мирового капитализма». Прибыв в отель на Золотых песках, позвонил в номер К. Петрову с извинениями за опоздание и с вопросом, куда и когда мне надо приходиться? Он ответил: «Твой доклад первый, но раз ты опоздал, мы отложили заседание до твоего прибытия. Иди купайся. Завтра встретимся в зале заседаний». Казалось, что такое благостное начало не предвещает никаких беспокойств, но сразу же после доклада развернулись отчаянные споры по поводу причин распада нашей страны. Несмотря на то, что я обрисовал его с большим сожалением, болгарские коммунисты обрушили на меня шквал критики, как будто был лично виновен в крахе великой империи.

После конференции один из нейтрально настроенных болгар пригласил меня на дачу к отцу своей жены. Мы тепло встретились со старым строителем. Он угощал нас крепким домашним вином и великолепным виноградом, с горечью говорил о распаде страны Советов, возмущался тем, что новая Россия бросила болгар, забыв о поддержке, которая уходит корнями в позапрошлый век. Тяжело было слушать слова рядового болгарина на фоне трескотни большой политики.

Российская цивилизация¹

На перепутье советской и постсоветской эпох остро встала проблема российской идентичности, национального самосознания. Столетия она опиралась на православие и самодержавие, десятилетия – на социалистическое мировоззрение и советскую власть. Перед концом советской эпохи возникла идея новой исторической общности – «советского народа», но после распада СССР эта категория использоваться уже не могла. В ходу стало понятие «россиянин» с перспективой провозглашения российской нации по западноевропейскому образцу. Однако ставить знак равенства между исторически сложившимися западными мононациями с их гражданской солидарностью и российской многонациональностью, не сформировавшимся гражданским обществом вряд ли правомерно. Как могут в одночасье стать одной нацией более 160 народов, говорящих на разных языках и наречиях с разными историческими корнями, культурами и конфессиональными признаками, а также с вопиющим социальным расслоением? Реальней обсуждать проблемы не «государство – нация», а «государство – цивилизация».

Признаки цивилизации

Для начала необходимо понять, что исторически представляла собой Российская цивилизация. Ее признавали классики модернизационной теории, а особенности отмечали многочисленные авторы, но главный вопрос заключается в том, чтобы уяснить базовые основания. Российская цивилизация заняла вмещающее пространство Северной Евразии и нередко именуется «Евразийской», а иногда православно-славянской, но так или иначе идентифицируется с одной из крупнейших стран мира – Россией.

Это самая северная в мире локальная цивилизация, славяно-тюрко-угро-финский симбиоз. Ее ядро начало складываться в Восточной Европе на основе восточной ветви христианства, заимствованной из Византии. Будучи включенной благодаря ему в общеевропейский культурный процесс, эта цивилизация уже в период своего становления соединила достижения восточных и западных миров, что облегчало в дальнейшем взаимодействие с носителями их культур. После падения Византии Московское царство, а затем и вся Россия считали себя наследниками и хранителями Святой Православной веры.

¹ См. подробнее: Алексеев В. В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник, 2010. № 3. С. 4–14; Он же. Трансформации Российской цивилизации в XX веке // Историческая ураловедение и русистика на Урале. Материалы международного семинара. Екатеринбург, 2010. С. 186–221.

Следовательно, в основе Российской цивилизации лежало восточное, византийско-православное крыло христианства, тогда как Атлантическая базировалась на западном, римско-католическом. Отсюда общность и различия этих цивилизаций. Российская цивилизация изначально отличалась от Западной (Атлантической) тем, что первая вышла из Восточной Римской империи, вторая – из Западной. Первая исповедовала православие с его общинностью, приверженностью к традиционному обществу. Вторая – католицизм, протестантизм, индивидуализм, освященный Реформацией. Первая как более близкая к раннему христианству породила коммунизм и советы, вторая – капитализм, модернизм и социал-демократию. Эти две цивилизации долгое время находились в состоянии противостояния.

В ходе развития Российской цивилизации, несмотря на изменение исторических условий и политических режимов, сформировались фундаментальные основы разных сторон жизнедеятельности ее населения, своеобразные коды. К ним, с нашей точки зрения, относятся:

- гигантская территория, важное геостратегическое положение между Востоком и Западом;
- географическая и климатическая специфика, тяготеющая к Северу;
- трудные условия воспроизводства человеческого существования;
- изначально земледельческий характер экономики;
- незащищенность естественными рубежами от посягательств извне;
- продолжительное отсутствие выхода к морю;
- стабильность и длительность существования;
- самобытность, оригинальность культуры и традиций;
- общность исторической судьбы, полиэтничность и многоконфессиональность;
- православная вера как консолидирующая основа цивилизации;
- политическая самостоятельность, державность, унитаризм;
- своеобразие форм государственного, социального, городского устройства;

Российский масштаб

- общинность, идеи социальной справедливости, нестяжательства, мессианиззм;
- экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм;
- мобилизационный тип развития.

Гигантские размеры территории образовались в ходе колонизации земель сначала Приднестровья, Поволжья, а затем Сибири, Средней Азии, Кавказа, Дальнего Востока. Наиболее

активно этот процесс происходил в эпоху Великих географических открытий, когда территория Московского государства прирастала за год в размере целой страны, такой как, например, Швеция. В результате образовалась огромная империя от Балтики на Западе до Тихого океана на Востоке и от Северного Ледовитого океана на Севере до горных хребтов Тянь-Шаня на Юге. В итоге территория цивилизации приблизилась к 1/6 части обитаемой суши планеты Земля с огромным количеством разнообразных полезных ископаемых, пахотных угодий и водоемов. Занимая вмещающее пространство Северной Евразии, она сохраняла важное геостратегическое положение между Востоком и Западом. После революции 1917 года и крушения имперской России, распада СССР в 1991 году на ее бывшей территории образовалось 21 самостоятельное государство, что еще раз свидетельствует о масштабах и значимости Российской цивилизации.¹

И. Шишкин.
«На севере диком»

Географическая и климатическая специфика, тяготеющая к Северу. Существуют области с диаметрально противоположным климатом. В то время как Крайний Север относится к арктическим и субарктическим поясам, южные территории – к субтропическим. В Арктических широтах период с положительными температурами сокращается до 2,5–3 месяцев, а максимальные зимние температуры достигают -50° . Продолжительность отопительного сезона приближается к 350 дням в году, а затраты на завоз товаров – к 100% их стоимости. В центральных и южных районах климат более благоприятен, но их территория после распада СССР серьезно сократилась. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности ныне составляют 62,6% территории Российской цивилизации.

Трудные условия воспроизводства человеческого существования были порождены прежде всего неблагоприятными климатическими условиями хозяйствования, связанными с многочисленными неурожайными годами, высокими затратами труда на единицу продукции, большими транспортными затратами. Для достижения уровня развитых стран России требуется 14,2 т условного топлива на человека, тогда как для Японии достаточно 4,5, Германии 6,1 т. В результате объем совокупного прибавочного продукта в России значительно меньше, а условия для

¹ Критерии успешности страны, цивилизации, человечества // Россия в историческом и мировом пространстве. М. 2010. Вып. 8. С. 49.

Г. Мясоедов.
«Страдная пора
(Косцы)»

не только себя, но и ряд стран Европы. На долю сельского хозяйства приходилось более трех четвертей национального дохода. 85% населения составляли крестьяне. К началу Первой мировой войны лишь 14,6% населения жили в городах, только 22% были заняты вне аграрного сектора, тогда как в развитых странах Западной Европы удельный вес работающих вне сельского и лесного хозяйства превышал половину всего самодельного населения, а в Великобритании – доходил до 90%. Невысокий уровень прибавочного продукта, получаемый в сельском хозяйстве препятствовал первоначальному накоплению капитала для развития промышленности, чем в значительной степени объясняется отставание России от Западной Европы в переходе от традиционного аграрного к современному по тому времени индустриальному обществу. В XX веке ситуация изменилась в противоположном направлении. Промышленность заняла господствующие позиции, раздвинула границы жизнеобитания, а сельское хозяйство пришло в упадок и не могло прокормить собственное население.

Незащищенность естественными рубежами от посягательств извне проистекала от огромных пространств, не ограниченных крупными водными или горными преградами. С Востока и Юга по цивилизации периодически прокатывались волны кочевников. С запада наступали европейцы, прежде всего германцы и скандинавы. По некоторым подсчетам с 800 по 1237 годы военные нападения на Русь происходили каждые четыре года, а с 1368 по 1893 годы 329 лет прошло в войнах. О масштабных и кровопролитных войнах двадцатого столетия и говорить не приходится, в том числе о «холодной войне», которая требовала ядерного паритета между Атлантической и Российской цивилизациями. Паритет был достигнут, но это не спасло СССР от гибели. Войны держали Российскую цивилизацию в состоянии постоянной боевой готовности, что стало одной из причин

его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Мало времени остается для образования и культуры. Ситуация еще больше обостряется недостаточной встроенностью в мировую торговлю и международное разделение труда.

Россия имела изначально земледельческий характер экономики. Вплоть до XX века она была преимущественно аграрной крестьянской державой, обеспечивая продовольствием

мобилизационного типа развития. Занимая срединное положение между Европой и Азией, Российская цивилизация не только обороняла себя, но и эти обе части света. Она спасала Европу от азиатов (Батый, Аттила, Тамерлан), а Азию (до определенной поры) от европейской колонизации. При этом Россия в отличие от европейцев, присоединяя все новые и новые территории на Востоке, не искореняла их аборигенов, а приобщала к своей цивилизации, оберегая от более жестоких захватчиков, что сплачивало многочисленные этносы и конфессии вокруг нее. В этом уникальность Российской цивилизации.

Продолжительное отсутствие выхода к морю и в целом континентальный характер цивилизации тормозили проникновение инноваций извне, обмен экономическим, военным и культурным опытом, порождали застой политической, экономической, социальной и культурной жизни прежде всего в народной толще. Элита общества активней пользовалась новшествами, но это приводило к ее паразитизму и отрыву от народа, что обостряло социальную напряженность, вело к росту протестных настроений и действий, вылившихся в Российскую революцию начала XX века, последствия которой не преодолены до сих пор. Проиллюстрируем этот цивилизационный раскол одним примером. С включением России в европейский модернизационный процесс поток западных заимствований усилился, но пользовалось ими прежде всего российское дворянство. Его ежегодные расходы на новомодные прихоти в 1793–1795 годах составляли не менее 18 млн руб., что достигало более 35% доходов помещичьих хозяйств. В дальнейшем эти расходы увеличились еще больше, приводя к крупным займам и неоплатным долгам помещиков, а те, в свою очередь, увеличивали повинности крестьян, чтобы поднять доходы и выпутаться из долгов. В итоге модернизация вместо роста экономики и повышения ее эффективности вела к обострению противоречий в обществе.

Стабильность и длительность существования – более 1000 лет свидетельствует о цивилизационном статусе России. На протяжении тысячелетия были подъемы и спады, причем крутые, но линия существования не прерывалась, несмотря на серьезные угрозы: татаро-монгольское, наполеоновское, гитлеровское нашествия, смуты начала XVII и XX веков, распад

В. Серов.
«Ледовое побоище»

М. Микешин.
«1000-летие
России»

страны конца XX века. Оставались территория, природные условия, этносы и конфессии, особенности власти, культуры и традиций, тип развития. Менялись масштабы, политические режимы, социальные страты, положение в мире, но сущность цивилизации сохранялась.

Самобытность, оригинальность культуры и традиций – отличительная черта каждой цивилизации, но в том-то и вопрос, насколько самобытна русская культура и в чем ее оригинальность по сравнению с другими культурами и традициями, могут ли они считаться основой Российской цивилизации? Ответ безусловно положительный, и он зафиксирован в многочисленных трудах по истории нашей Родины. Однако существует несколько проблем, по которым требуются комментарии. Во-

первых, как соотнести это с уникальной многонациональностью Российской цивилизации? Во-вторых, насколько повлияли западная и восточная культуры на русскую культуру? В-третьих, какую роль во всем этом играла антиномичность нашей культуры.

Ответом на первый вопрос служит многовековая историческая общность народов, их взаимовлияние и доминирующая роль славянской составляющей, что привело к интеграции многих культурных ценностей и обычаев при сохранении национального колорита. Ответ на второй вопрос зависит от степени межцивилизационных и межстрановых влияний. Они, разумеется, были, но не меняли основных кодов цивилизации. Третий вопрос касается социальных различий между народной и элитарной культурами. Они, конечно, были, как и во всех цивилизациях, но это не отменяет самобытность российской культуры.

Русский хоровод

Общность исторической судьбы, полиэтничность и многоконфессиональность народов Российской цивилизации феноменальны. В принципе полиэтничность и многоконфессиональность – черта многих цивилизаций, однако такое многообразие, как в России, их толерантность – явление редкое. К началу XX века здесь насчитывалось 150 больших и малых этносов, различных по языку, культуре, особенностям быта, но тесно связанных общностью исторических судеб. Больше половины составляли русские и представители других славянских народов. Присутствовали тюрки, угро-финны и многие другие. Одни исповедовали

*И. Мартос.
«Памятник
Миниңу
и Пожарскому»*

православие, другие – ислам, третьи – буддизм, а некоторые – иные религии. Господствующим было православие, но оно уживалось с другими религиями. Представители разных народов и конфессий входили в элиту российского общества и нередко занимали высокие посты. Россия не знала геноцида народов, инквизиции, религиозных войн. Такому единению способствовали как внутренние, так и внешние обстоятельства – нелегкие условия существования в суровом климате и постоянная опасность нападений извне в связи с незащищенностью границ естественными рубежами.

В результате взвешенной национальной и конфессиональной политики в Российской цивилизации вплоть до начала XX века в основном сохранялась стабильность, за исключением волнений в Польше и на Северном Кавказе, что однако не исключало перманентного напряжения между народами, а также конфессиями. Восточные народы со своими религиями явно тяготели к зарубежным собратьям, а борьба между славянофилами и западниками отражала противостояние между Российской и Западной цивилизациями, между православием и католицизмом, а также другими христианскими верованиями.

Православная вера оставалась консолидирующей основой цивилизации на протяжении многих веков. Она стояла у истоков российской государственности, ее духовной культуры, способствовала утверждению национального самосознания народов, их сплочению в борьбе против иноземных захватчиков. Нередко важнейшие решения русские цари проводили через церковные соборы. После падения Константинополя возникла

идея «Москва – Третий Рим», которая утверждала, что вслед за Римом и Константинополем центром христианства становится Россия во главе с русским князем, ответственным за судьбу всего православного мира. Эта идея была положена в основу идеологии Московского государства. Православие сыграло важную роль в расширении границ цивилизации, оно обращало в свою веру многочисленные народы, вливающиеся в ее состав, несло им европейскую культуру и христианскую нравственность, прививая чувство духовности, любви к ближнему, взаимопомощи, милосердия. Эти качества, свойственные Российской цивилизации, прошли через века, способствовали ее консолидации и авторитету, благотворно повлияли на формирование русской литературы и искусства, принеся им мировую славу. В XX веке, несмотря на отделение церкви от государства и ее разгром, православие сохранялось в народной толще. К нему в трудные годы обращалась даже богоборческая власть, например во время Второй мировой войны, когда были сделаны большие послабления для церкви, возвращены из лагерей священнослужители. С падением советского строя в конце века православие получило государственную поддержку и значительно расширило свое поле деятельности вплоть до того, что стало объектом критики Атлантической цивилизации вместо ненавистного ей до недавнего времени коммунизма.

*Крестовоздвиженский собор
Верхотурского
Свято-Николаевского мужского
монастыря*

Политическая самостоятельность, своеобразие форм государственного и социального устройства, державность, унитаризм в первую очередь проявлялись в особой роли государства, которое в условиях огромной территории, многонациональности и многоконфессиональности, отсутствии естественных рубежей защиты от постоянных притязаний иноземцев могло сохранить целостность и политическую самостоятельность цивилизации. Отсюда авторитаризм власти, державность, царистский культ: великий князь, царь, император, генеральный секретарь, президент. Государство заменяло слабость гражданского общества, обеспечивало независимость страны. Отсюда девиз «За Веру, Царя и Отечество», который в первой трети XIX века отлился в триаду «Православие, самодержавие, народность». Считалось, что именно эти составляющие обеспечи-

вают благоденствие и могущество России, мир между ее народами и сословиями, защиту от «тлетворных» революционных идей Запада. В советское время эта формула подверглась резкой критике и казалось, что была отменена навсегда. Однако фактически она наполнилась новым содержанием: марксизм-ленинизм, диктатура пролетариата, «новая историческая общность – советский народ» – и продолжала существовать. В итоге можно утверждать, что Россия, в отличие от других держав, не нация, а цивилизация.

Соборность, общинность, идея социальной справедливости, нестяжательства, мессианизма, составляли стержень Российской цивилизации, символизирующий духовную общность народа, единство православной церкви. Отсюда общность людей, их стремление к сплочению и взаимопомощи на пути к религиозному и общественному единению народов, всего человечества. Эта мессианская идея широко распространялась в России и за рубежом, способствуя консолидации Российской цивилизации. Особую роль в этом контексте играла русская крестьянская община, которая сформировала соборную личность, ориентированную на совместную деятельность в трудных условиях существования по принципу «один за всех, все за одного», что обеспечивало выживание населения в ситуации сурового климата и рискованного земледелия. Попытки уничтожить общину как препятствие развитию капитализма в деревне в имперский период не увенчались успехом. В советские годы общинная психология была использована в коллективизации сельского хозяйства и устройства многих сторон жизни страны Советов. Из православной веры, соборности и общинности проистекала идея социальной справедливости в отношениях между отдельными людьми и социокультурными стратами. Принципы социальной справедливости истолковывались в России из коллективных интересов, а не индивидуалистических. В этом кардинальное отличие от протестантизма, на основе которого формировался капитализм. Поэтому капитализм трудно прививался здесь. В советскую эпоху

*Большой герб
Российской
империи*

Герб СССР

*Герб Российской
Федерации*

А. Васнецов.
«Вечер»

цивилизации исходил из мессианизма православия, а позднее из коммунистической доктрины и проявлялся на разных этапах в различных формах. Так происходило во время христианизации вновь присоединяемых территорий, в многочисленных войнах и дипломатических демаршах имперской и советской эпох. Разница была в том, что в досоветский период упор делался на православие и русскую культуру, а в советский – на идеи социализма и коммунизма, которые после Второй мировой войны оказывали влияние на треть человечества.

Рассмотренная совокупность и взаимосвязь признаков Российской цивилизации свидетельствуют о ее принадлежности к числу локальных цивилизаций планеты, доказывают самобытность, самостоятельность цивилизационного статуса и его отличие от подобных сообществ в мировой истории, в частности от Западной цивилизации. В то время как последняя базировалась на западно-римской культуре, восходящей к европейской античности, Российская же – на византийской, то есть восточной, но ту и другую объединяло христианство. Для Западной цивилизации характерны демократия, либерализм, личный успех, превалирование материальных ценностей над духовными. Для Российской цивилизации наоборот – авторитарная власть, специфическая государственность, необходимая для управления многонациональной и многоконфессиональной общностью, живущей на огромном пространстве с нелегкими природно-климатическими условиями, склонностью к подчинению индивида коллективу, общинностью, социальной справедливостью, нестяжательством, патернализмом, мистицизмом, превосходством духовных ценностей над материальными, а государственных интересов над личными выгодами. Признаки Российской цивилизации претерпели некоторые изменения в веках, а их принципиальная трансформация произошла в двадцатом столетии.

идея социальной справедливости получила дальнейшее развитие и вылились в постулат «от каждого – по способностям, каждому – по труду», с перспективой выхода на уровень «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям», но они часто нарушались, хотя и сыграли важную роль в достижениях нового строя. В годы распада СССР и либеральных реформ они были утрачены.

Экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм Российской

Этапы развития

По поводу этапов развития Российской цивилизации, так же как и по другим ее проблемам, существует широкий разброс мнений. Некоторые современные авторы вслед за Н. Бердяевым пытаются разделить единую цивилизацию на несколько субцивилизаций: киевскую, «ордынскую», московскую, петербургскую, советскую и постсоветскую. Такой подход требует уточнения. Во-первых, Бердяев в данном контексте не употреблял слова «субцивилизация». В книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он писал: «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода...» и т. д., то есть речь идет об определенных периодах одной и той же цивилизации, а не о субцивилизациях. Во-вторых, если признавать существование самостоятельной Российской цивилизации, то как можно разделить между так называемыми субцивилизациями единое географическое, геостратегическое, этническое, культурное и ментальное пространство?

Существует другая точка зрения (Ю. В. Ирхина), согласно которой у Российской цивилизации семь стадий развития:

- праиндо-европейский, арийский, праславянский, рунический, языческий период с 4-го тыс. до н. э. – до Крещения Руси;
- Киевская Русь христианского времени – X–XII века;
- Московское царство – XIII–XVI века;
- Петербургская империя (с Петра I) – с XVIII века;
- Российская империя – XIX – начало XX века;
- Социалистический период – 1917–1991 годы;
- Современная фаза: первый этап с конца 1991 года – до конца 1999 года; второй – с 2000 года по настоящее время.

С ней можно согласиться, за исключением разделения Российской империи на две части (Петербургская империя (с Петра I) и Российская империя, а также с выделением двух этапов в последней – современной стадии (об этом рано говорить). В связи с тем, что базовые коды Российской цивилизации оставались практически неизменными в эпоху традиционного общества, а претерпели крутые трансформации в условиях модернизации XX века, рассмотрим именно этот период.

Русская революция начала двадцатого столетия, Первая мировая война едва не привели к краху Российской цивилизации. От нее отпали Царство Польское, Великое княжество Финляндское, заявили о суверенитете многие регионы Кавказа, Средней Азии и Сибири. Цивилизация чуть не распалась на ряд фрагментов, которые могли стать легкой добычей могущественных государств той эпохи. В ходе советской модернизации – переходе от традиционного аграрного общества к индустриальному, изначально земледельческий характер экономики поменялся на индустриальный, а сельский образ жизни населения – на городской со всеми вытекающими последствиями. Если в 1913 году на

долю России приходилось только 2,6% мирового промышленного производства, то в 1960 году уже 19,6%. Тогда же произошло выравнивание численности городского и сельского населения. К концу века по сравнению с его началом доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%. Была ликвидирована неграмотность, резко возрос уровень образования, тогда как к началу XX века лишь 2% населения (в основном дворянство и духовенство) были грамотными, остальные сословия по степени грамотности находились на уровне западно-европейских стран XVII века. Эти процессы протекали интенсивно в относительно короткий срок и носили ярко выраженный мобилизационный характер, куда более масштабный по сравнению с предшествующими периодами.

В политическом плане осуществлялся переход от царского самодержавия к диктатуре пролетариата, а от нее к общенародному государству. В социальном ракурсе движение шло от буржуазно-помещичьего строя Российской империи к мировой пролетарской революции, от нее поворот к «социализму в одной стране», а затем к форсированному строительству коммунизма, что вскоре было заменено «совершенствованием развитого социализма», а в конце века произошел отказ от социализма и переход к рыночным отношениям, фактически возврат к капитализму. Эти крутые зигзаги не могли не сказаться на устойчивости Российской цивилизации и ее народе, которому при жизни одного-двух поколений пришлось пережить кардинальные ломки своего существования. Таких масштабных и скоротечных трансформаций не наблюдалось ни в одной земной цивилизации.

Не удивительно, что в быстротечности событий ни одна из обозначенных стадий не была завершена, оставались многочисленные пережитки предшествующих этапов, в частности традиционного общества: отголоски общины не только в деревне, но и в городе, слабость политической культуры, советы как вечевая (сход) форма управления, культ отца Отечества, низкий уровень человеческих потребностей и их удовлетворения. К числу таких негативов придется также отнести огульный подход к новациям, неумелое их сочетание с национальными традициями, неуважительное отношение к вкладу предшествующих поколений, очернение их лидеров без оглядки на те обстоятельства, в которых они принимали конкретные решения. Отсюда вывод о том, что не стоит очертя голову погонять загнанную лошадь российской истории то капиталистическим, то социалистическим, то либеральным хлыстом. Необходимо хотя бы минимальное время для созревания новых форм бытия и разумные переходные формы к нему.

Принято считать, что кардинальная трансформация Российской цивилизации в XX веке не оставила ее традиционных доминант, но это не так. Часть из них сохранилась практически полностью: масштабы территории, климатическая специфика,

незащищенность естественными рубежами от посягательств извне, длительность существования, самобытность, оригинальность культуры и традиций, полиэтничность и многоконфессиональность, политическая самостоятельность, державность, своеобразие форм государственного устройства, экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм, мобилизационный тип развития.

Другая часть, прежде всего основанная на христианских заповедях, наполнилась новым содержанием: справедливость – уничтожение эксплуатации человека человеком; всеединство и мессианизм – «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; нестяжательство – «каждому по труду»; «Святая Русь», «Царство Божие на земле» – коммунизм; державность – «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь»; «Москва – Третий Рим» – Третий Интернационал; «За Веру, Царя и Отечество» – «За Родину, за Сталина»; «Самодержавие, православию, народность» – диктатура пролетариата, марксизм-ленинизм, «новая историческая общность – советский народ».

Вышеназванные девизы не просто символы, а реальное воплощение советской практики, выраженное новыми словами, но имеющее прежний социально-политический смысл, что подтверждает сохранение традиционных доминант цивилизации и свидетельствует о рецидивах традиционного общества. Более того, некоторые из этих девизов перекликаются с «Моральным кодексом строителя коммунизма», где записано: «кто не работает, тот не ест»; «каждый за всех, все за одного»; «человек человеку друг, товарищ и брат»; «непримиримость к несправедливости ... стяжательству»; «дружба и братство всех народов...»; «братская солидарность с трудящимися всех стран...». Вместо веры в Бога советская власть настойчиво навязывала веру в светлое будущее – коммунизм. Тем самым была подорвана православная

Икона «Москва — Третий Рим»

Демонстрация в честь III Интернационала. Москва. 27 июня 1920 года

основа Российской цивилизации, хотя фактически в народе она оставалась. Численность верующих уменьшилась, но все-таки была значительной, сохранились традиции православной культуры и нравственности.

Одним из трагических феноменов Российской цивилизации последнего столетия стала масштабная компрометация каждым новым правителем своего предшественника. Сталин громил Романовых и ленинскую гвардию, Хрущев – Сталина, Брежнев – Хрущева, Горбачев – Брежнева, Ельцин – Горбачева и Сталина вместе взятых. Похожий процесс происходил на нижних ступенях административной лестницы. Страна не успевала опомниться от одного погрома, как начинался другой. Все это наносило непоправимый урон экономике, социальной сфере, менталитету народа, имиджу государства. Трудно надеяться на благополучие державы и благоденствие ее народа, пока такой синдром не искоренится.

В конце XX века Российскую цивилизацию поразила острейшая системный кризис, вызванный, с одной стороны, крахом советской модели социализма, а с другой стороны, кризисом глобальной индустриальной цивилизации с ее современными пороками, прежде всего с перепотреблением. Эти причины связаны между собой, поскольку социализм и капитализм являются двумя сторонами одной медали и отражают в наши дни общий кризис индустриализма. В связи с ослаблением системы социализма, ее проигрышем в холодной войне западная цивилизация начала массированное наступление на Российскую.

Лейтмотивом этой борьбы стал антикоммунизм, но и после его падения она не прекратилась, а перешла в новую, более изощренную фазу, которая с пугающей быстротой трансформирует коды Российской цивилизации не в лучшую сторону. Произошла смена политического и государственного строя, национального устройства, социально-экономической системы, управленческой элиты, образа жизни, идеологии и культуры, ценностных ориентиров, морали, нравственности. Традиционные общинные ценности трансформируются в индивидуалистические, гибнут лучшие качества народного характера. Стремление к духовному совершенству заменяется стяжательством, отзывчивость на людские невзгоды уступает место равнодушию, а то и прямому эгоизму. Необходимость повседневного труда замещается культом развлечений, удовольствий сегодняшнего дня. Традиции труда вытеснила мораль потребительства.

Сократились территория и население, уничтожаются не только советские завоевания, но и принципы жизнеустройства Российской цивилизации, на которых она держалась сотни лет. Потеряны наиболее благоприятные по природным условиям территории, цивилизация еще дальше «сдвинулась» на север. В такой ситуации трудно ожидать роста эффективности экономики в рыночных условиях. За годы перестройки и либеральных

реформ утеряна половина промышленного потенциала России. Деградирует не только культура, но даже «великий и могучий» русский язык, который засоряется далеко не всегда нужными иностранными словами и низкопробным жаргоном.

Неудержимо возрастает разрыв между богатыми и бедными. В то время как в Советском Союзе на рубеже 1970–1980 годов соотношение между ними было 3:1, сегодня оно официально равно 15:1, а в реальности – значительно больше. Правящая элита, как и в начале XX века, далеко оторвалась от народа, хотя является, в отличие от имперской, недавним выходцем из него. Ее интересы сфокусированы на разбазаривании природных богатств Отечества и вывоз полученных прибылей за рубеж, что ставит и без того ослабленную экономику цивилизации в катастрофическое положение.

Конечно, Российская цивилизация нуждалась в обретении современных реалий, но для этого не стоило менять ее на заморский образец. Ведь она не раз сама справлялась с вызовами времени. Да и опыт трансформации других цивилизаций, таких как Китайская, Индийская, Японская, свидетельствуют о том же. Антикоммунистическая революция в СССР на рубеже 80–90-х годов, с одной стороны, была кульминацией противостояния между сторонниками и противниками социалистического переустройства общества внутри страны, а с другой стороны, результатом внешнего воздействия холодной войны. В ходе либеральных реформ, последовавших за ней, разрушалась советская система, которая несла остатки кодов Российской цивилизации. Новая система, ее «цивилизационный плюрализм», представляющие собой гибрид советского, постсоветского, а также западного, ведет к мутации тысячелетней цивилизации.

Из вышеизложенного вытекает вывод о том, что тысячелетний путь Российской цивилизации, несмотря на неоднократные срывы в развитии, свидетельствует о ее гомогенности, цивилизационной идентичности, самобытности и существенной роли в мировой истории. Она стала непреодолимым препятствием на пути к мировому господству для Чингисхана, Наполеона и Гитлера, первая преодолела земное притяжение и вышла в космос, но не всегда могла обеспечить достойное существование своего народа. Практически во все исторические эпохи для нее характерна высокая степень концентрации власти, что было ответом на многочисленные вызовы истории.

В условиях гигантских катаклизмов XX века она в основном сберегла свои коды. Сохранились политическая самостоятельность, вертикаль власти, несмотря на то что они подвергаются эрозии под воздействием либерализма и глобализации. Своеобразие форм государственного и социального развития, полиэтничность и многоконфессиональность, самобытность и оригинальность культуры остаются, хотя толерантность отношений между этносами и конфессиями после распада СССР поколебалась,

а культура подверглась разрушительному воздействию со стороны Запада. К началу XXI века Российская цивилизация потеряла экономический, культурный и мивоззренческий экспансионизм.

В научных трудах и средствах массовой информации навязчиво звучит тезис о том, что она в XX веке свернула со столбовой дороги мирового прогресса. А может быть, наоборот, намечала путь к будущему, поскольку в историческом процессе всякие бывают альтернативы? Стремление к построению социализма в России было не встраиванием в старую систему общественных отношений, а прецедентом прорыва типа возникновения феодализма или капитализма. Несмотря на то, что коммунизм как идея преодоления критических ситуаций в обществе известен не одну тысячу лет, попытка его масштабной реализации именно в Российской цивилизации заслуживает внимания, хотя и не увенчалась успехом в двадцатом столетии. Существует расхожее мнение, что советский «железный занавес» отгораживал Российскую цивилизацию от Атлантической, тормозил ее прогресс. С одной стороны – так, но с другой стороны – необходимо понимать, что он до поры до времени охранял ее от пороков западной цивилизации, прежде всего от бездуховности, индивидуализма, жажды наживы и других зол современности.

Исторический опыт свидетельствует о том, что всякий раз, когда Россия оказывалась на краю пропасти, что-то удерживало ее от падения, после чего начиналось возрождение. Так было при Петре I: казалось, что она безнадежно отстала от просвещенной Европы, но ценой невероятных усилий и непомерных жертв в стране появились и современная (для тех лет) промышленность, и вооруженная не хуже европейских армия, был дан мощный толчок развитию науки, просвещения. Россия реши-

*И. Глазунов.
«Вечная Россия»*

тельно утверждала себя в одном ряду с мировыми державами. А 1812 год: российская армия отступала до самой Москвы, сдала ее; очередная победа Наполеона казалась уже неотвратимой, как вдруг все радикально переменялось: «непобедимого» полководца русские разгромили. Столь же безвыходным казалось положение на первом этапе Великой Отечественной войны, но она закончилась Победой! То есть когда перед цивилизацией вставала четко определенная и всем понятная задача, народ ее успешно решал.

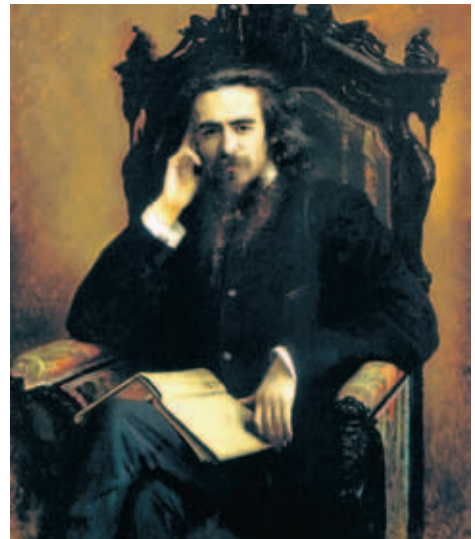
Национальная идея¹

В размышлениях о перспективах Российской цивилизации на ум приходят слова А. С. Пушкина: «Куда ж нам плыть?». Прошло двести лет, а ответа нет. Его пытались дать западники и славянофилы, социал-демократы и либералы, а «воз и ныне там». Обретению русской идеи, ее разным трактовкам посвящена огромная литература от летописца Нестора, который в «Повести временных лет» ставил вопрос «откуда пошла Русская земля?» до Никиты Михалкова с его «Манифестом просвещенного консерватизма». Нет никакой возможности проанализировать все это в кратком тексте. Попытаемся вычлениить и оценить главные этапы трансформации идеи, сформулировать подходы к ее современному варианту.

В истолковании Русской идеи чаще всего сталкиваются два разных представления о ней: богословское и светское, считающиеся непримиримыми. При этом ссылаются на Вл. Соловьева: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Однако уходить от исторической реальности их взаимодействия в России трудно. В России царская власть руководствовалась в управлении страной и ее народами церковными заветами, но проводила их в жизнь вполне светскими методами. Возникает дилемма: Русская идея – безжизненный фантом или историческая реальность? Если это историческая реальность, то она существовала в конкретных условиях и имела конкретные результаты. Задача заключается в том, чтобы понять их и по достоинству оценить.

Став составной частью христианского мира, приняв православие, Русь приобщилась к культурному богатству Византии,

*И. Крамской.
«Портрет
философа
Вл. Соловьева»*

¹ См. подробнее: Алексеев В. В. Национальная идея России: поиски и обретения // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 17–25.

*М. Антокольский.
«Нестор-летописец»*

являвшейся наследницей эллинистической культуры. Летописец Нестор поведал о пророчестве апостола Андрея Первозванного, ставшем впоследствии основой утверждения богоизбранности святой Руси – России. Отсюда ее мессианское предназначение в Русской идее. Восточное (Византийское) христианство исходило из того, что «невозможно христианам иметь церковь, а царя не иметь». Эту заповедь восприняли московские Великие князья, которые стали именоваться царями, а их держава объявлялась вселенским «Благословенным царством».

После падения Византии Московское царство осталось единственным православным государством. Эту мысль инок псковского монастыря Филофей облек в формулу: «Москва – Третий Рим, а четвертому не быть». Руси предназначалась роль носительницы и хранилища истинного христианства, православия. Идея богоизбранности Руси, задавая рамки мессианства, развилась в практику неприятия западного христианства, прежде всего католичества, и в теорию потенциальной перспективности России по отношению к Западу, что нашло отражение в поиске смысла Русской идеи мыслителями XIX века.

Именно тогда под влиянием побед над Наполеоном и создания в Европе «Священного Союза» во главе с Россией поиск Русской идеи приобрел особую остроту. В первой четверти века она из страны, которой постоянно угрожала внешняя опасность, континентальная изоляция, превратилась в своеобразную сверхдержаву. В этих условиях произошел своего рода сплав трех предшествующих фаз исторического самоосмысления Руси: принцип религиозный (православие – Киевская Русь), политический (са-

модержавие, «священное царство» – Московская Русь) и социокультурный (европейская цивилизация – Российская империя). На этом поприще выступали наиболее колоритные фигуры общественной мысли страны.

В 30-е годы XIX века П. Чаадаев, сравнив Россию с Западной Европой и выявив их абсолютную несхожесть, сделал вывод о том, что наша страна находится в особых отношениях с божественным Провидением. Она «получила в удел задачу дать в свое время разгадку

*Гравюра
Штейфензанда
«П. Чаадаев»*

*Н. Данилевский**Ф. Достоевский*

человеческой загадки». Это, с его точки зрения, и должно стать Русской идеей в отличие от уже осуществленных идей Востока и Запада. Замысел Провидения о России видел Чаадаев в том, «что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества».

Славянофилы в 40-е годы XIX века сформулировали концепцию, в рамках которой Русская идея превосходила основы западноевропейской цивилизации. Единственной альтернативой грядущей катастрофе Запада, по убеждению славянофилов, могла быть только Русская идея, то есть православие, заложившее духовные основы русского народа и гармонично вписавшееся в формы изначальной славянской социальности.

На конкретном материале это доказал Н. Данилевский в своей книге «Россия и Европа». С его точки зрения, уникальность России состоит в том, что она единственная обладает здоровым общественно-экономическим строем, позволяющим прогнозировать ее устойчивость. Европе (германо-романскому типу), с одной стороны, грозит Харибда цезаризма или военного деспотизма, с другой, Сцилла социальной революции. Трактовка Русской идеи Данилевским придала ей новый геополитический смысл. Она оказалась знаменем, под которым вокруг России должны объединиться славянские народы.

Это привело к переосмыслению христианской составляющей Русской идеи и придало ей универсально-всечеловеческое измерение. Ключевыми фигурами на таком пути стали Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. Федоров. Достоевский писал: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация». Он сопоставлял Русскую идею с основными конфессиями христианства. Уже проявила себя католическая (французская) идея, эволюционировавшая в антихристианский социализм. Противопоставила себя ей протестантская (германская) идея, зависимая от католицизма «А между тем на Востоке, – констатирует Достоевский, –

*Л. Пастернак.
Портрет
Николая Федорова*

действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся, – может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы».

Он именовал русских «народом-богоносцем», не придавая этому шовинистического значения, что переводило проблему из сферы национального в сферу христианского служения. Размышления о «всеценности, всепримиримости, всечеловечности», по мнению Достоевского, составляют содержание Русской идеи. Это те черты, которые сформировались как результат гармонического развития многочисленных этносов в пределах России, их общения через русскую культуру к высотам мировой культуры. Поэтому Русская идея рассматривалась в многонациональной России как общенациональная. Именно в этом видел Достоевский роль русского народа в процессе всемирного человеческого единения. Он подчеркивал, что Россия постоянно жертвовала своими национальными интересами в угоду интересам других народов, неоднократно защищала Европу и европейскую цивилизацию от вторжения со стороны Востока и спасала Европу от ее собственных тиранов.

Н. Федоров обосновал фундаментальную разделенность мира на «Восток» и «Запад». В контексте такой схемы определялось призвание России. Будучи правопреемницей христианской Византии, она брала на себя вселенское дело последней – «дело внутреннего и внешнего примирения Запада с Востоком». Главное препятствие на этом пути по Федорову – враждебность Запада (Европы). Он писал: «Запад, употребляя ислаимизм как орудие, силится нанести удар по славянству, которое своею грудью защищало тот же Запад; и как только будет разбита эта грудь, ислаимизм, не опасаясь более России, сбросит с себя оковы Запада... затем по трупам России ислаимизм шагнет к самому Западу»¹. Как современно это звучит в свете последних событий на Балканах, Северном Кавказе, в Африке.

Наряду с передовыми представлениями общественной мысли своего времени трактовку Русской идеи дала царская власть устами министра народного просвещения графа С. С. Уварова. Она звучала так: «Самодержавие, православие, народность». Эта теория была резко раскритикована в годы советской власти. Между тем в ней был определенный смысл, который оберегал незрелую политическую культуру страны от внутренних и внешних радикалов, что продемонстрировали трагические события начала следующего века. Триада официальной народности утверждала единство национального самосознания и властной

¹ Федоров Н. Ф. Сочинения. Москва; 1982. С. 294.

вертикали, что так не достаёт нынешней России, разумеется, в современном понимании.

У некоторых современных авторов существование Русской идеи заканчивается в начале XX века. Конечно, после революции 1917 года прервалось ее православное понимание, но она продолжала жить в народном сознании и в новой форме присутствовала даже в большевистской лексике. Стоит только вспомнить триаду официальной народности, чтобы убедиться в этом. На месте самодержавия оказалась диктатура пролетариата, православия – марксизм-ленинизм, народности – «новая историческая общность – советский народ». А девиз «Москва – Третий Рим» превратился в «Третий Интернационал».

В ходе Октябрьской революции 1917 года и советских преобразований восторжествовала так называемая Красная идея под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», которая, с одной стороны, унаследовала мессианистский характер Русской идеи, а с другой стороны, категорически отвергла ее религиозное содержание. Мессианизм проявился прежде всего в попытке развернуть мировую пролетарскую революцию с целью избавления трудящихся (в первую очередь европейских государств) от капиталистической эксплуатации. В дальнейшем он вылился в масштабную помощь странам, освободившимся от колониальной зависимости. Если первая попытка не увенчалась успехом, то вторая сыграла огромную роль для молодых развивающихся государств. Стержнем Красной идеи был девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Она призывала к строительству коммунизма, своего рода «царству Божьему» на земле. Однако создать земной рай не удалось. В силу объективных и субъективных причин социалистическая идея в Советском Союзе была дискредитирована, что привело к катастрофическим последствиям для страны.

Несмотря на то что марксизм пришел из Западной Европы, советское руководство отгородилось от нее железным занавесом по причинам как внешним, так и внутренним. Западные страны сначала пытались осуществить интервенцию в Советскую Россию, а потом организовали ее блокаду. С точки зрения внутренней политики советская власть была не заинтересована в широком контакте с Западом, поскольку жизненный уровень населения в СССР находился на значительно более низкой ступени, чем там, что подрывало веру в преимущества социализма.

В определенной мере осуществился тезис о всеславянском единстве, особенно после Второй мировой войны, когда образовалось социалистическое содружество государств в Восточной

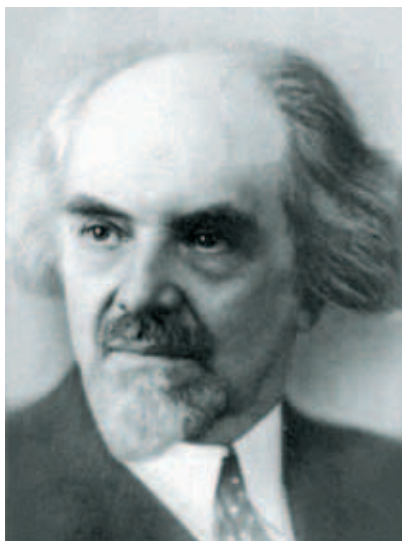
*В. Голице.
Портрет
Сергея Уварова*

Европе. Правда, в него не вошла Греция, которая в Русской идее всегда фигурировала как оплот православного мира. Вообще, после Второй мировой войны с созданием социалистического лагеря, расположенного не только в Европе, но и в Азии, укреплением социально-экономической и военной мощи СССР, он превратился в супердержаву, фактически Третий Рим, но существовал и Четвертый – США, который после распада СССР вершит судьбы мира.

Божественный смысл Русской идеи был полностью отвергнут большевиками, что, однако, не мешало им подчеркивать если не богоизбранную, то по крайней мере особую роль России в мире. Во внутреннем плане советский атеизм нанес огромный урон культуре и нравственности народов СССР. Отрицая в теории богоизбранность русского царя, коммунистические лидеры на практике так возвысили свою власть, что она оказалась куда большей, чем царская. Этому способствовало имперское прошлое, порожденное традиционным обществом, незавершенной модернизацией. Сам советский строй, с одной стороны, базировался на европейской социалистической идее, а с другой стороны, на общинных началах российской жизни. Это противоречие порождало гибрид догоняющей модернизации, что вело к аномалиям, крайностям и жестокостям сталинского режима, который представлял собой сплав советского авторитаризма и имперского традиционализма.

Красная идея подвергалась ожесточенной критике как внутри страны, так и за ее пределами, особенно среди русской эмиграции за рубежом. Наибольший интерес представляют подходы Н. Бердяева и И. Ильина. Н. Бердяев писал: «В России революция могла быть только социалистической... По русскому духовному складу революция могла быть только тоталитарной.

Н. Бердяев

И. Ильин

Все русские идеологии всегда были тоталитарными, теократическими или социалистическими. ... Марксизм был приспособлен к русским условиям и русифицирован. Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей... Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен».

И. Ильин приложил большие усилия к разработке Русской идеи в новых условиях, альтернативной большевизму. По его мнению, «эта идея должна быть государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из духовного склада». По Ильину, «это есть *идея воспитания в русском народе национального духовного характера*... Без этого России не быть...». «Для русского народа, – по утверждению Ильина, – нет выбора: если он не вступит на этот путь, то он вообще не может удержаться на исторической арене. Тогда он будет отваян в пространство, как историческая мякина, или затоптан другими народами, как глина». Дальновидная позиция Ильина по поводу национальной идеи исключительно важна в современных условиях, когда в муках ведется ее поиск на постсоветском пространстве.

После распада СССР и отказа от Красной идеи, на заре либеральных реформ была поставлена задача обретения новой Русской идеи. Ее подготовку Президент Б. Н. Ельцин поручил Б. Березовскому, В. Гусинскому, Г. Бурбулису и их сподвижникам¹, но позитивного результата не последовало. Одни восприняли ее как выражение нашего национального самосознания, другие как доктрину русского национализма и шовинизма, третьи видели в ней программу действий в новых условиях, а четвертые скептически отрицали саму идею как никчемную и даже вредную в переходный период. Возникает вопрос: если в ее необходимости сомневаются в переходный период, когда требуется определить вектор движения и стратегию развития, то так ли она нужна после его завершения? Видимо, дело не в том, что идея не нужна России, а в том, что ее трудно сформулировать в нынешней крайне противоречивой ситуации.

Именно в нынешней критической ситуации стране необходима устойчивая национальная идентичность. В XX веке Россия дважды переживала разрушительные кризисы идентичности. Первый – в его начале, второй – в конце. Суть первого – потеря миссии вселенского православия, а второго – утрата «светлого

¹ Россия в поисках идеи. Рабочие материалы группы консультантов при Администрации Президента Российской Федерации. М., 1997; Подберезкин А. Русский путь. М., 1996. С. 17.

будущего» человечества – коммунизма. Первый кризис обернулся перманентной борьбой между этими двумя идентичностями, столетней революцией, а второй – распадом великой державы, что поставило Россию на грань выживания. Поэтому современная национальная идея должна соответствовать масштабам возрождения этой цивилизации. Потребность в ней происходит из необходимости мобилизации усилий всего народа для достижения поставленной цели.

Такую амбициозную попытку в начале 2000-х годов предпринял наш Институт. Была предложена триада: *«Просвещение, гражданственность, достоинство»*, которую обсудила и одобрила Всероссийская научно-практическая конференция «Россия в поисках национальной стратегии развития» (апрель 2003 года). Слово «просвещение» в русском языке носит более широкий смысл, чем просто путь к знаниям. Оно происходит от христианского «просветление» и означает не только накопление знаний, но и высокую духовность. Просвещение разума и духа знаменовало важнейшие вехи национальной истории России, периоды ее взлетов и побед. Просвещение – это идея последовательной и целеустремленной борьбы с отсталостью, бескультурьем, мизерными жизненными целями за право и правду – это культ знаний, приоритетное развитие науки и высоких технологий как основы решения задач модернизации страны в широком смысле слова.

Гражданственность должна видоизменить взаимоотношения общества и государства, сделав благо рядового российского гражданина конечной целью и смыслом деятельности Российского государства. Идея гражданственности означает первенство закона над бюрократическим произволом. Традиционный идеал сильного Российского государства в современных условиях немислим вне идеи гражданственности.

Идея достоинства связана с преодолением в российском обществе массового настроения самоуничтожения, пренебрежения ко всему отечественному, порожденное «лихими» девяностыми годами. Достоинство – это то, что должно в конечном счете помочь России найти свой собственный органичный путь к экономическому процветанию и культурному прогрессу, опираясь на собственный труд, интеллект и волю.

В совокупности эта триада отражает наиболее значимые проблемы современной России. На пути формирования национальной идеи в нынешней сложной российской действительности очень много трудностей, но их необходимо преодолевать в условиях натиска глобализма. Во всем мире с каждым годом нарастает противоречие между глобализмом и регионализмом. Понимая неизбежность глобализации, многие народы пытаются сохранить свои основные этнокультурные ценности. Для России эта проблема обретает особую остроту, поскольку народ, прежде всего молодежь, после 20 лет неопределенности теряет надеж-

ду на выход из нее, что чревато большими неприятностями для Отечества.

Между тем национальные идеи имеют не только передовые державы, но и развивающиеся. Известны идеи (девизы) 175 стран мира. Среди них такие классические широко известные как «Свобода. Равенство. Братство» (Франция), «Бог и мое право» (Англия), «На Бога уповаем. Новый порядок на века» (США), «Свобода или смерть» (Греция), «Социализм с китайской спецификой» (Китай), «Земля обетованная» (Израиль), «Единство в многообразии» (Европейский союз) и др. Есть и экзотические «Звезда и ключ Индийского океана» (Маврикий), «Куда кривая выведет» (Бермуды). Для России последняя формулировка никак не подходит, хотя нынче на практике дело обстоит почти так. По оценке Отдела политического анализа и национальной безопасности Информационно-аналитического управления Совета Федерации РФ «со времен Ленина – Сталина и доктрины «экспорта революции» в России отсутствует доктринальное мышление как форма государственного управления и развития»¹. Следствием этого обстоятельства является то, что у современной России нет девиза, а следовательно, нет наивысших ценностей.

А какой же все-таки быть новой Российской идее? На этот вопрос еще в начале прошлого века специфически ответил знаменитый английский геополитик Х. Дж. Маккиндер. Сравнивая национальные идеи Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов Америки, он выдвинул идею Хартленда (сердцевинной, срединной земли от англ. «heart» – сердце и «land» – земля, суша), под которой понимал Россию с ее огромными природными ресурсами, многомиллионным населением, выгодным геополитическим положением. В ходе Второй мировой войны ученый доработал свою концепцию, получившую мировой резонанс благодаря принципиально значимой стратегической безопасности региона. По Маккиндеру, «Хартленд является величайшей естественной крепостью на земле», которую необходимо беречь не только для нашего Отечества, но и для мирового сообщества². Более того, сформулировав концепцию «географической причинности во всемирной истории», он называл Россию осевым государством (pivot – центр, ось вращения), которое служит стабилизатором мировых процессов. При этом, с его точки зрения,

*На трибуне
сопредседатель
оргокомитета кон-
ференции «Россия
в поисках наци-
ональной стра-
тегии развития»
В. Якимов*

¹ Арбатская М. Н. Национальная идея в национальных девизах // Россия и современный мир. 2010. № 2(67). С. 113–118, 121.

² Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 163; Он же. Круглый мир и достижения мира // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 152–157.

Х. Дж. Маккиндер

«никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования»¹.

Первая и Вторая мировые войны, третья – холодная, – с нашей точки зрения, – наряду с конкретными территориальными притязаниями воюющих стран друг к другу преследовали цель разрушить осевое государство – Россию, лишить ее важного стратегического преимущества. А последовавший за всем этим распад Советского Союза «деформировал ось мировой истории», что фатально нарушило международную стабильность и привело к катастрофическим последствиям. В интересах мирового сообщества – восстановить status quo. Генеральная же задача России на ны-

нешнем этапе заключается не в возвращении к славе Третьего Рима, не в создании оплота мировой пролетарской революции, не в поиске приюта в Европейском общем доме, а в сохранении и упрочении Хартленда, что означает обретение ею современной национальной идеи. В этом контексте ее краткий девиз мог бы звучать так: «Срединная земля – оплот мира и процветания».

По этому поводу сталкиваются самые разные точки зрения. Раздаются голоса о том, что Россия должна разработать оригинальный подход к нынешней критической ситуации в мире и сформулировать спасительную идею. Это не исключено, но какими силами она будет ее осуществлять? Видимо, сегодня преждевременно надеяться на третье издание мировой мессинской идеи. Необходимо найти ее реальный, оптимальный, обобщенный вариант для выхода из внутреннего тяжелейшего кризиса страны.

Сущность этого кризиса неоднократно излагалась различными политическими и научными силами, что избавляет нас от необходимости лишней раз обращаться к нему. Целесообразней сопоставить подходы к конструированию современной национальной идеи. В этой связи заслуживает особого внимания мнение Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Национальная идея не может ограничиться формулированием неких пусть даже фундаментальных истин, она должна иметь непосредственный выход в практическую сферу, призвана быть движущей силой при совершении людьми определенных деяний».

Немало сделано в этом отношении Московским центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Нельзя не согласиться с их тезисом: «Для человека важна идея, смысл существования и преодоления. Они зачастую более весомы, чем материальные условия... Страна

¹ Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. С. 169.

в целом побеждала тогда, когда войны знали, за что они воюют. Страна прирас- тала территориями, осваивала их – когда людьми двигала значимая и осознанная идея». Национальная идея в понимании Центра: «Это устойчивое представление индивида о прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его жизненные усилия, а также состояние общественного сознания»¹. С индивидом в данной формулировке все в порядке, но идея-то национальная (государственная), а его-то в ней и нет, как нет и упоминания о месте страны в современном мироустройстве. Между тем идея должна быть государственной (национальной), сочетающей интересы страны и человека в определенную историческую эпоху. За такую идею люди будут бороться и побеждать. Отмеченный пробел был преодолен Центром в опубликованном в 2012 году шеститомном труде «Национальная идея России», в котором глубоко теоретически, научно-проектно и управленчески полно разработаны проблемы современной России. Этот фундаментальный труд может служить базой формулирования ее национальной идеи.

Подводя итоги, можно утверждать, что возраст Русской идеи практически равен истории государства Российского. Она формировалась веками усилиями иерархов церкви, государственных мужей, философов и писателей. Одни ее положения сыграли важную роль в жизни страны, другие потерялись в веках, третьи были переиначены советской властью, четвертые формируются в наши дни. При этом надо иметь в виду прежде всего то, что Русская идея в многонациональной империи всегда была общенациональной, поскольку она создавалась не на этнических принципах, а на основе духовной общности. Существенно и то, что в ней звучала гражданственность, устойчивая идентичность, самоощущенность народов своей Родине, служение всех сословий единой цели, защите Отечества и его стабильности, национально-государственному достоинству. Ее обретение соответственно историческим эпохам прошло несколько этапов – от клерикального, светско-имперского и советского до постсоветского.

*Патриарх
Московский
и всея Руси
Кирилл*

¹ Национальная идея для России. Программа действий (постановка задачи). Под редакцией С. С. Сулакшина. М., 2009. С. 5, 8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В трагедии Александра Пушкина «Борис Годунов» монах-летописец Пимен произносит символический монолог:

*Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг,
Завещанный от бога
Мне, грешному.
Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил...*

В отличие от Смуты семнадцатого века, эпически воссозданной Пушкиным, трагизм российской истории двадцатого столетия пока еще не осмыслен так глубоко и широко. В связи с этим мое «последнее сказанье» о перепутьях исторических эпох будет предельно кратким. С позиций «свидетеля многих лет» и «книжного искусства» стараюсь убедить читателя в том, что стержнем российской истории прошлого века был не социализм, а переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, то есть модернизация. Она шла под лозунгом социализма, переродила страну, вывела ее в число держав мировой индустриальной цивилизации, что было достигнуто дорогой ценой, но великие свершения не обходятся без жертв.

Мне, выходящу из традиционного общества, пришлось все это испытать на себе. Буквально от сохи, из многодетной семьи малограмотных родителей с далекой сибирской окраины удалось подняться до звания академика, объехать полсвета, составить свое представление о происходящем в мире и в родной стране. Возникла потребность разобраться во всем этом и поделиться своими размышлениями с соотечественниками. Так родилась идея этой книги, в которой показано цивилизационное своеобразие российской модернизации, ее индустриальные, аграрные, демографические, политические, культурные и ментальные аспекты, роль исторической науки в постижении их закономерностей, намечены подходы к объяснению того, почему так, а не иначе сложилась российская история.

Выдающийся российский историк Василий Ключевский, размышляя о своеобразии России, писал: «Природа и судьба великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольным путем. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? А попробуйте пройти прямее – только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу». В этих словах образно, но точно воспроизведен русский исторический путь поисков и обретений в определении своего места в окружающем мире. Точно так и произошло в двадцатом столетии. Выбравшись из средневековья, «поплутав» между социализмом и капитализмом, Россия снова вышла на тропу поисков своей идентичности, что ставит задачу не простого описания событий, а глубокого проникновения в их суть, понимания движущих причин исторических свершений, то есть изучения конкретного исторического опыта. Такой подход не означает призыв к повторению прошедшего, а ведет к извлечению уроков из него, особенно когда накатанная «колея прошлого» продолжительное время оказывает влияние на настоящее, не отпуская его из своих цепких объятий, о чем убедительно свидетельствует судьба реформ Петра I. Хочется верить, что историческая наука ускорит свое продвижение по пути конструктивного осмысления минувшего.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>Введение</i>	5
ЭПОХА СТАЛИНА	7
«Золотое дно»	9
Социализм или модернизация?	24
ПОСТСТАЛИНИЗМ	43
Байкальский меридиан	45
Сибирские Афины	57
Развитой или застойный социализм?	94
ЭПОХА ГОРБАЧЕВА – ЕЛЬЦИНА	107
Уральские вершины	110
Тайна века	206
Нация или цивилизация?	233
<i>Заключение</i>	276

Научно-популярное издание

Вениамин Васильевич АЛЕКСЕЕВ

На перепутье эпох

В оформлении книги использованы:

фотографии из личного архива автора, архива Института истории и археологии УРО РАН, фотоархива медиа-холдинга «Уральский рабочий», оцифрованного архива газеты «Уральский рабочий»; фотографов: С. Арканова, А. Буценко, С. Валькова, С. Новикова, А. Семенова, А. Сенокосова, А. Шайхета; а также использованы фото с сайтов: ru.wikipedia.org/wiki, prokudin-gorskiy.ru, www.glazunov.ru, www.fototerra.ru, www.sibcity.ru, club.foto.ru, www.narodsevera.ru, www.tourblogger.ru, www.mygorod.ru, wmuseum.ru, www.severnash.ru, www.liveinternet.ru, фото из книги З. Зеленской «Казачи Размахинь».

Издательство АМБ

620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59

Тел.: (343) 251-65-91, 251-65-95

Президент АМБ *Владимир Лобок*

Художественное оформление *М. Горбунова*

Литературное редактирование *М. Сидельникова*

Обработка иллюстраций *М. Горбунова, С. Наймушина, М. Евсюков, Е. Шилинг, Е. Кошеварова*

Верстка *С. Наймушина*

Подписано в печать 07.10.2013. Формат 70 × 100/16. Усл. печ. л. 22,75. Тираж 1000 экз. Заказ № 2898

Отпечатано в типографии АМБ

620144, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 7

Тел.: (343) 251-65-91, 251-65-95

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Газета издается с 1907 года

газета-уральский-рабочий.рф

Летопись родного города

Вечерний Екатеринбург

Газета издается с 1957 года

вечерний-екатеринбург.рф

**ХРОЛЬСКИЙ
РАБОЧНИЙ**

iГазета

iВечерка

ХРОЛЬСКИЙ РАБОЧНИЙ

iАрхив

**История прошлого, настоящего и будущего
у вас на ладони**